

**ФИЛОЛОГИЯ
И
ЧЕЛОВЕК**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 4

2020

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайский государственный педагогический университет
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. (Барнаул, председатель), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хофман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Е.А. Худенко (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), П.В. Алексеев, М.П. Гребнева, В.Н. Карпухина, И.Ю. Колесов, Г.В. Кукуева, А.И. Куляпин, Е.В. Лукашевич, В.Д. Мансурова, С.А. Осокина, Ю.В. Трубникова, А.Т. Тыбыкова, М.Г. Шкуропацкая.

Секретариат

С.В. Доронина, Е.И. Клинк, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, институт массовых коммуникаций,
филологии и политологии, оф. 405-а.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: soveto1@filo.asu.ru

Адрес на сайте АлтГУ: http://www.fmc.asu.ru/philol_journal/

Адрес в системе РИНЦ: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=25826

Адрес в Open Journal System: <http://journal.asu.ru/pm/index>

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

А.В. Загуменнов. Риторические топы в смысловой организации полемиического текста XVII века (на материале «Письма...» Федора Иванова).....	7
О.А. Колмакова. Н.В. Гоголь в художественном сознании М.М. Зощенко	21
В.Я. Иванова. Владимир Чивилихин в творческой судьбе Валентина Распутина	32
В.В. Дробан, Л.А. Исаева. Лексема «мир» в современном эргонимическом пространстве (на материале наименований коммерческих организаций Краснодарского края)	46
С.В. Беликов, И.Ю. Качесова. Формирование коммуникативно-речевой компетентности в преподавании русского языка как иностранного (из опыта обучения русскому языку китайских студентов)	60
О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина. Литературно-диалектная языковая личность как выразитель народно-речевой культуры.....	76
Н.В. Кожанова. Архаизмы и неологизмы в сфере наименований лиц по профессии (на материале немецкого языка)	93
О.В. Томберг. Homo heroicus в древнеанглийской литературе: лингвоаксиологический подход	103
К.В. Дементьева, М.А. Кузьмина. Карикатура на обложке издания: требования, анализ (The New Yorker, The Week (UK), Der Spiegel, The Spectator)	120
Н.Н. Шпильная. Особенности измененного языкового сознания при психических расстройствах	135

Научные сообщения

В.В. Сазанов. Художественно-интенциональные признаки исповеди и проповеди в рассказе В.П. Астафьева «Капля» из книги «Царь-рыба»	145
---	-----

С.А. Ан, Я.П. Редько. Образы любви, войны и моды в идейно-смысловом поле творчества Т.И. Плотниковой.....	154
Е.А. Вдовиченко, Г.И. Лушников. Религиозные аллюзии в романе Эрика-Эмманюэля Шмитта «Попугаи с площади Ареццо»	163
Н.В. Мельник, К.В. Артемова. Проблема легитимизации в политическом дискурсе (на материале высказываний о пенсионной реформе).....	171
С.Б. Цолоева. Метафорические модели, вербализуемые в англоязычном профессиональном рекламном дискурсе: антропоморфная метафорическая модель	181

Рецензии

Т.А. Семилет. Императивы и идеалы редактора журналистского текста (рецензия на книгу С. Соколовой «Как стать лучшим редактором глянца и медиа: самоучитель от экс-редактора Vogue». М.: Эксмо, 2020)	189
Резюме	193
Содержание журнала за 2020 год	208
Наши авторы	212

CONTENTS

Articles

A.V. Zagumennov. Rhetorical Tops in the Semantic Structure of a Polemical Text of the 17th Century (Based on the Material of <i>Letter...</i> by Fedor Ivanov).....	7
O.A. Kolmakova. N.V. Gogol in the Artistic Consciousness of M.M. Zoshchenko	21
V.Ya. Ivanova. Vladimir Chivilikhin in the Creative Destiny of Valentine Rasputin.....	32
V.V. Droban, L.A. Isaeva. The Lexeme «World» in the Modern Ergonomic Space (Based on the Names of Commercial Organizations in the Krasnodar Region).....	46
S.V. Belikov, I.Yu. Kachesova. The Formation of Communicative and Speech Competence in Teaching Russian as a Foreign Language (from the Experience of Teaching Russian to Chinese Students)	60
O.G. Borisova, L.Yu. Kostina. Literary and Dialectal Linguistic Identity as an Embodiment of Folklife and Linguistic Culture	76
N.V. Kozhanova. Archaisms and Neologisms in the Sphere of Professional Nominations (Exemplified in the German Language)	93
O.V. Tomberg. <i>Homo heroicus</i> in Old English Literature: Linguistic and Axiological Approach.....	103
K.V. Dementieva, M.A. Kuzmina. Caricature on the Cover of a Print Medium: Requirements, Analysis (The New Yorker, The Week (Great Britain), Der Spiegel, The Spectator)	120
N.N. Shpilnaya. Peculiarities of Altered Linguistic Consciousness in Mental Disorders	135

Scientific reports

V.V. Sazanov. Artistic and Intentional Signs of Confessions and Sermons in V.P. Astafyev's Story <i>Drop</i> from the book <i>Queen Fish</i>	145
---	-----

S.A. An, Ya.P. Redko. Images of Love, War and Fashion in the Ideological and Semantic Field of T. I. Plotnikova's Works	154
E.A. Vdovichenko, G.I. Lushnikova. Religious Allusions in the Novel <i>Les Perroquets de la place d'Arezzo</i> by Eric-Emmanuel Schmitt	163
N.V. Melnik, K.A. Artemova. The Problem of Legitimization in Political Discourse (Case Study of Utterances on Pension Reform).....	171
S.B. Tsoloeva. Metaphorical Models Verbalized in the English Professional Advertising Discourse: Anthropomorphic Metaphorical Model	181

Reviews

T.A. Semilet. Imperatives and Ideals of a Journalist Text Editor (Review of the book by S. Sokolova <i>How to Become the Best Editor of Beauty Magazines and Media: Self-Help Book from Vogue Ex-Editor</i> . M.: Eksmo, 2020).....	189
Summary	193
Issues content for 2020	208
Our authors	212

СТАТЬИ

РИТОРИЧЕСКИЕ ТОПЫ В СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛЕМИЧЕСКОГО ТЕКСТА XVII ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ «ПИСЬМА...» ФЕДОРА ИВАНОВА)

А.В. Загуменнов

Ключевые слова: смысловая организация, топ, риторика, раскол, XVII век.

Keywords: semantic structure, top, rhetoric, schism, XVII century.

DOI 10.14258/filichel(2020)4-01

Введение

В период, когда в отечественной науке наблюдается интерес и к языковой личности [Языковая личность, 2016], и к вопросам ценностно-смыслового пространства культуры [Когнитивные исследования языка, 2018] – именно в этот момент обнаруживается едва ли не полное отсутствие диахронической риторики. Подчеркнем: не корпуса хрестоматий нет, поскольку великолепные примеры таковых даны [Античные риторики, 1978 и другие], а нет единого научного направления. Пока что работа в этом русле только начинает проводиться [Бухаркин, 2017; Литературная культура России, 2017]. К сожалению (или к счастью), перенести готовый опыт, например, иностранных исследователей затруднительно в силу специфики других языков, а также научных и коммерческих интересов [Fahnestock, Secor, Larson, 1982; Losh, Alexander, Cannon, 2017; Foss, 2017; Strunk, 2019]. Подтверждается последнее и обилием конструкции «how to...» в названии книг по риторике, например [Торринг, 2016], то есть буквально «как писать и говорить ясно и убедительно». Даже трактатам Цицерона переводчик James

М. Мау дал заглавие, которое дословно означает «как выиграть аргумент» [Сисего, Мау, 2016].

Потому, выбрав в качестве объекта выраженную в знаковой последовательности смысловую систему («Форма без содержания все же мыслима, немислимо только содержание без формы» [Шпет, 2005, с. 498]), мы поставили цель выявить риторические «топосы» (Аристотель), «общие места», «источники изобретения» [Кошанский 2013], «топы» [Волков, 2003] как структурирующие части некоторого целого. В качестве материала привлечено «Письмо», поданное на соборе российских архипастырей 11 мая 1666 года. Его автор – Федор Иванов – по утверждениям современников был самым авторитетным человеком в области знания Священного Писания (МДИР, т. 6, 1881, с. VI)¹. К сожалению, в историко-лингвистических изысканиях его тексты привлекаются редко [Титова, 2003; Кортава, 2016], и, в сущности, вся риторика раскола сводится к сочинениям Аввакума Петрова, как вся речевая культура этой социальной группы XVII века – к «Житию...». Выбор объекта, цели и материала обусловлен недостаточной изученностью сочинений Федора Иванова. Ведь он, как и Аввакум, стоит у истоков самой продолжительной полемики в истории русского «православно-христианского» [Дьячкова, 2007] дискурса; он, как и Аввакум, был сожжен в Пустозерске. Пожалуй, приведенные выше доводы указывают и на актуальность, и на новизну проведенного исследования.

Упомянутый выше интерес к языковой личности в свою очередь обусловил возрождение интереса к риторике. В настоящее время «искусство говорить хорошо» (Квинтилиан) переосмыслиется и как «техника красноречия» (что отображено в специальных пособиях и даже в школьных учебниках А.К. Михальской), и как научная дисциплина [Рождественский, 2003; Ермакова, Ворожбитова, 2014; Риторика, 2016; Настоящее и будущее стилистики, 2019; Медиариторика и современная культура общения, 2019].

Понятийный аппарат традиционной теории риторики несильно обновился за последние полтора столетия. Топос – «общая идея», на которой строится аргумент [Донская, Ассуирова, 2019], а аргумент – завершенная, «словесно оформленная мысль» [Волков, 2003]. Количество «общих мест», или «источников изобретения»

---

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на текст из списка источников Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Брагством св. Петра митрополита: в 9-и тт. М., 1875-[1895]. Т. 1-9

[Кошанский 2013], если углубиться в историю вопроса, не так велико.

М.В. Ломоносов выделял 16 топов, Н.Ф. Кошанский – 24, но мы в нашей статье последуем за типологией, предложенной А.А. Волковым. Он, систематизируя достижения XIX века, выделяет топы определения, соположения и обстоятельства [Волков, 2003]. Мы воспользуемся данным разделением для удобства представления результатов. Характеристика каждого подтипа в полученной классификации подробно дана в хрестоматии Л.К. Граудиной [Русская риторика, 1996].

Общеизвестно, что богословские сочинения без специальной подготовки практически невозможно адекватно изучить. Разумеется, возникает проблема метода исследования. С одной стороны, новейшие достижения в области риторики все больше вовлекаются в сферу когнитивных и дискурсивных исследований. Правда, заимствованный инструментарий, как мы уже говорили, не всегда адекватен лингвистическому материалу, например, XVII века. С другой стороны, перспективными нам видятся филологическая герменевтика и варианты феноменологического языкознания. Поэтому мы вынуждены комментировать богословские сочинения, поскольку это исконный для них способ изучения. Как однажды сказал академик В.В. Виноградов, «феноменологический» анализ будет набросан контурами лишь в конце статьи.

«Внутренние топы» в тексте Ф. Иванова

Сейчас мы затронем те «общие места», которые должны исходить из сущности обсуждаемого предмета. Предваряя наш анализ, укажем, что размышления Ф. Иванова постоянно находятся в орбите конкретных понятий: Бог, Церковь, Книги, Личность, Раскол. Эти 5 составляющих приковывают внимание расколуучителя, и все примеры ниже прямо или косвенно связаны с ними.

1. «Внутренние» (по А.А. Волкову) топы определения.

1.1. Признак: *«А письманыя книги многія прочтохъ, <...> и много искажены, – въ той тако, а въ иной инаково о Святѣмъ Духѣ»* (МДИР, т. 6, 1881, с. 10). Этот пример – критика в адрес «никоновских» изданий богослужебных книг. Отсутствие единства в строках о Святом Духе из гносеологического факта переходит в статус аксиологически значимого, маркирующего «правильные» и «неправильные» тексты.

1.2. Тождество: *«Духъ истинный самъ по своему естеству истиненъ есть, <...> отъ единого Бога Отца истиннаго*

истинный Дух исходит и по ипостаси своей единосущенъ есть Отцу и Слову» (МДИР, т. 6, 1881, с. 14). Сторонники реформы Никона убрали из Символа Веры характеристику Святого Духа как «истинного». Эта стилистическая правка в глазах идеологов раскола вела к ереси: Бог больше не был единым в трех лицах. «Тождество» в данном примере по форме – риторика, по содержанию – догматика.

1.3. Соотносительность: *«Во вѣсѣхъ земляхъ, кои отступили отъ православныя вѣры, – прежде Римъ, егда отпаде со вѣсми западными странами, тогда прежде символъ правыя вѣры повредиша»* (МДИР, т. 6, 1881, с. 14). Ф. Иванов проводит параллели для русских событий XVII века из церковной истории предыдущих эпох и находит общую черту. По его мнению, любому крупному отступлению от истинной веры предшествует изменение в догматах. Поэтому, если это было «тогда», то это случится и «теперь».

1.4. Производность: *«Но нашъ Христосъ воцарился уже, и то Архангела Гавриила слово сбытсья на пречистый Богородицъ, яко зачала отъ Духа Свята, и родила и нарекла имя ему Исусъ, и оттолъ воцарился по присвоению (sic) Слова, и егоже нынѣ царствію нѣсть конца»* (МДИР, т. 6, 1881, с. 16). Оборот «нѣсть конца» предполагает «вечность как отсутствие конца». Поскольку Иисус Христос появился на свет, то Его рождение, Его проповедь, Его смерть образовали нерушимое «Царство Небесное». В этой точке до сих пор не согласны между собой современные староверы и официальная церковь. Для первых появление Христа равно наступлению Царства Божия на земле, для вторых оно наступит только после Страшного Суда.

1.5. Род и вид: *«И отъ сего слова, чесніи отцы (и всякое христоролюбное собраніе), мозгъ мой и вси уди мои трепещутъ»* (МДИР, т. 6, 1881, с. 20). В данном примере прослеживается амбивалентность: «чесніи отцы» могут быть частью «христоролюбного собрания», а могут и не быть, если это обращение потенциально несет в себе ироничное отношение языковой личности к адресатам послания.

1.6. Часть и целое: *«О православномъ знамени крестномъ въ сложеніи перстовъ ссылаюся азъ, діаконъ Феодоръ, на святого Мелетія патріарха Антіохійскаго, яко тако мудрствоваль, якоже мы нынѣ держимъ и вси повсюду священніи и простіи»* (МДИР, т. 6, 1881, с. 4). Ф. Иванов, убеждая, что нет в его приверженности

традиции какого-либо раскола, доказывает свою «причастность» к правоверному «целому».

Вторая группа внутренних топов – соположения – устанавливает различия или взаимные зависимости термов с оценкой последних. Ниже представлены те, что были использованы Ф. Ивановым в своем документе.

2. «Внутренние» (по А.А. Волкову) соположения.

2.1. Сопоставление: *«Аще бы въ однѣхъ нашихъ московскихъ книгахъ символъ былъ со истиннымъ, <...> Но самъ видѣлъ прежде насъ въровавшихъ христіанъ книги сербскія у священника чернаго Мардарія Сербскія земли, <...> и въ Духа Святаго Господа истиннаго»* (МДИР, т. 6, 1881, с. 18). В данном случае Ф. Иванов, не замыкаясь в границах отечественной переводческой традиции, указывает на формальное соответствие догматов в других православных славянских странах.

2.2. Противоположное: *«...азъ, грѣшный паче всѣхъ и неразумный и не школьный человекъ, всѣхъ мудрыхъ и разумныхъ, и прилежащихъ философіи, и глаголющихъ, яко нынѣ взыскахомъ въру праву и нынѣ обрѣтохомъ, и ко книжному исправленію умудрихомся добръ»* (МДИР, т. 6, 1881, с. 1). Последовательность прилагательных в приведенном выше фрагменте образует симметрию. *Честнии, мудрыхъ и разумныхъ* противопоставлены в контексте *грѣшный, не школьный, неразумный*, однако эта симметрия-антитеза имеет основание в виде единицы *книжному*.

Рис. 1. Термы топа «противоположное» во вступлении

Центр предложенной схемы уникален во многих отношениях. Он не только сам включает соотносительное прилагательное (по лексико-грамматическому разряду), но и соотносит как номинация

события (ко книжному исправленію – обсуждение правок богослужебных текстов при реформе Никона) всех участников диалога.

2.3. Аргумент к человеку: *«И Никона патриарха въ Часословцахъ, что печатаны на Валдаѣ, въ монастырѣ, ево вельніемъ, – печать мелкая, – во всѣхъ тѣхъ: и въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго, и прочее все добръ тамо. Смотримъ же: самъ съ собою не согласенъ Никонъ»* (МДИР, т. 6, 1881, с. 9). В данном примере, доказывая непоследовательность деятельности Никона, расколоучитель сравнивает разные издания книг и находит те, что соответствуют традиции, против которой так яростно выступает патриарх-реформатор.

Третья и последняя группа внутренних топов – обстоятельство – характеризует реальный или возможный факт. Для сочинения Ф. Иванова предпочтительными оказались следующие типы.

3. «Внутренние» (по А.А. Волкову) топы обстоятельств.

3.1. Место: *«И въ соборной церкви написанъ символъ православныя вѣры весь на святѣй иконѣ»* (МДИР, т. 6, 1881, с. 13). Икона – пограничье миров, а текст на ней – свят сразу для двух пространств.

3.2. Время: *«А былъ сей святой патриархъ Мелетій на второмъ вселенскомъ соборѣ»* (МДИР, т. 6, 1881, с. 4). Это событие относится к 381 году н.э.

3.3. Предыдущее и последующее: *«...та литера а и нѣсть конца неизмѣнено было досель, и доднесь стоятъ»* (МДИР, т. 6, 1881, с. 9). В сущности, это призыв к реформаторам: так, как у нас написано в Символе Веры, вы найдете и в других православных странах.

3.4. Действие и претерпевание. Расколоучитель задает четыре вопроса (подробнее об этом в следующей части статьи): *«И о сихъ всѣхъ вышереченныхъ вопросѣхъ моихъ благоразсудите по Божественному Писанію, аще имате свѣдѣніе премудрости и даръ Святаго Духа»* (МДИР, т. 6, 1881, с. 3). Если они смогут ответить, то Федор Иванов подчинится всем нововведениям со стороны Никона, если же нет – то это опасное отступление от веры, которого надо остерегаться. Тогда, в XVII веке, сторонники реформ Никона не признали в своих действиях вреда единству Церкви. Возможно, они не предполагали, насколько сильным окажется сопротивление ряда социальных слоев, насколько долгой будет полемика, и, вероятно, никто не предполагал, что убежденность каждой из

сторон в своей исключительной правоте приведет к настолько печальным последствиям для истории Русской Церкви.

3.5. Образ действия: «...не отъ македоніевы ли **смадрныя темницы дышетъ такой духъ и поражаетъ насъ, а мы не ощущаемъ?**» (МДИР, т. 6, 1881, с. 13). В церковной истории Македоний известен как один из основателей «духоборческой ереси», отрицавшей равенство Святого Духа Отцу. Был осужден вторым вселенским собором, который ранее уже упоминался Федором Ивановым.

Представленная типология – лишь часть некоторого более пространного целого. Если внутренние топы, по удачному выражению А.А. Волкова, «алфавит мысли», то – пусть мне извинят это сравнение – ситуация в сочинении Ф. Иванова напоминает разность между кириллицей в России и в Узбекистане для плохо говорящего на обоих языках иностранца: похоже, но не то; читаемо, но в этом нет прямых соответствий. Да, мы анализируем риторическое мастерство, но только ли оно попадает под наш анализ?

Кольцевая композиция в обрамлении смысловых структур

Мы покидаем пределы риторики сразу же, как пытаемся выявить все, что заложено топом «Противоположное». Он меняется функционально, перестает быть характеристикой обсуждаемого предмета, затрагивая культурные оппозиции. Обратим внимание на вступительную часть «Письма...». В ней текст выстраивается по одной модели: сначала введение цитаты из Священного Писания, а потом следует вопрос об этом фрагменте. Вот перечень того, что предлагал обсудить Федор Иванов.

1. Почему сатана связан, в какое время был связан и что сделал, выскочив из бездны?
2. Чтò такое змий, и чем является его хобот?
3. Чтò есть зверь с числом его?
4. Было ли отступление от православной веры, или только еще будет?
5. Как (кем) сядет в церкви антихрист, и в какой церкви он сядет главенствовать?
6. И чтò Христос спрашивает в Евангелии, говоря о себе «*обряцетъ ли вѣру свою на земли*»?
7. И чтò об этих всех вопросах думают святые отцы? (см.: МДИР, т. 6, 1881, с. 2-3).

Ответы, однако, даны не сразу (в следующей синтаксической конструкции), как, например, в катехизической литературе того

времени, а в конце сочинения. Полученная кольцевая композиция текста усложнена дополнительной аргументацией, которая в настоящей статье не рассматривается в силу ограниченного объема.

На первый и второй вопросы из приведенного перечня Федор Иванов предлагает свое видение: *«по тысящи лѣтъ развязанъ бысть сатана на мало время, да льститъ народи. И тогда, выскочивъ изъ темницы своя, и отторже хоботомъ своимъ, – папою римскимъ, – третью часть звѣздъ небесныхъ»* (МДИР, т. 6, 1881, с. 14). «Звезды небесные» в символическом истолковании предстают как западные страны, примкнувшие к католицизму.

Третий, четвертый и пятый вопросы объединяются одним пространственным ответом. *«О тайны числа сего звѣря, – простите, чеснїи отцы, мнѣ невѣжѣ проглаголати о семъ. (поддержание образа «скромного» риторика – прим. З.А.) <...> Егда исполнися шестьсотъ лѣтъ по отпадениі римлянъ, тогда отступиша жителіе Малыя Росїи отъ восточныя святыя церкви къ римскому костелу, приѣмши <...> развращенныя и богохульныя догматы: прежде всего символъ измѣниши во многихъ мѣстѣхъ»* (МДИР, т. 6, 1881, с. 15). Уникально это утверждение с точки зрения церковной истории потому, что для ересей первых веков христианства также было присуще буквальное понимание всех чисел, но с направленностью в будущее. Федор Иванов налагает символические обозначения на реальную хронологию прошедших событий, получая не ересь, а риторический аргумент к прецеденту. *«И сіе есть оторваніе малоросїянъ по 600 лѣтѣхъ римскаго паденія. И егда преїде послѣ уніатскаго отступленія 60 лѣтъ, тогда здѣ, въ Великой Росїи, Никонъ, прежде бывшїй патріархъ, приразился къ символу православныя вѣры»* (МДИР, т. 6, 1881, с. 14-15). Аргумент к прецеденту формирует концентрическую градацию от более масштабного события в содержании к конкретной и единственной персоне: отделение католиков → уния → деятельность Никона. Шестой и седьмой вопросы мы подробно рассматривать не будем. Они требуют не столько ответа, сколько знания Священного Писания.

Резонно может возникнуть вопрос о цели и функции кольцевой композиции. Она сама по себе – явление внутреннее, не покидающее предела конкретного ряда знаков, но все меняется, когда она становится предметом коллективного понимания и интерпретации. Ф. Иванов, вероятно, намеренно ограничивает простор для толкования узким вопросно-ответным перечнем. И

сложность всего замысла сокрыта не в технической изощренности документа, а в мировоззренческой глубине сопрягаемых понятий.

Риторическая проработка «ноэм» в тексте Ф. Иванова

В поздних работах Ю.В. Рождественского [Рождественский, 2003] высказана интересная мысль о топах как «серии» слов и выражений, посредством которых поддерживается смысловое единство. Такое конкретное воплощение мыслимого содержания указанный исследователь (вслед за А.Ф. Лосевым) называет «ноэмами». Пока остановимся на этом толковании, хотя, бесспорно, эта трактовка требует уточнений, которые не входят в цели, задачи и объемы нашей статьи.

Позволим себе вернуться к примеру для топа «Противоположное» (во второй части статьи, пункт 2.2). В сущности, это – фрагмент вступления, который по своей «дружелюбности» (на первый взгляд!) контрастирует с апокалипсическим предчувствием, ставшим своеобразным композиционным стержнем «Письма...».

Во вступлении, по риторическим канонам, Ф. Иванов устанавливает контакт с читателями, привлекает внимание к теме, которую хочет обсудить, не забывает о древнерусской традиции самоуничижения (см. выше пункт 2.2) и, наконец, формулирует тему (МДИР, т. 6, 1881, с. 1). Если ранее из этого пересказанного фрагмента мы указывали на симметрию в оппозициях прилагательных, то сейчас обратимся к существительным. Выписав их из вступительной части «Письма...», получим следующий ряд: *отцы и братія о Христѣ, по сану и по имени, Господа, человекѣ, философіи, вѣру, исправленію*. На первый – с позиции семантики – взгляд, это покажется чередой разрозненных элементов. Воспользовавшись топом «Противоположное», найдем в анализируемом сочинении вторые члены антитезы к каждому существительному.

Как выясняется, *отцы и братія о Христѣ* только тогда являются таковыми, когда не действуют сродни с «*папою римскимъ*» (МДИР, т. 6, 1881, с. 14) и когда они не желают «*еретику другъ быти*» (МДИР, т. 6, 1881, с. 12). Как быть с оборотом «*по сану и по имени*»? «Противоположное» для него продиктовано догматами и Священной историей. «Сан» вышестоящего («старшего») следует перед «именем». В земных координатах родитель называет ребенка, а в божественных – из уст Творца предвечно рождается Слово.

Только в контексте катехизиса очевидна уместность семи вопросов Федора Иванова (см. выше). Статичный и непоколебимый «сан» как «место» в онтологии будет противопоставляться динамике «времени», а «имя» как слово (и Слово-Христос) – «числу» зверя. Общий каркас других противопоставлений схематически дан на рисунке 2 (рис. 2):

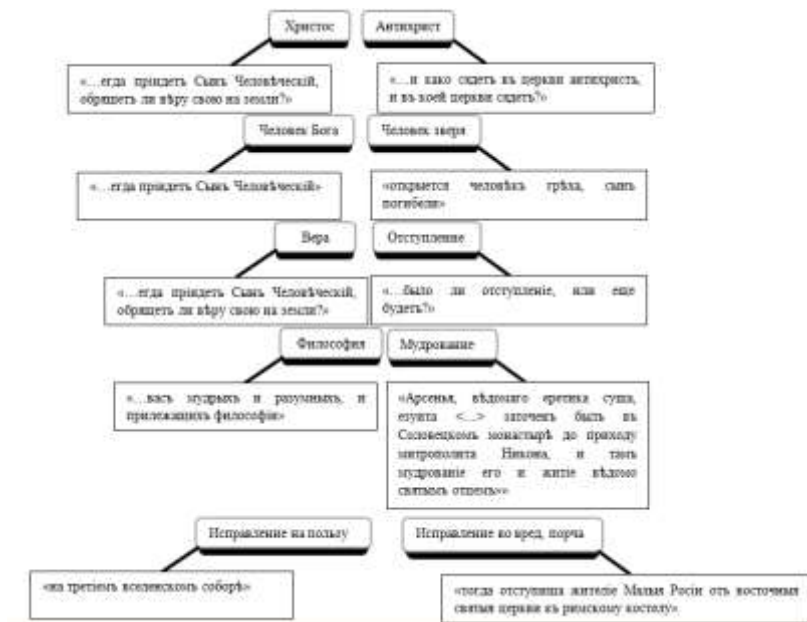

Рис. 2. Содержание ключевых оппозиций в тексте

Как демонстрирует схема, топ «Противоположное» выводит содержание «Письма...» на уровень общедоступных, но отнюдь не простых для профанного понимания противопоставленных категорий. В первой оппозиции, разумеется, прямой намек на патриаршество Никона, который в глазах идеологов раскола стал в итоге «гонителем правой веры». Во второй паре противопоставлений *человек зверя* может мыслиться как часть этого неотвратимого зла, например, «*и отторже хоботомъ своимъ* (речь идет о символической части самого зверя – прим. З.А.), – *папою римскимъ*...» (МДИР, т. 6, 1881, с. 14). Третья оппозиция наполнена апокалипсическим предчувствием: вера не «обрящется», а отступление уже случившийся факт. Что касается «мудрования» Арсения (четвертая пара на полученной схеме), то деятельность религиозного ордена иезуитов активно разворачивается

на территории Руси только в конце XVII века. На момент написания статьи мы не нашли достоверных данных, подтверждающих правоту Ф. Иванова в этом – весьма серьезном – обвинении сторонника Никона. Пятая оппозиция характеризует коллективный выбор, который либо приводит к исправлению веры во благо (Вселенский собор), либо наносит ей непоправимый вред (уния, принятие католицизма и т.д.). Подготовленный читатель / слушатель XVII века, разумеется, отчетливо видел эту смысловую глубину. Если учесть кольцевую композицию самого «Письма...» и все ранее описанные противопоставления, то финальная схема может быть представлена следующим образом (рис. 3):

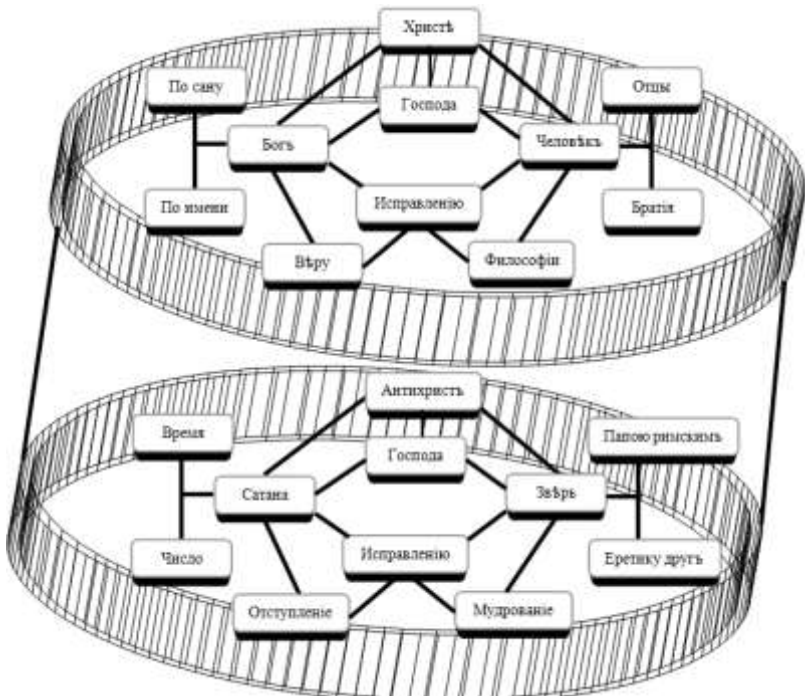

Рис. 3. «Нозмы» в организации «Письма...»

Верхний и нижний «цикл» являются отображением связи между «вопросными» и «ответными» частями в кольцевой композиции. Все противопоставления обоснованы выше. Мы ввели в качестве термов топов фрагменты текста, чтобы сохранить идентичность нашего исследования и графического изображения.

Из предложенной схемы следует, что «общие места», или «источники изобретения» обрамляют, придают форму означенному переживанию содержимого нозм. Взглянем еще раз на полученное графическое изображение. Оно демонстрирует (насколько это возможно), что конституирование (по Э. Гуссерлю), или проработка (по Ю.В. Рождественскому) нозм невозможна без связующего звена – коллективной мыследеятельности. Эти «линии» общи не только идеологам раскола, но и сторонникам реформ. Мало признать собор чем-то бóльшим, чем скоплением священнослужителей, требуется «схватить» в уходящем эхе изначально живую, подвижную и думающую организованность. Нам не дана динамика канувших в Лету ответных реплик, но ядро всей полемики в виде нозматической структуры, проработанной риторическим мастерством идеолога раскола, предстает посредством анализа «Письма...». Мы признаем, что проделанный путь реконструкции и интерпретации напоминает блуждание по следам, но последние – в итоге – выведут нас к общему содержанию потока актов единых (а до этого – разрозненных в своей индивидуальности) сознаний.

Подобная топическая организация текста (а шире – коллективная нозматическая структура), вероятно, характерна не только для рассматриваемого документа. Как мы уже упоминали, Федор Иванов был авторитетом в богословии среди круга раннего старообрядчества. Возможно, выявление значимых риторических топов, служащих для оформления сложной смысловой системы с разветвленными рядами противопоставлений в полемическом тексте, оказывается вместе с тем и реконструкцией религиозной картины мира его читателей-современников. Также не исключено, что и кольцевая композиция «Письма...» выбрана неслучайно: противники реформ Никона видели повторение ошибок прошлого в «стилистических» правках богослужебных книг в настоящем.

Литература

- Античные риторика. М., 1978.
Бухаркин П.Е. Риторика и история литературного языка // Мир русского слова. 2017. № 1.
Волков А.А. Основы риторика. М., 2003.
Донская Н.А., Ассуирова Л.В. Развитие категории «Топос» в риторика и лингвистика // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 1 (41).
Дьячкова Н.А. Православно-христианский дискурс и «культурная память слова» // Филология и человек. 2007. № 2.
Ермакова Е.В., Ворожбитова А.А. Лингвориторические основы формирования языковой личности в системе дошкольного образования. М., 2014.

- Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIII: когнитивные исследования в гуманитарных науках. Тамбов, 2018.
- Кортава Т.В. Язык и стиль произведений пустозерских узников // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2016. № 4.
- Кошанский Н.Ф. Риторика. М., 2013.
- Литературная культура России XVIII века. Выпуск 7. СПб., 2017.
- Медиариторика и современная культура общения: наука – практика – обучение. М., 2019.
- Настоящее и будущее стилистики. М., 2019.
- Риторика. Семиотика. Языкознание. М., 2016.
- Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. М., 2003.
- Русская риторика. М., 1996.
- Титова Л.В. Послание дьякона Федора сыну Максиму – литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск, 2003.
- Шпет Г.Г. Мысль и Слово. Избранные труды. М., 2005.
- Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. М., 2016. Ч. 2.
- Cicero M. T., May J. M. How to Win an Argument: An Ancient Guide to the Art of Persuasion. Princeton, 2016.
- Fahnestock J., Secor M., Larson R.L. The Rhetoric of Argument. New York, 1982.
- Foss S.K. Rhetorical Criticism: Exploration and Practice. Long Grove, Illinois, 2017.
- Losh E., Alexander J., Cannon K., Cannon Z. Understanding Rhetoric: A Graphic Guide to Writing (Second Edition). New York, 2017.
- Strunk W. The Elements of Style. Pennsylvania, 2019.
- Topping R. The Elements of Rhetoric – How to Write and Speak Clearly and Persuasively. New York, 2016.

Список источников

МДИР – Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита: в 9-и тт. М., 1875-[1895]. Т. 1-9

References

- Antichnye ritoriki* [Antique Rhetoric]. Moscow, 1978.
- Buharkin P.E. *Ritorika i istoriya literaturnogo yazyka* [Rhetoric and the History of Literary Language]. *Mir russkogo slova* [World of Russian Words], 2017. No. 1.
- Volkov A.A. *Osnovy ritoriki* [The Basics of Rhetoric]. Moscow, 2003.
- Donskaya N.A., Assuirova L.V. *Razvitiye kategorii «Topos» v ritorike i lingvistike* [Development of the «Topos» Category in Rhetoric and Linguistics]. *Vestnik Kalmyckogo universiteta* [Bulletin of the Kalmyk University]. 2019. No. 1 (41).
- D'yachkova N.A. *Pravoslavno-hristianskij diskurs i «kul'turnaya pamyat' slova»* [Orthodox Christian Discourse and the «Cultural Memory of the Word»]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2007. No. 2.
- Ermakova E.V., Vorozhitova A.A. *Lingvoritoricheskie osnovy formirovaniya yazykovoy lichnosti v sisteme doshkol'nogo obrazovaniya* [Linguistic Basis of the Formation of a Linguistic Personality in the System of Preschool Education]. Moscow, 2014.
- Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Language Studies]. Issue XXXIII. *Kognitivnye issledovaniya v gumanitarnykh naukah* [Cognitive Studies in the Humanities]. Tambov, 2018.

Kortava T.V. *Yazyk i stil' proizvedenij pustozerskih uznikov* [Language and Style of Works of Pustozersky Prisoners]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology], 2016. No. 4.

Koshanskij N.F. *Ritorika* [Rhetoric]. Moscow, 2013.

Literaturnaya kul'tura Rossii XVIII veka [Literary Culture of Russia of the XVIII century]. Issue 7. St. Petersburg, 2017.

Mediaritorika i sovremennaya kul'tura obshcheniya: nauka – praktika – obuchenie [Media Rhetoric and the Modern Culture of Communication: Science – Practice – Education]. Moscow, 2019.

Nastoyashchee i budushchee stilistiki [The Present and Future of Style]. Moscow, 2019.

Ritorika. Semiotika. Yazykoznanie [Rhetoric. Semiotics. Linguistics]. Moscow, 2016.

Rozhdstvenskij Yu.V. *Principy sovremennoj ritoriki* [Principles of Modern Rhetoric]. Moscow, 2003.

Russkaya ritorika [Russian Rhetoric]. Moscow, 1996.

Titova L.V. *Poslanie d'yakona Fedora synu Maksimu – literaturnyj i polemicheskij pamyatnik rannego staroobryadchestva* [The Message of Deacon Fedor to His Son Maxim is a Literary and Polemical Monument of the Early Old Believers]. Novosibirsk, 2003.

Shpet G.G. *Mysl' i Slovo. Izbrannye trudy* [Thought and Word. Selected Works]. Moscow, 2005.

Yazykovaya lichnost': Modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaya lingvopersonologiya [Language Personality: Modeling, Typology, Portraiture. Siberian Linguopersonology]. Part 2. Moscow, 2016.

Cicero M.T., May J.M. *How to Win an Argument: An Ancient Guide to the Art of Persuasion*. Princeton, 2016.

Fahnestock J., Secor M., Larson R.L. *The Rhetoric of Argument*. New York, 1982.

Foss S. K. *Rhetorical Criticism: Exploration and Practice*. Long Grove, Illinois, 2017.

Losh E., Alexander J., Cannon K., Cannon Z. *Understanding Rhetoric: A Graphic Guide to Writing (Second Edition)*. New York, 2017.

Strunk W. *The Elements of Style*. Pennsylvania, 2019.

Topping R. *The Elements of Rhetoric – How to Write and Speak Clearly and Persuasively*. New York, 2016.

List of sources

MDIR – *Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya, izdavaemye Bratstvom sv. Petra mitropolita* [Materials for the History of the Schism for the First Time of Its Existence, Published by the Brotherhood of St. Peter the Metropolitan]. Moscow, 1875-1895. Vol. 1-9.

**Н.В. ГОГОЛЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ
М.М. ЗОЩЕНКО***О.А. Колмакова*

Ключевые слова: М.М. Зощенко, Н.В. Гоголь, сказ, образ, мотив, миф.

Keywords: M.M. Zoshchenko, N.V. Gogol, skaz, image, storyline, myth.

DOI 10.14258/filichel(2020)4-02

Ориентированность творчества М.М. Зощенко на гоголевскую традицию отмечалась еще современниками Зощенко. Известны слова писателя А. Ремизова, сказанные им в 1921 году: «Берегите Зощенко – это наш, современный Гоголь» [цит. по: Чудакова, 1979, с. 37]. С Ремизовым были солидарны многие, знавшие Зощенко близко: ленинградский писатель Г. Гор («Зощенко <...> как никто другой, близок своим видением к Гоголю» [Вспоминая Михаила Зощенко, 1990, с. 210]), К. Федин, посещавший вместе с Зощенко собрания «серапионов» («В самом деле, взгляните в трагедию Гоголя <...> Да, да, сколь ни дерзко, сколь ни вызывающе такое неожиданное уподобление, оно-то, уж конечно, никогда не могло бы обидеть выше меры обидчивого Зощенко» [Вспоминая Михаила Зощенко, 1990, с. 109]), В. Каверин («О близости между Гоголем и Зощенко говорить не приходится, недаром второй относился к первому с таким болезненным интересом» [Вспоминая Михаила Зощенко, 1990, с. 122-123]) и др.

Н.В. Гоголю принадлежит открытие сказа как эстетики устной звучащей речи. Вслед за Гоголем, Зощенко развивает традицию характерного сказа с ярко очерченной фигурой демократического рассказчика, как бы «замещающего» автора. Авторской интенцией характерного сказа является изображение сознания рассказчика через его речь. Анализируя прозу Зощенко, Ц. Вольпе указывал, что «фактическим героем» его сказа являются «формы речевого сознания» [Вольпе, 1991, с. 170].

Поскольку сказ представляет собой двуголосое повествование, за личностью рассказчика всегда мыслится образ автора. Ипостасью этого образа в комическом характерном сказе становится артист, который «исполняет роль» рассказчика, тем самым дистанцируясь от него. Ю.Н. Тынянов отмечал, что театральность комического сказа

ощущается самим читателем, который «входит в рассказ, начинает интонировать, жестикулировать, улыбаться, он не читает рассказ, а играет его» [Тынянов, 1977, с. 160].

Безусловно, артистизм образа автора есть форма реализации артистизма автора биографического. Очевидно, что артистизм творческой личности в равной степени присущ и Гоголю, и Зоценко. Так, широко известны воспоминания Г.П. Данилевского о «высокохудожественном и оживленном чтении» Гоголя: «Когда он дочитал заключительную сцену <<Ревизора>>, очарованные слушатели долго стояли группами, вполголоса передавая друг другу свои впечатления» [Гоголь в воспоминаниях, 2011, т. 1, с. 306]. По воспоминаниям современников, Зоценко также обладал уникальной манерой чтения собственных рассказов. В. Поляков прямо заявляет: «...такого исполнителя рассказов Зоценко, как сам писатель, больше не было» [Вспоминая Михаила Зоценко, 1990, с. 167].

Формой бытового поведения Гоголя, как и Зоценко, нередко была игра. В частности, П.В. Анненков приводит такое высказывание Гоголя: «Писать с меня весьма трудно: у меня по дням бывают различные лица, да иногда и на одном дне несколько совершенно различных выражений» [Гоголь в воспоминаниях, 2013, т. 3, с. 452]. К. Чуковский вспоминает, что Зоценко, не желая, чтобы его узнавали на улице, отвечал на «нежные чувства» читателей «по методу Гоголя»: «Должно быть, я действительно похож на писателя Зоценко. Но я не Зоценко, я – Бондаревич» [Вспоминая Михаила Зоценко, 1990, с. 63].

О зоценковском артистизме, ушедшем в слог, пишет А. Райкин: «лапидарность и концентрированность, присущие прозе Зоценко, достигались активным включением актерской мимики, пластики, жестко заданной еще на стадии литературной работы» [Вспоминая Михаила Зоценко, 1990, с. 455]. Мимика и пластика актера особенно ощутимы у Зоценко в «Голубой книге», одним из приемов которой является художественный комментарий исторического факта.

Вот Зоценко предлагает читателю факт из истории древнего Рима: «...римский диктатор Сулла (83 год до нашей эры) <...> приказал истребить всех приверженцев своего врага Мария <и> назначил необычайно высокую цену за каждую голову» (Зоценко, 1987, т. 3, с. 182)¹. Далее факт комментируется сценкой, разыгранной средствами комического характерного сказа:

---

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

«— Сюда, что ли? С головой-то, — говорил убийца, робко стуча в дверь. Господин Сулла, сидя в кресле и напевая легкомысленные арийки, просматривал списки осужденных <...>. Раб почтено докладывал:

— Там опять явились с головой <...>. Принимать, что ли?

— Зови.

Входит убийца, бережно держа в руках драгоценную ношу.

— Позволь! <...>. Да этой головы у меня и в списках-то нет.

— Извиняюсь. Не на того, наверно, напоролся <...>. Возьмите тогда вот эту головку. Вот эта головка, без сомнения, правильная. Она у меня взята у одного сенатора.

— Ну, вот это другое дело, — говорил Сулла, ставя в списках галочку против имени сенатора. — Дайте ему там двенадцать тысяч... Клади сюда голову. А эту забирай к черту. Ишь, зря отрезал у кого-то» (Зоценко, 1987, т. 3, с. 182-183).

В персонажах древнеримской истории легко узнается «типичное лицо» зоценковского рассказчика, носителя массового сознания, мыслящего стереотипами и штампами. Один из ранних исследователей Зоценко П.М. Бицилли назвал его рассказчика «полу-интеллигентом» [Бицилли, 1996, с. 597]. Современный литературовед А.К. Жолковский усилил отрицательные коннотации в определении зоценковского героя, представив его как «гибрид, искренне сочувствующий центральным убеждениям и всему хорошему, но постоянно сволочающийся на кухне» [Жолковский, 1992, с. 44]. За образами сказовых рассказчиков Гоголя стоит иное сознание — мифо-фольклорное, с характерными для него архетипами и антиномиями. Гоголевский «человек из народа» трансформируется у Зоценко в «человека массы» — образ, ставший центральным персонажем истории и культуры XX столетия.

Зоценко обращается не только к характерному сказу, но и к сказу орнаментальному, также введенному в литературный обиход Гоголем. Этот тип сказа, как отмечал В.В. Виноградов, «организуется путем постоянного перерезывания той сюжетной линии, которая в заглавии определяется как основная, побочными эпизодами <...> пред нами имитация той композиции, в которую укладывается “околесная” речь» [Виноградов, 1976, с. 247]. Подобную стилизацию «околесной» речи обнаруживаем у Зоценко. К примеру, в новелле «Черная магия» (1921) создан образ неумелого, мало осведомленного рассказчика, часто забегающего вперед, затягивающего повествование излишними подробностями: *«Только об этом после. К этому и время еще не подошло»; «Об этом я очень великолепно знаю. В извозчиках я и сам*

больше года был»; «Конечно, никто толком теперь не знает, как в точности это было. Скорее всего...» и т.д.

В орнаментальном сказе акцент делается на «звуковых жестах» – приемах словесной и стилевой игры, которые, по словам Б.М. Эйхенбаума, применяются автором, чтобы «открыть простор для игры с реальностью» [Эйхенбаум, 1969, с. 323]. Ведущим приемом, позволяющим создавать гротескную реальность, является скрытый абсурд – семантическая аномалия, которую автор «маскирует» предельно логичным синтаксисом. Так, применяя синтаксическую структуру с однородными членами, Гоголь уравнивает семантически неравнозначные портретные характеристики персонажа: *«Петрович <...> несмотря на свой кривой глаз и рябизну по всему лицу, занимался довольно удачно починкой чиновничьих и всяких других панталон»* (Гоголь, 1977, т. 3, с. 122). Сходный эффект можно наблюдать у Зошенко, например, в новелле «Гримаса нэпа», где использован следующий синтаксический параллелизм: *«<...> сначала эта старуха в вагон влезла со своим багажом. А за ней этот тип со своими усиками»* (Зошенко, 1986, т. 1, с. 400).

Зошенко использует один из ярких гоголевских приемов – ономастическую игру. Колоритные фамилии персонажей Зошенко – Завитушкин («Свадьба»), Синебрюхов («Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова»), Кульков, Обрезкин («Интересное происшествие в канцелярии»), Косоносов («Агитатор»), Рюха («Чертовинка»), Винивитькин («Мадонна») – соперничают с гоголевскими Чухопупенко, Курочка, Смаченький, Хлоста (второе предисловие к «Вечерам на хуторе близ Диканьки»), Болячка, Крутогрыщенко («Заколдованное место») и т.д.

Гоголевское «присутствие» в произведениях Зошенко ощутимо также в интертекстуальной игре, которую писатель XX века ведет со своим предшественником, начиная с самых ранних произведений. Например, совершенно «по-гоголевски» звучит такая репрезентативная для повествования Зошенко конструкция, как «что-то такое...» / «как-то такое...». Напоминает хрестоматийно известных героев Гоголя зошенковский Забежкин, который рассказывает по Невскому проспекту, где *«магазины черт знает какие»* («Коза»). А обращение телеграфиста *«Ну как, брат Забежкин?»* напрямую отсылает к гоголевскому «Ревизору».

Отсылку к «Ревизору» можно также увидеть в «Предисловии» к рассказам Синебрюхова (1921). Милицейский инструктор Рьло восхищается Назаром Ильичем: *«Ты, наверно, даже державой управлять можешь»* (Зошенко, 1986, т. 1, с. 27), что вызывает в памяти

хлестаковское: *«Один раз я даже управлял департаментом <...>. Меня сам государственный совет боится»* (Гоголь, 1978, т. 4, с. 46, 47).

В «Предисловии» встречаем также аллюзию на эпизод из новеллы Гоголя «Заколдованное место», когда дед скидывает новые сапоги и оборачивает их в «хустку», чтобы те не покоробились от дождя. Зощенковский Синебрюхов рассказывает, как свои сапоги он *«двенадцать лет носил в руках»: «Чуть какая мокрень или непогода – разуюсь и хлюпаю по грязи... Берегу»* (Зощенко, 1986, т. 1, с. 27).

Новелла «Мадонна» (1923) представляет собой целую юмористическую пародию на «Петербургские повести» Гоголя. Так же, как и «Записки сумасшедшего», новелла Зощенко создана в жанре дневника. Косноязычность рассказчика с примечательным оборотом «того этого» вызывает в памяти язык междометий Акакия Акакиевича. В основе сюжета новеллы Зощенко – конфузное происшествие с рассказчиком. Подобно гоголевскому Пискареву, он познакомился на Невском с «небесным существом», «мадонной», которая наутро потребовала за услуги пять рублей.

В «Рассказах Синебрюхова» Зощенко демифологизирует приемы мистических произведений Гоголя. Если благодаря двуголосости сказа Гоголь лишь намекает читателю, что в «заколдованном месте» у деда «не вытанцовывалось» не из-за происков сатаны, а по причине банальной старости или что «гетьманскую грамоту» не черти украли, а нетрезвый «козак» попросту потерял, то Зощенко прямо иронизирует над мифологическими представлениями своего героя. Например, в новеллах «Чертовинка» (1921) и «Гиблое место» (1921) сказовый тон рассказчика придает персонажам и событиям мистический отсвет, который затем проверяется сюжетом, что вызывает комический эффект.

Центральный эпизод в новелле «Чертовинка» разворачивается в мифологизированном топосе леса, где герой встречает собаку, которую принимает за оборотня: *«...это, может, и есть моя чертовинка во образе небольшой сучки»* (Зощенко, 1986, т. 1, с. 49). Эпизод содержит аллюзии на гоголевскую новеллу «Вечер накануне Ивана Купалы», где ведьма появляется перед Басаврюком и Петрусем в образе собаки, а Басаврюк останавливает ее фразой *«Не бесись, не бесись, старая чертовка!»* (Гоголь, 1976, т. 1, с. 46).

В страхе перед «оборотнем» Синебрюхов воображает уже, как собака догонит его, *«зубами взгрызется и, может быть, перекусит горло и будет кровь сосать»* (Зощенко, 1986, т. 1, с. 50), совсем как гоголевская ведьма, которая пила «безвинную кровь» Ивася. Однако в

финале оказывается, что за оборотня герой принял собаку со своего собственного двора.

В новелле «Гиблое место» Синебрюхов опять же в лесу случайно встречает странного человека, если не лешего («высокущий», «волосы отовсюду лезут»), то уж точно «нечистого», с характерной для того телесной деформацией («на левой руке пальцев нет»). «Леший» поразительно похож на гоголевского Басаврюка: он сидит на пне (ср.: «На пне показался сидящим Басаврюк» (Гоголь, 1976, т. 1, с. 46), имеет «голос-бас» («“Полно горевать тебе, козак!” – загремело что-то басом над ним. Оглянулся: Басаврюк!») (Гоголь, 1976, т. 1, с. 45)).

Усиление мифологической составляющей в образе зощенковского «лешего» происходит за счет обращения к мотиву сна-видения, который также присутствует в «Вечере накануне Ивана Купалы» у Гоголя. Пидорке явилось привидение маленького Иваса, всем своим видом указывавшего на своего убийцу. А Синебрюхову привиделась «деточка», которая «невинньким пальчиком указывала на беспалого» (Зошенко, 1986, т. 1, с. 57).

В финале новеллы, как и в предыдущем тексте Зошенко, мистический сюжет подвергается тотальной демифологизации. Все «странности» в поведении и внешности «лешего» объяснялись тем, что он был заграничным продавцом-спекулянтом, скрывавшимся в лесу от лишних глаз.

Зощенковская новелла «Черная магия» обыгрывает некоторые мотивы «Заколдованного места» Гоголя. Дмитрий Наумич, герой Зошенко так же, как и дед у Гоголя, оказывается в каком-то «дьявольском месте». У Гоголя сатана издевается над дедом, невидимо стегая его прутьями по ногам. У Зошенко этот гоголевский мотив комически вывернут наизнанку: «“Ну, – думает <Дмитрий Наумич>, – скорее бы место такое злчное миновать”. Только это он так пожелал себе, вдруг его кой-то хлясь по рожке! Замер Димитрий Наумич, похолодел» (Зошенко, 1986, т. 1, с. 72). Ситуация разрешается комически: оказывается, что герою «по рожке» попало спицей от сломанного тележного колеса: «А прут <...> обернулся еще раз в колесе – хлясь обратно по рожке» (Зошенко, 1986, т. 1, с. 72).

В фельетоне М.М. Зошенко «Товарищ Гоголь» демифологизирована уже сама личность Гоголя. С первых строк Зошенко использует гоголевский каламбурный стиль, снижающий образ «великого русского писателя»: Гоголь у него должен жить на улице Гоголя и ходить Гоголем.

Зошенко погружает «Гоголя» в анахроничный для него контекст 1920-х годов. «И пописывал бы Николай Васильевич разные

мелочишки. Может быть, даже отдел “Тараканы в тесте” вел» (Зоценко, 1986, т. 1, с. 449). Здесь вновь возникает каламбур: название сатирической колонки интертекстуально отсылает к знаменитому описанию гостиничных апартаментов Чичикова в «Мертвых душах» – «комнате с тараканами, выглядывающими, как чернослив, из всех углов» (Гоголь, 1978, т. 5, с. 8).

Зоценко рисует суровые будни советского писателя «тов. Гоголя»: отсутствие «цельной квартирки», угроза прослыть представителем «свободной профессии», но самое главное – нападки «современной критики». В критической статье о творчестве Гоголя под красноречивым названием «Еще один» обнажен основной подход советской критики к художественному произведению: наличие «классового взгляда».

Однако, несмотря на пафос отрицания по отношению к Гоголю, внутренне Зоценко остается прочно связанным с ним. Так, наследованный у Гоголя сказ становится для Зоценко самодовлеющей формой наррации, повлиявшей и на стиль его эпистолярия. Вот, к примеру, отрывок из письма 1929 года М. Зоценко М. Слонимскому: «Покрываю и люблюсь мешанством! Эва, дела какие! Я долго не понимал, в чем дело. Черт побери, ну как объяснить? Тему путают с автором <...> В общем худо, Мишечка! Не забавно. Орут. Орут. Стыдят в чем-то. Чувствуешь себя бандитом и жуликом» (Зоценко, 1996, с. 24). Стилистика гоголевского сказа совпадает с собственной речью Зоценко, и в этом, по словам С.Г. Бочарова, «чувствуется нечто внутреннее для писателя Зоценко» [Бочаров, 1985, с. 285].

Гоголя и Зоценко, проходивших «по ведомству сатиры», связывало то, что оба они были отнюдь не жизнерадостными людьми. Л.И. Арнольди вспоминает, что у Гоголя «в глазах замечалось какое-то нравственное утомление» [Гоголь в воспоминаниях, 2012, т. 2, с. 377]. Б. Гинцбург при встрече с Зоценко как-то заметил: «Вот только глаза были какими-то отрешенными – словно смотрел он не на окружающий мир, а внутрь, в себя» [Вспоминая Михаила Зоценко, 1990, с. 397]. Ощущая внутреннее единство с Гоголем, зрелый Зоценко уже не столь полемичен по отношению к нему, как это было в раннем творчестве. В своих «научно-художественных» повестях «Возвращенная молодость» (1933) и «Перед восходом солнца» (1943) Зоценко исследует симптомы психического нездоровья Гоголя и сопоставляет их с проявлениями собственной нервной болезни. В этих произведениях Зоценко становится творцом мифа о Гоголе.

Стилистика обеих повестей пронизана театральностью, но уже иной, нежели в раннем творчестве – менее комедийной. Эпиграфом к

«Возвращенной молодости» являются слова шекспировской Клеопатры *«За доброе желание к игре / Прощается актеру исполненье»* («Антоний и Клеопатра»). Этим эпитафием автор позиционирует себя как актера, не столько талантливого, сколько искреннего. В повести «Перед восходом солнца» за многочисленными масками и ролями, которые примеряет на себя автор, все резче проглядывает ««беспомощность» зощенковского рассказчика <...>, описывающего мир как бы глазами растерянного ребенка – “автобиографического” М. Зощенко» [Жолковский, 1999, с. 47]. Сходное мироощущение Зощенко видит у Гоголя.

Зощенко сравнивает попытки Гоголя уйти от депрессии с помощью путешествий с тем, *«как встряхивают, чтоб зажечь, электрическую лампочку с порванным волоском»* (Зощенко, 1987, т. 3, с. 89). Единственным, что, по мнению Зощенко, могло помочь Гоголю в преодолении невроза, было художественное творчество. Мифологизируя личность Гоголя, Зощенко последовательно проводит идею мистической связи писателя со своим творением. Зощенко пишет: *«Высокая основная цель, к которой стремился Гоголь – закончить “Мертвые души” – давала ему силы. И когда Гоголь сжег “Мертвые души”, он тем самым уничтожил свою цель и этим уничтожил свою жизнь»* (Зощенко, 1986, т. 1, с. 153).

В повести «Перед восходом солнца» Зощенко обращается к многочисленным свидетельствам современников Гоголя и к его письмам, лейтмотивом которых становится ощущение непреодолимой тоски. Зощенко приводит эпизод из письма Гоголя М.П. Погодину: *«Нервическое расстройство и раздражение возросло ужасно <...> К этому присоединилась болезненная тоска, которой нет описания»* (Зощенко, 1987, т. 3, с. 458). Это самоощущение Гоголя было знакомо Зощенко. Поэтому Зощенко не осуждает Гоголя, видя за всеми его странностями и инфантильными страхами образ человека страдающего – *«великого художника, поэта, литератора»* (Зощенко, 1987, т. 3, с. 657).

Трагедией Гоголя, ускорившей его гибель, явилась, по мнению Зощенко, попытка писателя примириться с печальной действительностью, то есть отказаться от своего художнического дара в пользу религиозного самосовершенствования. Из всей гоголевской биографии Зощенко избирает те факты, которые коррелируют с его личным автомифом – идеей самоисцеления литературой. Отчасти редактируя свою автобиографию, в главном Зощенко остается честен с читателем: он прямо говорит о том, что переживает трагический разлад с самим собой. Гоголь становится для Зощенко своеобразным alter ego, версией самого себя как писателя и личности.

Однако пиетет по отношению к Гоголю не мешает Зошенко в позднем творчестве продолжать игру с классиком, начатую еще в ранних произведениях. Примером такой игры является новелла «Страшная месть» (1951). Несмотря на очевидность гоголевского названия, в этой бытовой новелле нет никакой мистики, как нет и самой страшной мести. Герой новеллы Гасилин, случайно оскорбив педагога, пытается не допустить, чтобы учительница сводила счеты с его сыном. Он усиленно занимается с ребенком, и вскоре тот становится отличником. В финале учительница иронизирует над Гасилиным: *«Вот и впредь ежедневно занимайтесь со своим сыном. И пусть это будет моя страшная месть за ваши опрометчивые мысли и слова»* (Зошенко, 1989, с. 556). Как видим, заглавие «с рефлексом» работает здесь как игровой комический прием, никак не оправдывая читательских ожиданий ни на интертекстуальном, ни на сюжетном уровнях текста.

На протяжении всего творческого пути М.М. Зошенко находился с Н.В. Гоголем в диалектических отношениях, с присущей им логикой притяжения – отталкивания. Гоголевская традиция явилась для М.М. Зошенко безусловным ориентиром в его собственных художественных поисках. Вместе с тем, будучи писателем-модернистом, Зошенко ведет полемический диалог с классикой, персонификацией которой выступает Н.В. Гоголь. Зошенко обращается к приемам интертекста и пародии, и, в конечном счете, демифологизирует образ «великого русского писателя XIX века». В зрелом творчестве Зошенко творит собственную мифологию «Гоголь», создавая образ писателя, чья жизнь мистически связана с жизнью его произведений. Гоголь становится частью автомифа Зошенко, возможностью обрести писательскую и человеческую идентичность.

Литература

Безруков А.Н. Диалог художественных сознаний как верификация эстетических координат (Иван Бунин – Милан Кундера – Карлос Кастанеда – Виктор Пелевин) // Филология и человек. 2018. № 3.

Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. М., 1996.

Бочаров С.Г. О художественных мирах. М., 1985.

Виноградов В.В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М., 1976.

Вольпе Ц. Искусство непохожести. М., 1991.

Вспоминая Михаила Зошенко / Сост. Ю. В. Томашевский. Л., 1990.

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников: в 3-х тт. / Сост. И.А. Виноградов. М., 2011-2013.

Жолковский А.К. Блуждающие сны: из истории русского модернизма. М., 1992.

Жолковский А.К. Михаил Зошенко: поэтика недоверия. М., 1999.

Тьяннов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

Федоров В.С. Об онтологических и философских аспектах мировоззрения М. Зошенко // Михаил Зошенко. Материалы к творческой биографии. СПб., 1997. Кн. 1.

Черепеникова М. С. Итальянские путешествия Гете и Гоголя. Интертекстуальные параллели. (К юбилейным датам: 270-летию Гете и 210-летию Гоголя) // Филология и человек. 2019. № 2.

Чудакова М.О. Поэтика Михаила Зошенко. М., 1979.

Эйхенбаум Б.М. О прозе. Л., 1969.

Список источников

Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 7-и тт. / Под общ. ред. С. И. Машинского и М.Б. Храпченко. М., 1976-1979.

Зошенко М. Голубая книга. М., 1989.

Зошенко М. Собр. соч.: в 3-х тт. / Ред. Ю. В. Томашевский. Л., 1986-1987.

Зошенко М.М. Социальная грусть. М., 1996.

References

Bezrukov A.N. *Dialog khudozhestvennykh soznaniy kak verifikatsiya esteticheskikh koordinat* (Ivan Bunin – Milan Kundera – Karlos Kastaneda – Viktor Pelevin) [Dialogue of Artistic Consciousnesses as a Verification of Aesthetic Coordinates (Ivan Bunin – Milan Kundera – Carlos Castañeda – Victor Pelevin)]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2018. No. 3.

Bitsilli P.M. *Izbrannye trudy po filologii* [Selected Works on Philology]. Moscow, 1996.

Bocharov S.G. *O khudozhestvennykh mirakh* [On the Artistic Worlds]. Moscow, 1985.

Vinogradov V.V. *Poetika russkoy literatury: Izbrannye trudy* [Poetics of Russian Literature: Selected works]. Moscow, 1976.

Vol'pe Ts. *Iskusstvo nepokhozhesti* [The Art of Dissimilarity]. Moscow, 1991.

Vspominaya Mikhaila Zoshchenko [Remembering Mikhail Zoshchenko]. Tomashevskiy Yu.V. (Comp.). Leningrad, 1990.

Gogol' v vospominaniyakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov [Gogol in Memoirs, Diaries, Correspondence of Contemporaries]. In 3 vols. Vinogradov I.A. (Comp.). Moscow, 2011-2013.

Zholkovskiy A.K. *Bluzhdayushchie sny: iz istorii russkogo modernizma* [Wandering Dreams: From the History of Russian Modernism]. Moscow, 1992.

Zholkovskiy A.K. *Mikhail Zoshchenko: poetika nedoveriya* [Mikhail Zoshchenko: the Poetics of Distrust]. Moscow, 1999.

Tynyanov Yu.N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of Literature. Movie]. Moscow, 1977.

Fedorov V.S. *Ob ontologicheskikh i filosofskikh aspektakh mirovovzreniya M. Zoshchenko* [On the Ontological and Philosophical Aspects of the Worldview of M. Zoshchenko]. *Mikhail Zoshchenko. Materialy k tvorcheskoy biografii* [Materials for a Creative Biography]. St. Petersburg, 1997. Vol. 1.

Cherepenikova M.S. *Ital'yanskiye puteshestviya Gete i Gogolya. Intertekstual'nye paralleli. (K yubileynym datam: 270-letiyu Gete i 210-letiyu Gogolya)* [The Italian Travels of Goethe and Gogol. Intertextual parallels. (On the anniversary dates: Goethe's 270th anniversary and Gogol's 210th anniversary)]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2019. No. 2.

Chudakova M.O. *Poetika Mikhaila Zoshchenko* [Poetics of Mikhail Zoshchenko]. Moscow, 1979.

Eykhenaum B. M. *O proze* [About prose]. Leningrad, 1969.

List of sources

Gogol' N.V. *Sobr. soch.* [Collected Works]. In 7 vols. Mashinskiy S.I. and Khrapchenko M.B. (Ed.). Moscow, 1976-1979.

Zoshchenko M. *Golubaya kniga* [Blue Book]. Moscow, 1989.

Zoshchenko M. *Sobr. soch.* [Collected Works]. In 3 vols. Tomashevskiy Yu. V. (Ed). Leningrad, 1986-1987.

Zoshchenko M.M. *Sotsial'naya grust'* [Social Sadness]. Moscow, 1996.

**ВЛАДИМИР ЧИВИЛИХИН В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ
ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА**

В.Я. Иванова

Ключевые слова: Читинский семинар молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, проза, публицистика.

Keywords: Chita seminar of young writers of Siberia and the Far East, prose, journalism.

DOI 10.14258/filichel(2020)4-03

Разные материалы – воспоминания, дневники и письма Владимира Чивилихина, воспоминания о нем, воспоминания Валентина Распутина, воспоминания об Александре Вампилове и многое другое – позволяют восстановить хронологию и детали участия Валентина Распутина в Читинском семинаре молодых писателей Сибири и Дальнего Востока в сентябре 1965 года. Восстановить это также помогают репортажи, интервью, сообщения о семинаре в газетах «Литературная Россия», «Комсомольская правда», «Советская молодежь», «Восточно-Сибирская правда», в журнале «Ангара» (1965, 1966, 1970), читинских газетах того времени. Участие Валентина Распутина в Читинском семинаре было судьбоносным для успешного журналиста, оно дало новое направление его таланту. Ценнейшим источником в воссоздании событий является книга «Владимир Чивилихин. Дневники, письма. Воспоминания современников» (2008), составленная женой писателя Еленой Владимировной Чивилихиной. Документальные материалы в книге включают многолетние дневники писателя, которые отражают взросление человека в тяжелые годы войны и послевоенного времени, становление его творческого сознания. Для изучения личных и творческих связей Владимира Чивилихина и Валентина Распутина комплекс всех материалов имеет исключительное эвристическое значение.

Остается только пожалеть, что в дневниковых записях В.А. Чивилихина отсутствует 1965 год с описанием впечатлений о Читинском семинаре. Но его отсутствие восполняет ряд документов, в том числе рецензия на рукопись рассказов Валентина Распутина, с рекомендацией на участие в семинаре, опубликованная в 2018 году [Чивилихина, 2018]. В рецензии, например, упоминается рассказ «Сложноподчиненное предложение», который никогда не появится в печати. Рассказ был прочитан только рецензентом. Отрицательное

отношение Владимира Чивилихина к нему как к «*явному срыву, неудаче*» и категоричная рекомендация – «*Рассказ этот надо непременно исключить из сборника*» [Чивилихина, 2018, с. 202] – исключил его навсегда из творчества Валентина Распутина. Одновременно с этим в рецензии, еще до начала Читинского семинара, дается рекомендация издать сборник рассказов молодого автора и принять его в Союз писателей. Дата написания рецензии (20.08.1965) отмечает первый факт заинтересованного участия известного писателя в творческой судьбе Валентина Распутина.

Среди архивов Елены Чивилихиной находится и рекомендация Владимира Чивилихина на вступление Валентина Распутина в члены Союза писателей России. Рекомендация не датирована, но можно установить время ее написания. Дата принятия Валентина Распутина в Союз писателей известна – 06.05.1967¹. С датой принятия в Союз писателей можно соотнести и время написания рекомендации. В ней говорится о книге очерков и рассказов «Край возле самого неба» (Иркутск, 1966), о планируемом выходе в свет сборника рассказов «Человек с этого света» и однотомника, название которого не указано. Книга «Человек с этого света» подписана к печати в Красноярском книжном издательстве 5 января 1967 года. И можно предположить, что рекомендация написана в декабре 1966 года, когда уже было известно о принятии книги в издание. Планируемый однотомник, о котором пишет Владимир Чивилихин, вышел в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Молодые писатели» только в 1968 году. Он содержит повесть «Деньги для Марии», написанную к тому времени, и восемь рассказов из двенадцати, опубликованных в первом сборнике «Человек с этого света» (1967).

Стремительное, по сравнению с другими сибирскими писателями, вступление Валентина Распутина в Союз не означало простоты и отсутствия трудностей. Воспоминания Александра Овчаренко, члена комиссии Союза писателей России в тот год, раскрывают разногласия в ходе принятия решения о приеме: «*...автор «Памяти» [В.А. Чивилихин. – В.И.] по первым рассказам, прочитанным в рукописях, разглядел талант Валентина Распутина. Напечатал их в «Москве» и очень сердился, когда мы, в то время члены приемной комиссии Союза писателей Российской Федерации, без особого восторга говорили об авторе сборников “Костровые новых городов” и “Край возле самого неба”*» [Овчаренко, 2018, с. 192]. Е. Чивилихина

---

¹ Иркутское региональное отделение Союза писателей России [Электронный ресурс]. URL: <http://pribaikal.ru/writers-list.html>.

объясняет заинтересованное участие мужа тем, что Владимир Алексеевич на своем опыте «знал, как сложно пробиться человеку из провинции» [России верный сын, 1998], и потому помогал молодым талантам. Членство в Союзе в те годы давало пишущему человеку государственный статус, социальные гарантии, обеспечивало возможность профессионально заниматься литературным трудом и жить этим трудом. Влияние Чивилихина на творческую судьбу Валентина Распутина заключалась не только в том, что он обратил внимание профессионального сообщества и членов комиссии Союза писателей России на молодого писателя и настаивал на высокой оценке, но и в том, что сам молодой автор решил стать писателем. Оценка известного писателя определила это решение. Так еще за год до вступления в Союз писателей, в марте 1966 года Валентин Распутин оставляет работу спецкора в газете «Красноярский комсомолец», возвращается в Иркутск и занимается исключительно литературным трудом. Не простой был выбор для молодой семьи с маленьким ребенком. Валентин Распутин много пишет. В первый же год после Читинского семинара написаны рассказы «Василий и Василиса», повесть «Деньги для Марии», обнаружившие особый стиль, интонации, собственную тематику нового писателя.

Примечательно, что на Читинский семинар красноярский журналист попал благодаря своему другу, Александру Вампилову. По воспоминаниям Валентина Распутина 2013 года, заявку на семинар он подал по настоянию Александра Вампилова, который сообщил ему о мероприятии и подсказал, как туда попасть. К тому времени начинающий драматург был автором одноактной пьесы «Дом окнами в поле» (1963), отличающейся индивидуальным стилем и сложной пространственно-временной организацией [Иванова, 2019]. Весной 1965 года Вампилов позвонил другу в Красноярск и приехал туда только затем, чтобы рассказать о предстоящем семинаре. У Распутина было немного времени для написания новых рассказов¹. Среди них оказался и неизвестный нам теперь рассказ «Сложноподчиненное предложение», написанный, вероятно, для конкурса. В апреле 1965 года в журнале «Огонек» напечатан очерк Валентина Распутина «Разъезд Стофато» [Распутин, 1965b, с. 20–21]. Удивительно, что, по «стечению обстоятельств», самого Александра Вампилова в списках приглашенных на Читинский семинар не оказалось. Об этом

---

¹ Легендарные дружбы. Прощание. Распутин о Вампилове [Электронный ресурс] // Алексей Шишов, Елена Якович, оператор Вадим Кизилев // ГТРК «Культура», 2013. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/36450/episode_id/191912/.

свидетельствуют воспоминания Вячеслава Шугаева: *«Ночью, накануне оглашения списка рекомендованных, мы узнали, что Саня в него не попал: тогдашний руководитель Иркутской писательской организации М.Д. Сергеев в семинарских хлопотах и напряжении, видимо, забыл, что у Сани выходила книжка рассказов – непременно условие для рекомендации»* [Шугаев, 1988, с. 343–344]. Для восстановления справедливости молодые люди обратились к самому Л.С. Соболеву, председателю правления Союза писателей России, постучавшись к нему в гостиничный номер в три часа ночи. Справедливость была восстановлена.

Между тем, знакомство Валентина Распутина с творчеством Владимира Чивилихина началось задолго до Читы. Прочтение одной из его книг подсказало Валентину Распутину главную тему газетных очерков в Красноярске. *«Прочитав “Серебряные рельсы” – о героической гибели в военные годы в Саянах изыскателей трассы Абакан – Тайшет Кошурникова, Журавлева и Стофато, – я, тогда только начинавший работу в красноярской молодежной газете, выпросил строительство трассы под свое перо, часто бывал там, подружился с сыном Стофато»* [Дневники, письма..., 2008, с. 549], – вспоминал в 1998 году Валентин Распутин. Повесть «Серебряные рельсы» была издана в 1959 году, а имена Александра Кошурникова, Алексея Журавлева, отца и сына Стофато появились в очерке Валентина Распутина «За поездом поезд...» 1 мая 1963 года, а затем – в очерке «Имени отца» 26 сентября 1963 года. Это и было начало влияния творчества Владимира Чивилихина на судьбу молодого автора. В очерке Распутина Владимир Стофато убежден: *«Проектируя эту дорогу, погиб отец. Погиб не зря. Дорога будет. Я бы не простил себе, если бы ее построили без меня»* [Распутин, 1963]. Замечательно, что сам Володя, сын знаменитого Константина Стофато, приехал на стройку благодаря Владимиру Чивилихину. *«Если бы не книга Чивилихина, меня-то здесь точно не было бы»* [Дневники, письма..., 2008, с. 549–550]. Как не было бы и замечательных очерков о дороге Абакан – Тайшет Валентина Распутина. Имя отца и сына Стофато укрепило заочное знакомство известного писателя и спецкора газеты, готовило их теплую встречу на семинаре.

В те годы очерки и повести Владимира Чивилихина были известны всей стране, они вдохновляли, собирали молодых людей на стройки, предлагали испытать себя, быть полезными другим. Увлекли они и Валентина Распутина, для которого знакомство с молодежью на трассе Абакан–Тайшет стало экзаменом не только на мужество, но и на человечность, на умение понять душу человека, его духовные

ценности. Именно о высоком назначении человека, исполнении долга перед отцом написан очерк Валентина Распутина «Разъезд Стофато» (1965). Окрыленность и веру в добро молодой журналист воспринял из книг Владимира Чивилихина еще до личной встречи с ним. Так своим творчеством известный писатель, не ведая того, направлял молодого журналиста к выбору тематики очерков и их героев, к идеалам и высоким ценностям – служению, верности родине, ответственности перед людьми.

Перед началом Читинского семинара в августе 1965 года между Чивилихиным и Распутиным состоялась переписка. Можно с уверенностью сказать, что ее инициатором был Владимир Чивилихин. В письме к молодому журналисту даны первые уроки художественного мастерства. *«Конечно, литература воспитывает не так, как передовая статья в газете, по-другому, она тайными путями пробирается в сердце и мозг человека»* (Письмо Владимира Чивилихина Валентину Распутину от 20.08.1965) [Дневники, письма..., 2008, с. 299]. Письмо обозначило рубеж в мастерстве журналиста, разделив профессиональную пару «газета – литература». Личная встреча состоялась до открытия семинара: *«Еще до начала работы семинара он отыскал меня в гостинице, подбодрил, тут же по телефону продиктовал один из тофаларских рассказов в «Комсомольскую правду», где тогда работал, – и уже через два дня мой опус там и появился»* [Дневники, письма..., 2008, с. 550]. 9 сентября 1965 года появилась новая столичная публикация Валентина Распутина рассказ «Ветер ищет тебя» – о старухе-тофаларке, ранее опубликованный как «Человек с этого света» (Восточно-Сибирская правда, 1964, 14 ноября). Благодаря одной из статей о семинаре мы знаем, что рассказ Владимир Алексеевич диктовал по телефону три часа [Жемчужников, 1965]. Интересно, что долго строящаяся, но открытая на три месяца раньше срока – к семинару, читинская гостиница «Забайкалье» имела в каждом номере телефон.

10 сентября 1965 года в газете «Литературная Россия» появился второй рассказ Валентина Распутина «Я забыл спросить у Лешки...», правда, с опечаткой в имени автора – «Валерий Распутин» [Распутин, 1965с]. Рассказ проиллюстрирован, и, следовательно, публикация была подготовлена заранее, как и публикации других иркутских авторов, напечатанных в августе-сентябре, – Бориса Лапина (рассказ «Стакан черемухи», 27 августа 1965 года) и Дмитрия Сергеева (рассказ «Вегетарианка», 3 сентября 1965 года). Позднее, в следующих номерах «Литературной России» напечатают сказку иркутского писателя Юрия

Самсонова «Мешок снов» (24 сентября 1965 года). Три публикации представлены в рубрике «К читинскому семинару молодых писателей», последняя – «Для наших юных друзей». В результате три рассказа в «Литературной газете» принадлежат иркутским авторам, а один (Валентина Распутина) – красноярскому, хотя тоже был написан и впервые напечатан в Иркутске (Ангара, 1961, № 1).

По сообщениям столичных и областных газет, на семинар приехали 80 молодых авторов. Их распределили по двенадцати творческим секциям: пять секций прозы, пять – поэзии, одна – драматургии, одна – детской литературы. Открытие форума было 6 сентября 1965 года в Большом зале окружного Дома офицеров. В тот же день на центральной площади города прошло театрализованное представление, развернулся книжный базар и вечером состоялся праздничный фейерверк. От Иркутска на семинар в нарушение квоты приехали пять писателей – журналисты Александр Вампилов и Вячеслав Шугаев, геолог Геннадий Машкин, Юрий Самсонов, геолог и бывший фронтовик Дмитрий Сергеев. Геннадий Машкин приехал прямо из тайги, с геологической партии Бодайбинского прииска. Но от Иркутска были и другие участники – журналист Л. Красовский, преподаватель университета С. Иоффе, геолог Г. Пакулов, Б. Лапин. Всего девять молодых авторов стихов, прозы, пьес.

Группа писателей из Иркутска оказалась самой многочисленной, потому что вместе с участниками приехало много «болельщиков». Иркутяне-«болельщики» распределились по всем двенадцати секциям и собирались вечером после заседаний, засиживаясь за полночь, рассказывая друг другу, что слышали и видели. Самым «надежным источником информации» назвал иркутян в те дни писатель Борис Костюковский, руководивший одной из секций прозы. Благодаря его репортажам мы знаем, что название творческого союза молодых писателей – «иркутская стенка» – возникло и утвердилось еще до Читинского семинара. Силу «стенки» Борис Костюковский увидел в беспощадной требовательности к себе и к другим, так как именно от иркутской группы на обсуждениях звучали самые резкие и суровые оценки. Душой «иркутской стенки» Костюковский назвал геолога Дмитрия Сергеева, произведения которого получили, по его мнению, «самую высокую оценку на семинаре» [Костюковский, 1965, с. 2]. На обсуждении произведений Дмитрия Сергеева Леонид Соболев сказал в целом о семинаре: «У меня впечатление, что мы подняли целину...» [Бондина, 1965, с. 2].

Из Красноярска приехали двое, прозаик Валентин Распутин и поэт Роман Солнцев. Секцию прозы, куда определили Распутина, вел

Владимир Чивилихин. Много лет спустя (14 марта 1998 года) Валентин Распутин напишет о влиянии руководителя своего семинара на отечественную литературу того времени: «...значение и авторитет его имени были к тому времени огромными, его духовная фигура высилась в обществе могучей глыбой» [Распутин, 1998, с. 6]. Но фактически на семинаре встретились два молодых человека – учитель и ученик, первому тогда было 37 лет, второму – 28. Правда, у первого была российская известность, а у второго – опыт журналистской работы в двух областных молодежных газетах и столичная публикация (очерк «Разъезд Стофато»).

Валентин Распутин не думал всерьез о литературе, судя по воспоминаниям в поздние годы. *«Поехал, признаться, больше для того, чтобы встретиться там со своими иркутскими друзьями – с Александром Вампиловым, Вячеславом Шугаевым и Геннадием Машкиным. “Себя показать”, то есть свои литературные опыты, было “во-вторых”. Как журналист я был на хорошем счету, писал заметно, и если бы в Чите мне сказали, что мои рассказы слабы (так оно и было), я бы, вероятней всего, без большого сожаления свое приближение к литературе оставил. Но мне повезло, я попал в семинар к Владимиру Чивилихину»* (1998 год) [Дневники, письма..., 2008, с. 550]. О своих первых рассказах Валентин Распутин не раз отзывался критически: *«Но Владимир Алексеевич что-то высмотрел в них – что-то, должно быть, не столько имеющееся, сколько обещающее»* [Дневники, письма..., 2008, с. 550]. Но и по свежим следам писатель говорит о том, что литературное творчество для него тогда было только пробой пера. *«Что-то будет? С чем мы отсюда поедем обратно? Понемножку писали, понемножку печатались, но все как-то вполсилы, вполнакала, толком не зная, как относиться к своим занятиям, – то ли как к хобби, чтобы убить время, то ли как к недоступному для нас делу, возле которого нам дано только отираться, но не постигнуть, не проникнуть внутрь, не приблизиться»* (1970 год) [Распутин, 1970, с. 19]. Валентин Распутин оставался искренним в своих поздних признаниях.

Александр Вампилов признает значимость для себя читинского форума: *«Да, Чита стала уже прошлым, стала воспоминанием дорогим и необходимым всем нам и по сегодня. <...> Я думаю, что мы до сих пор отработываем авансы, выданные нам в Чите осенью 1965 года»* (1970 год) [Вампилов, 1970, с. 19]. Чита для молодых людей олицетворяла общее состояние подъема, надежды, которые воплощались, в первую очередь, в руководителях секции, у Распутина – во Владимире Алексеевиче Чивилихине, у Вампилова – в Николае

Николаевиче Кладо. Важнейшим результатом семинара стали тринадцать авторов, рекомендованных в члены Союза писателей России, среди которых пять были иркутянами.

Чувство благодарности к учителю осталось в душе Валентина Распутина на всю жизнь. Вот воспоминание 1984 года, через почти двадцать лет после Читинского семинара: *«Если бы я попал к другому руководителю, а так могло случиться, и ему, этому другому руководителю, рассказы мои не понравились, я бы, наверное, бросил писать, потому что был неплохим журналистом»* [Распутин, 1984]. Во многих отзывах и интервью Валентин Распутин вспоминает о Владимире Чивилихине как о человеке, который увидел в нем писателя. Сам руководитель секции не скрывал радости от открытия новых талантов. *«Владимир Чивилихин ходит гордый по Чите и не может нарадоваться: он открыл для себя не только Дмитрия Сергеева, но и Валентина Распутина – автора талантливых рассказов»*, – писал в репортажах Борис Костюковский [Костюковский, 1965]. Имя Распутина тогда никому не было известно.

Владимир Чивилихин родился в 1928 году в семье железнодорожника, кондуктора со станции Тайга Кемеровской области. В 1948 году, блестяще сдав вступительные экзамены на факультет журналистики МГУ, стал студентом ведущего университета страны. Дневники, начатые подростком в школьные годы, помогли сложиться творческой рефлексии, литературному стилю. Сейчас они свидетельствуют о борьбе мальчика за жизнь в военные и послевоенные годы. Голодное детство и юность, нужда, пробивание в печать повестей, отстаивание в публицистике и в государственных инстанциях идей сохранения родной земли, лесов, кедров подорвали здоровье писателя. В биографии и личности обоих писателей много общего – и в единстве сибирской таежной родины, и в голодном трудовом детстве без отцов, укрепившем характер мальчиков терпением, стойкостью, мужеством, благодарностью к людям, и в гражданской позиции.

Внутреннее родство двух встретившихся на семинаре людей проявлялось в большом и малом. Обоим хорошо работалось только дома. Каждый год, уже живя в Москве, Валентин Распутин приезжал в Иркутск, на Байкал, на дачу на Ангаре, и до конца своих дней считал, что его дом – в Иркутске. Об этом свидетельствуют многие воспоминания его родных, друзей и коллег. Дача для каждого – это особый разговор и особая забота. *«На даче, которая была куплена для работы, чтобы убежать от городской суеты, телефонных звонков, собраний-заседаний, он создал настоящий дендрарий, за которым*

увлеченно ухаживал <...> Он умел делать все. Ему покорялись и металл, и бетон, и дерево», – вспоминает Е. Чивилихина [Дневники, письма..., 2008, с. 580]. Для творческих целей служила дача Валентину Распутину – сначала в порту Байкал, а после 1982 года на Ангаре. Копал, сажил, поливал, ремонтировал, строил Валентин Распутин на даче сам, и при этом писал, дорожа уединением. Тяга к труду на земле выдавала у обоих писателей коренную крестьянскую основу.

Роднит писателей и чуткая забота о матери. Деревенский мальчик Валя Распутин, старший среди троих детей в доме, выросший без отца, прошедшего всю войну и вернувшегося с медалями, но по нелепости попавшего на семь лет на Колыму, на протяжении всей своей жизни мог надеяться только на себя. Помогал матери до ее последних дней – в холодные зимы приезжал в Аталанку, колол дрова, топил печь, весной сажил картошку, летом и осенью – ремонтировал дом, постройки, забор, помогал убирать урожай. Дневники Владимира Чивилихина передают тревогу о матери, угрызения совести за то, что мать ходит в обрывках тряпья, голодает, но все отдает детям: *«Сегодня напишу домой. Как живет моя старушка, старая, сгорбленная, с кривыми, утолщенными в суставах, пальцами и ласкающими глазами? Бедная мать! Какая боль охватывает меня при воспоминании о ней – этом святом, безгрешном существе, которая в заботе о нас почти потеряла свое я. Самое плохое то, что ничем не могу помочь»* [Дневники, письма..., 2008, с. 90].

Дневники Владимира Чивилихина – уникальный документ эпохи и человеческой судьбы. Мечтая стать писателем, подросток с тринадцати лет (7 марта 1941 года в день своего рождения первая запись) фиксировал мысли, впечатления, делал пейзажные зарисовки, анализировал свои отношения с людьми, накапливал материал для творчества и вырабатывал свой стиль. Дома в военные годы часто не было света, не было чернил – и записи ребенка скупые, краткие. Дневник для Володи Чивилихина – собеседник, доверенный друг, дающий возможность высказаться, думать, постигать мир вокруг и внутри себя. Дневник запечатлел путь писателя, осознанное духовное восхождение. Как и Валя Распутин, Володя Чивилихин поразительно много читал. Запись об уборке стайки в его дневниках соседствует с восторженными впечатлениями от книги Александра Суворова и пьес Гюго. Дневник будущего писателя напоминает читательский дневник. Оба писателя в детстве читали взахлеб (*«глотаю книги», «читаю запоем»,* – написано в дневнике В. Чивилихина). Книги помогли юноше выжить: *«О, книги! Что бы я делал без вас в эти тяжелые дни?»* [Дневники, письма..., 2008, с. 28]. А ведь дневники Владимира

Чивилихина представляют круг чтения подростка, который даже плакал от своей беспомощности, видя страдающими мать, брата и сестру, у нее от голода пухли ноги. Юноша часто обмороживался, не было необходимой для сибирских морозов одежды и обуви. Но при этом читал, читал и читал. Литературная начитанность обоих писателей поражала современников. И это тоже укрепило нить между ними. В зрелые годы в кабинете Владимира Чивилихина «книжные шкафы были доверху забиты книгами». Среди тысяч книг в своем кабинете работал Валентин Распутин, книги стройными рядами стояли в больших шкафах-«стенках» за его спиной.

Удивительно, как в мальчике Володе Чивилихине сильно было участие и мужество спасти других. Тринадцатилетний мальчик собирает вокруг себя других ребят, чтобы поднять упавшую хромую лошадь. При этом толпа взрослых людей бездействует. Багром оттаскивает бревна на пожаре, до приезда пожарных носит ведра с водой, а потом помогает им, и, словно для памяти, оставляет в дневнике запись: *«На пожаре чуть не провалился в погреб»* [Дневники, письма..., 2008, с. 10]. Подобное стремление помогать людям характерно и для Валентина Распутина. Откладывал свои дела, ходил, хлопотал, просил – за Аталанку, за Усть-Уду, за Иркутск, за писательскую организацию, при этом давал десятки рекомендаций, писал рецензии, предисловия, послесловия, даже тогда, когда был тяжело болен, плохо видел и не мог писать более часа в день. Его стараниями построена большая кирпичная школа в родной деревне, храм Богоявления в Усть-Уде, здание Научной областной библиотеки им. И.И. Молчанова-Сибирского и многое другое. Обоих писателей объединило главное – чувство любви и сострадания к человеку, самопожертвование в служении людям. Семнадцатилетний Володя, организующий читки-беседы в своем цехе, отмечает в дневнике: *«и как все-таки хорошо видеть простое, искреннее участие в глазах измученного, промазученного до мозга костей, рабочего, который, не умея сказать ясно, сочувствует в душе и благодарит за оказанное ему простое внимание»* [Дневники, письма..., 2008, с. 90]. Чуткость к человеку дала сердечную зоркость известному писателю, чтобы заметить художественный и человеческий дар Валентина Распутина.

Творческая преемственность двух писателей сложна, и скорее всего, имеет форму литературных взаимовлияний. Темы и ключевые образы одного перекликаются с темами другого, предвосхищая и как бы предполагая продолжение в произведениях. Важные тематические и жанровые узлы в творчестве двух писателей отмечает Е. Чивилихина в статье «Открытие Валентина Распутина. К 90-летию со дня рождения

В.А. Чивилихина (1928–1984)» [Чивилихина, 2018, с. 204–205]. Публицистика зрелого Валентина Распутина, по ее мнению, продолжает экологические темы очерков Владимира Чивилихина о Сибири, Байкале – его книгу «По городам и весям: путешествие в природу», и входящий в нее цикл о Байкале «Светлое око Сибири» (1963), знаменитые очерки о сибирском кедре и Кедрограде. Книга Валентина Распутина «Сибирь, Сибирь...» становится в ряд с книгами Владимира Чивилихина и продолжает темы защиты природы. По мнению академика РАН Н.А. Моисеева, знавшего В.А. Чивилихина и работавшего с ним много лет, сам В.А. Чивилихин, в свою очередь, «*принял историческую эстафету от Л. Леонова. Лейтмотивом его книг и многочисленных очерков были взаимоотношения человека, природы и леса на разных широтах и меридианах в общей философии о судьбах России и ее месте в мире*» [Моисеев, 2003]. Таким образом, сложилась линия преемственности русских писателей второй половины XX века в защите родной природы: Леонид Леонов – Владимир Чивилихин – Валентин Распутин. Ответственность и гражданственность позиции были восприняты Валентином Распутиным от своих учителей-писателей.

Можно обнаружить и другие творческие связи. Вспомним, что одна из первых повестей Владимира Чивилихина «Серебряные рельсы» (1959) отправила молодого журналиста Валентина Распутина в командировку на строительство трассы Абакан – Тайшет и вдохновила на очерки об этой дороге. Статьи о Владимире Стофато развили стиль будущего писателя, сформировавшийся в иркутский период. И каким-то удивительным образом связан последний неоконченный роман Владимира Чивилихина «Дорога» с началом творчества Валентина Распутина. По воспоминаниям Е. Чивилихиной, «*“Дорога” должна стать главной книгой писателя Чивилихина. Владимир Алексеевич и сам нередко говорил об этом*» [России верный сын, 1998]. Железная дорога, представленная жизнью писателя и инженера Н.Г. Гарина-Михайловского, задумана была Чивилихиным как эпическое полотно о Сибири. И при всей исторической конкретности должна была стать обобщением, метафорой жизни человека, героя романа писателя-творца, соотносимой, на наш взгляд, с жизнью автора романа. «*На любой трассе, проложенной им по земле, были спуски, подъемы и переломные точки, кривые вправо и влево, соединяемые чрезвычайно редкими и короткими прямыми участками: туннели, мосты, подпорные стенки, глубокие выемки и высокие насыпи –*

дорога всегда стремилась к идеалу, не осуществленному никогда. И вся его жизнь была такой же – в падениях, взлетах и “плюсовых” точках, в непримиримых противоречиях между замыслом и практикой, идеей и реальностью, духом и плотью, стройными красивыми теориями и грубыми жизненными обстоятельствами» [Чивилихин, 1998]. Очевидно, что писатель хотел сказать и о себе в последнем своем произведении, хотел подвести итоги. Лирическое начало о собственном детстве подчеркивает автобиографическое ядро романа.

Мотив и образ дороги являются ведущими в красноярских очерках Валентина Распутина. Цикл о трассе Абакан – Тайшет завершился очерком с пророческим для самого журналиста и его судьбы названием «Вот и все – начинайте сначала» (Красноярский комсомолец, 1966, 16 февраля), ставящим точку в жизни героев и предлагающим новое начало. Это была одна из последних работ молодого журналиста в газете, и в ней отразилось новое начало его собственного пути – в Иркутск, в литературу. Валентин Распутин расстался с журналистикой, выбрав писательское дело. Десятки предыдущих очерков о трассе собрались в очерк «Разъезд Стофато» (1965) – повествование о человеке-строителе дороги, продолжателе подвига отца. В очерке звучит главная мысль, характерная и для Чивилихина и для Распутина, что дорога не оборвалась, что дело продолжается. Дорога-судьба стала сквозным мотивом-метафорой цикла Валентина Распутина о трассе Абакан – Тайшет. И это его собственный «роман» о дороге, которым закончился его журналистский период, и с которого началась литературная судьба.

Сюжет первого рассказа Распутина «Я забыл спросить у Лешки...» (Ангара, 1961, № 1) – тоже дорога. Как метафора жизни человека, и не только главного героя рассказа, это дорога протяженностью в пятьдесят километров, по которой сначала шли три юноши, потом только двое. В детстве у Валентина Распутина была своя дорога протяженностью в пятьдесят километров. По ней мальчик ходил осенью, зимой, весной домой на каникулы и возвращался на занятия в Усть-Удинскую школу. Дорога была тяжелой для ребенка одиннадцати лет. До деревни Янды, находящейся в двадцати километрах от Усть-Уды, он часто ходил с кем-то из ребят, иногда ночевал у них дома, а дальше, следующие тридцать километров до Аталанки, шел один. Это дорога, многократно пройденная ребенком в одиночестве, оставшаяся в памяти на всю жизнь как образ пути, который нужно пройти, надеясь только на себя, воплотилась, выплеснулась в первом рассказе.

Так в образе-мотиве дороги сомкнулись две судьбы – учителя Владимира Чивилихина и ученика Валентина Распутина. Этим образом, оставшимся незавершенным, закончился творческий путь первого, и с него начался литературный путь второго. Творческие судьбы и художественные образы переплелись, отражаясь и продолжаясь одно в другом. Очевидно, что существовало духовное притяжение двух людей, существовала неосознанная и осознанная внутренняя близость художественных мышлений, миропониманий, притяжение гражданской позиции двух одаренных человечностью людей, разделенных по возрасту девятью годами, но оказавшихся родными настолько, что понимали друг друга издалека и творили в едином поле сострадания и добра к человеку и земле.

Литература и источники

- Бондина Л. Надежды оправдались // Литературная Россия. 1965
- Вампилов А. Да, Чита стала уже прошлым // Ангара. 1970. № 4.
- Дневники, письма. Воспоминания современников. / Владимир Чивилихин. М., 2008.
- Жемчужников В. Дороги к мастерству // Советская молодежь. 1965.
- Иванова В.Я. Структура художественного времени и пространства в пьесе А. Вампилова «Дом окнами в поле» // Филология и человек. 2019. № 1.
- Костоковский Б. Наша смена, наша опора // Литературная Россия. 1965.
- Моисеев Н.А. В.А. Чивилихин, писатель, исследователь, человек (к 75-летию со дня рождения) // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. 2003. № 5.
- Овчаренко А. О Владимире Чивилихине // Москва. 2018. № 5.
- Распутин В. Ветер ищет тебя // Комсомольская правда. 1965а.
- Распутин В. Говорят, свое название Чита получила так // Ангара. 1970. № 4.
- Распутин В. За поездом поезд... // Красноярский комсомолец. 1963.
- Распутин В. Красный день [Электронный ресурс].
URL: <http://prkas.ru/index.php?id=482>.
- Распутин В. Он сказал главное слово // Гудок. 1998.
- Распутин В. Разъезд Стофато // Огонек. 1965b. № 14.
- Распутин В. Родина – изначально...: интервью вел А. Клейн // Советская молодежь. 1984.
- Распутин В. Я забыл спросить у Лешки... // Литературная Россия. 1965с.
- России верный сын: интервью с Еленой Чивилихиной / Александр Шелихов-Ржешевский // Гудок. 1998.
- Соболев Л. Хорошая встреча двух поколений // Литературная Россия. 1965.
- Соболев Л. Я полюбил этот город // Ангара. 1970. № 4.
- Чивилихин В. Дорога. Отрывок из неоконченного романа: публикация Е. Чивилихиной // Гудок. 1998.
- Чивилихина Е. Открытие Валентина Распутина. К 90-летию со дня рождения В.А. Чивилихина (1928–1984) // Наш современник. 2018. № 3.
- Шугаев В. О Вампилове // А.В. Вампилов. Стечение обстоятельств: рассказы, очерки, пьесы. В 2-х тт. Иркутск, 1988. Т. 2.

References and sources

- Bondina L. *Nadezhdy opravdalis'* [Hopes Come True]. *Literaturnaya Rossiya* [Literary Russia]. 1965.
- Vampilov A. *Da, Chita stala uzhe proshlym* [Yes, Chita is Already Past]. *Angara* [Angara]. 1970. No. 4.
- Dnevniki, pis'ma. Vospominaniya sovremennikov* [Diaries, Letters. Memoirs of Contemporaries]. Vladimir Chivilikhin [Vladimir Chivilikhin]. Moscow, 2008
- Zhemchuzhnikov V. *Dorogi k masterstvu* [The Roads to Mastery]. *Sovetskaya molodezh'* [Soviet Youth]. 1965.
- Ivanova V.Ya. *Struktura khudozhestvennogo vremeni i prostranstva v p'ese A. Vampilova «Dom oknami v pole»* [The Structure of Artistic Time and Space in the Play by A. Vampilov «House with Windows in the Field»]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2019. No. 1.
- Kostyukovskiy B. *Nasha smena, nasha opora* [Our Shift, Our Footing]. *Literaturnaya Rossiya* [Literary Russia]. 1965.
- Moiseev N.A. V.A. *Chivilikhin, pisatel', issledovatel', chelovek (k 75-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Chivilikhin, Writer, Researcher, Person (on the occasion of his 75th birthday)] *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta lesa - Forest vestnik* [Bulletin of the Moscow State University of Forest - Forest bulletin]. 2003. No. 5.
- Ovcharenko A. *O Vladimire Chivilikhine* [About Vladimir Chivilikhin] Moscow. 2018. No. 5.
- Rasputin V. *Veter ishchet tebya* [The Wind is Looking for You]. *Komsomolskaya Pravda* [Komsomol Truth]. 1965.
- Rasputin V. *Govoryat, svoe nazvanie Chita poluchila tak* [They Say Their Name Chita Got So]. *Angara* [Angara]. 1970. No. 4.
- Rasputin V. *Za poezdom poezd...* [The Train Behind the Train ...]. *Krasnoyarskii Komsomolets* [Krasnoyarsk Komsomolets]. 1963.
- Rasputin V. *Krasnyy den'* [Red Day]. URL : <http://prkas.ru/index.php?id=482>
- Rasputin V. *On skazal glavnoe slovo* [He Said the Main Word]. *Gudok* [Beep]. 1998.
- Rasputin V. *Raz'ezd Stofato* [Stofato's Crossroads]. *Ogonek* [Little light]. 1965. No. 14.
- Rasputin V. *Rodina – iznachal'na... : interv'y u vel A. Kleyn* [Homeland - Primordial ...: Interview conducted by A. Klein]. *Sovetskaya molodezh'* [Soviet Youth]. 1984.
- Rasputin V. *Ya zabyl sprositi' u Leshki...* [I Forgot to Ask Lyosha ...]. *Literaturnaya Rossiya* [Literary Russia]. 1965.
- Rossii vernyy syn: interv'y u s Elenoy Chivilikhinoy* [Russia's Faithful Son: Interview with Elena Chivilikhina]. *Gudok* [Beep]. 1998.
- Sobolev L. *Dobraya vstrecha dvukh pokoleniy* [Good Meeting of Two Generations]. *Literaturnaya Rossiya* [Literary Russia]. 1965.
- Sobolev L. *Ya polyubil etot gorod* [I Fell in Love with This City]. *Angara* [Angara]. 1970. No. 4.
- Chivilikhin V. *Doroga. Otryvok iz neokonchennogo romana: publikatsiya E. Chivilikhinoy* [The Road. Excerpt From an Unfinished Novel: publication by E. Chivilikhina]. *Gudok* [Beep]. 1998.
- Chivilikhina E. *Otkrytie Valentina Rasputina. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya V.A. Chivilikhina (1928–1984)* [On the Occasion of the 90th birthday of V.A. Chivilikhin (1928–1984)]. *Nash sovremennik* [Our Contemporary]. 2018. No. 3.
- Shugaev V. *O Vampilove* [About Vampilov]. A.V. *Vampilov. Stechenie obshchitel'stv: rasskazy, ocherki, p'esy* [Coincidence: Stories, Essays, Plays]. In 2 vols. Irkutsk, 1988. Vol. 2.

**ЛЕКСЕМА «МИР» В СОВРЕМЕННОМ ЭРГОНИМИЧЕСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ
КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)**

В.В. Дробан, Л.А. Исаева

Ключевые слова: эргоним, ономазиология, нейминг, городской ономастикон.

Keyword: ergonym, onomasiology, naming, urban onomasticon.

DOI 10.14258/filichel(2020)4-04

Вопрос о лингвистическом облике города является весьма актуальным, что подтверждают современные научные исследования Т.В. Шмелевой, В.И. Супруна, Г.Б. Мадиевой, В.А. Крыжановской, И.Н. Пономаренко и др. [Шмелева, 2014; Супрун, Мадиева, 2017; Крыжановская, Пономаренко, 2019]. Данный интерес объясняется интенсивностью заявившего о себе в конце XX века «ономастического бума» [Шмелева, 2014], вызвавшего активизацию процесса нейминга, а также антропоцентричностью языкового пространства города [Позднякова, 2014, с. 77]. В.А. Крыжановская под неймингом понимает «вид речевой деятельности, направленный на создание оригинального и запоминающегося эргонима» [Крыжановская, 2017, с. 86]. Ю.С. Вегенер дает следующее определение нейминга: «нейминг – «процесс, включающий семантический, синтаксический, аксиологический и психологический аспекты, направленный на правильное позиционирование бренда и эффективную коммуникацию при помощи имени» [Вегенер, 2012, с. 260]. В процессе нейминга используются разнообразные языковые единицы, проявляющие особенную активность. Одной из таких единиц является лексема «мир» и ее производные.

Объектом исследования является формальный, семантический и прагматический потенциал лексемы «мир» в современном эргонимическом пространстве (на материале наименований коммерческих организаций Краснодарского края).

Предметом исследования выступают различные по семантико-структурным характеристикам эргонимы Краснодарского края с лексемой «мир».

Цель исследования – выявление прагматического потенциала лексемы «мир» в современном эргонимическом пространстве (на

материале наименований коммерческих организаций Краснодарского края).

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) выявить классификационные группы эргонимов Краснодарского края с лексемой «мир» на основании их формальных и семантическим признаков;

2) установить особенности репрезентации лексико-семантических вариантов единицы «мир» в эргонимах современного эргонимического пространства;

3) определить прагматический и манипулятивный потенциал лексической единицы «мир» в процессе реализации аттрактивной и информативной функции рекламного заголовка;

4) рассмотреть особенности репрезентации базового общезначимого концепта «мир» в языковой картине мира (далее ЯКМ) русского народа, представленной на примере рекламного дискурса.

Материалом исследования послужили более 250 наименований различных организаций Краснодарского края с лексемой «мир» и ее производными. Данные эргонимы были извлечены в процессе наблюдения над объектами городской среды, а также анализа информации, представленной в современных справочниках и базах данных в Интернете (2gis.ru, Google Maps). Активный сбор эргонимов проводился в период с 2017 по 2019 год.

Гипотеза исследования заключается в следующем: активность эргонимов с лексемой «мир» в современном эргонимическом пространстве предопределена спецификой манипулятивного потенциала данной единицы, что основано на особенностях ее сочетаемости вследствие контаминированности ее семантики и способности выражать важные индивидуализированные и общезначимые смыслы.

Современное ономастическое пространство города изменчиво и активно. Его специфика определяется сложившейся моделью мира и существующими представлениями народа в конкретное время [Подольская, 1988, с. 20]. Под ономастическим пространством вслед за А.В. Суперанской понимаем «сумму имен собственных, употребляющихся для именованя объектов и их отдельных состояний, воспринимаемых предметно, а также наименования живых существ и неодушевленных предметов» [Суперанская, 1973, с. 9]. Важной составляющей ономастического пространства выступают эргонимы.

Несмотря на наличие значительного числа работ, посвященных исследованию особенностей языка города, в современной лингвистике термин «эргоним» не имеет однозначного определения [Подольская, 1988; Емельянова, 2007; Крыжановская, 2017].

Н.В. Подольская определяет эргоним как «разряд онима, собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская, 1988, с. 18].

В данной работе под эргонимом понимается разряд онима, а именно наименование коммерческого предприятия, содержащее прагматическую установку, заключающуюся в привлечении внимания потенциального клиента.

В работах С.В. Земсковой вводится понятие эргонимии, под которой понимается «совокупность названий промышленно-хозяйственных объектов, в частности какого-либо региона» [Земскова, 1996, с. 15]. На наш взгляд, более точно может быть использован синонимичный термин «эргонимическое пространство», под которым понимается неотъемлемая часть общего ономастического пространства, совокупность эргонимов той или иной местности, участвующая в отражении и формировании ценностных установок носителей языка в тот или иной период.

Среди важнейших (базовых) функций современных эргонимов выделяются номинативная, идентифицирующая, дифференцирующая, эстетическая и др. И.Н. Пономаренко и В.И. Крыжановская в качестве основных функций, помимо названных, выделяют информативную и аттрактивную [Пономаренко, Крыжановская, 2019, с. 177]. Аттрактивная функция (функция воздействия) – мотивированное коммерческими целями привлечение внимания аудитории к товару или услуге, осуществляемое при помощи различных структурных средств и моделей.

Эргонимы, как показывает анализ собранного материала, представляют собой слабо структурированный пласт ономастической системы русского языка. Вопрос классификации эргонимов до сих пор остается актуальным [Романова, 1988; Новожилова, 2005; Курбанова, 2014; Крыжановская, 2017]. В основу данных классификаций положены различные принципы. Эргонимы классифицируются по степени необходимости в их составе номенклатурного термина (слово-сопроводителя) [Новожилова, 2005], по функциональной направленности [Романова, 1988], по степени информативной составляющей [Шимкевич, 2002] и др.

В последние два десятилетия лексема «мир» стала активно функционировать в качестве составляющей современных эргонимов Краснодарского края, о чем свидетельствует материал настоящего исследования. Нами выделяется 269 эргонимов.

Анализ лексикографического описания лексемы «мир» позволил выявить 9 лексико-семантических вариантов (далее ЛСВ), относящихся к омониму «мир 1» («Вселенной») и 3 ЛСВ, относящиеся к «миру как «отсутствию войны» (омоним «мир 2») [Ожегов, 2012; Ефремова, 2006]. Данные значения с древних времен обладали тесной семантической связью, поскольку «отсутствие войны» в значении «лада» было неразрывно с обжитым пространством – «общиной» [Степанов, 2004, с. 86]. Лексема «мир» характеризуется сложным контаминированным значением, семантической диффузностью, что проявляется в ряде контекстов. К примеру, эргоним «*Строй Мир*», относящийся к строительному магазину, при помощи орфографии (при наличии слитного «*Строймир*») создает контаминированность значений лексем «мир»: «согласие», «покой», «Земля / Вселенная» и «внутренний мир». Создание данного контаминированного эргонима можно рассматривать как попытку активизации у потенциального покупателя (адресата) следующей прагматической установки: «построив дом, сделав ремонт, ты придешь к гармонии, поучаствуешь в создании чего-то глобального, обогатишься духовно».

Контаминативная сущность лексем «мир», а также «миромоделирующий» характер выражаемых значений способствуют реализации ею манипулятивного потенциала, поскольку позволяют репрезентировать идею объемности, «всезначимости» вещественного и ментального мира для носителей языка.

Эргонимы с единицей «мир» образовали устойчивую семантико-синтаксическую модель нейминга, активно используемую в рекламном дискурсе. Количество эргонимов со словом «мир» или производными от него быстро растет, формируя целую группу закрепившихся в сознании носителей языка эргонимов, реализующих абстрактное значение («*Детский мир*», «*Мир искусств*», «*Мир музыки*», «*Мир творчества*» и др.), и часто специфических названий, вербализующих предметное значение, («*Мир автокресел*», «*Мир колес*», «*Мир антенн*», «*Мир рам*» и др.). Эргонимы с лексемой «мир», развившие предметное значение, составляют примерно 61% от общего количества выявленных эргонимов, тогда как эргонимы, сохранившие абстрактное значение, составляют примерно 39%, что свидетельствует о доминировании процесса «опредмечивания» семантики эргонимов с лексемой «мир».

Следует отметить, что большая часть эргонимов Краснодарского края со словом «мир» представляет собой реализацию иллюзии «Вселенной» конкретной, узкой сферы деятельности: «*Мир светодиодов*», «*Мир подушки*» и др.; они представляют собой сочетание слова «мир» с узким видовым понятием. Обозначенная тенденция, видимо, связана со сменой ценностного вектора в сознании общества: акцент переходит с идеей общечеловеческого масштаба (Вселенная, Земля, отсутствие войны) на бытовые аспекты жизни, находящиеся в центре современного рекламного дискурса, выступающего зеркалом мировосприятия народа в определенный период.

Эргонимы Краснодарского края с лексемой «мир» и ее производными формально и функционально разнообразны: «*Мир*», «*Мир окон*», «*Мир обоев*», «*Мир пальто*», «*Мир в пальто*», «*Мир колготок*», «*Шинный мир*», «*Рыбацкий мир*», «*МирЭСО*», «*Этномир*», «*В моем мире*», «*Мировая техника*», «*TV-МИР*», «*Мир подарковFF*» и др.

Выявленные эргонимы неоднородны по своим формальным и семантическим признакам, в связи с чем они могут быть классифицированы с учетом комплексного подхода, позволяющего отразить специфику данного вида онимов наиболее полно.

С точки зрения мотивированности эргонимы являются:

1) мотивированными метафорически (59%): «*Мир кухонь*», «*Мир творчества*» и др.;

2) мотивированными ассоциативно (28%): «*Мир у моря*», «*Миротворец*» и др.;

3) условно мотивированными (13%): «*Мир*», «*Мирок*» и др.

По степени указания эргонимов на именуемый объект [Новожилова, 2005] в современном эргонимическом пространстве Краснодарского края выделяются следующие типы:

1) наименования с низкой степенью необходимости номенклатурного термина (51%);

2) наименования со средней степенью необходимости номенклатурного термина (33%);

3) названия с высокой степенью необходимости номенклатурного термина (16%).

Большая часть выявленных эргонимов Краснодарского края с лексемой «мир» относится к первой группе и конкретизирует сферу деятельности организации: «*Мир штор*», «*Мир сыров*», «*Мир бассейнов*». При этом включение лексемы «мир» в состав эргонима в данном случае подчеркивает широту выбора, формирующую у покупателя веру в то, что именно здесь он найдет все необходимое.

Мир ассоциируется с чем-то большим и «всевмещающим», что реализует связь с миром как отдельной областью чего-либо.

Среди выявленных эргонимов встречаются наименования, требующие слова-сопроводителя (эргонимы со средней степенью необходимости номенклатурного термина): «*Миротворец*», «*Мягкий мир*», «*Водный мир*» и др., а также эргонимы-слова с высокой степенью необходимости слова-сопроводителя («*Мир*», «*МИР*», «*Мирок*» и др.). Достаточно часто слабо мотивированные эргонимы со словом «мир» встречаются в названиях, построенных по схеме «прилагательное + существительное»: «*Мягкий мир*» (магазин мягкой мебели, текстиля или детских игрушек), в метафоризированных сочетаниях («*Мир на ладони*», «*Заря мира*»). Затененность сферы деятельности ряда организаций, обозначенных подобными эргонимами, объясняется Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелевым самой их природой: «эргоним является в определенной степени лишь «вывеской» для именуемого объекта, вызывая разные ассоциации с главным денотатом. Реципиент связывает эргоним с понятием, имея лишь информацию в «мысленном досье» [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 505]. Так, эргоним «*Мир у моря*» (гостиница), представляющий метафоризированный образ, вызывает приятные ассоциации, однако слабо конкретизирует сферу деятельности без номенклатурного слова, что может приводить к снижению возможности реализации прагматической установки покупателя, часто настроенного на конкретную покупку (услугу) (в данном случае – комфортабельный отдых).

По структуре эргонимы с единицей «мир» можно разделить на:

- 1) однокомпонентные (18%): «*МИР*», «*Мирок*» и др.;
- 2) двухкомпонентные (72%): «*Мир квартир*», «*Мир светодиодов*» и др.;
- 3) поликомпонентные (10%): «*Мир удивительных товаров*», «*Мир кальянной и дымной продукции*» и др.

Эргонимы Краснодарского края со словом «мир» образуются традиционными способами словообразования (18%) («*Мир*», «*Миротворец*», «*Мирный*», «*Мировой*» и др.), а также семантическим способом (82%) («*Мир окон*», «*Мир платков*», «*Мир котлов*» и др.). Эргонимы, образованные семантическим способом, построены по следующим морфологическим моделям: «существительное в именительном падеже + существительное в родительном падеже без предлога», «существительное в именительном падеже + существительное в косвенном падеже с предлогом», «прилагательное + существительное», «эргонимы-предложения».

1. Существительное в именительном падеже + существительное в родительном падеже без предлога» (58%): «*Мир посуды*», «*Мир кальянов*» и др. Эргонимы со словом «мир» подобного типа реализуют достаточно устойчивую синтаксическую модель нейминга Краснодарского края. В данной модели существительным в родительном падеже обозначена область деятельности организации, выраженная как абстрактными существительными (детство, музыка и др.), так и конкретными, обозначающими частные понятия (стулья, замки и др.). Сочетание лексемы «мир» с существительным в родительном падеже конкретизирует сферу деятельности организации, участвует в создании эргонима, не требующего номенклатурного наименования. Данные эргонимы не характеризуются особенной оригинальностью своего построения, но часто создают неожиданное звучание сочетанием «широкой» лексемы «мир» с часто очень узким видовым понятием («*Мир ресниц*», «*Мир автомасел*», «*Мир дверных фантазий*», «*Мир париков*» и др.). Большая часть данных наименований представлена двухкомпонентными единицами, часто мотивированными метафорически и слабо нуждающимися в номенклатурном термине.

2. Прилагательное + существительное» (32%): «*Автомобильный мир*», «*Цифровой мир*» и др. Предложно-падежная конструкция, а также частотное употребление прилагательного, согласованного с лексемой «мир», репрезентирует мир как контаминированное понятие, совмещающее разнообразные смыслы, однако не четко конкретизирует сферу деятельности организации, перемещая внимание с самого оригинального эргонима на номенклатурное слово. Большая часть данных эргонимов – эргонимы, мотивированные метафорически.

3. Существительное в именительном падеже + существительное в косвенном падеже с предлогом (9%): «*Мир у моря*», «*Мир на страже*» и др. Незначительно отличаясь грамматически от эргонимов первой модели, данная разновидность наименований характеризуется меньшей прозрачностью своего смыслового наполнения, большей необходимостью связи с номенклатурным понятием. Эргонимы, построенные по данной модели, чаще всего являются двухкомпонентными наименованиями, мотивированными ассоциативно.

4. Эргонимы-предложения (1%): «*Миру мир*», «*Мирумир*». Нечастотность эргонимов-предложений с лексемой «мир» объясняется их прагматической нецелесообразностью, заключающейся в смысловой нагроможденности, слабой запоминаемости, а также в сложности реализации манипулятивного потенциала лексемы «мир»

как имени одного из центральных концептов ЯКМ русского народа. Однако в современном эргонимическом пространстве возможно использование в качестве такого названия организации прецедентного текста. Об этом свидетельствует существование юридического агентства с наименованием, созвучным известному советскому лозунгу «*миру – мир*». Наделение адресатом данных эргонимов положительной или отрицательной коннотацией обусловлено рядом экстралингвистических факторов (возрастом адресата, его политическими взглядами и др.).

Таким образом, в структуре эргонима сочетание лексемы «мир» с существительным в форме родительного падежа без предлога конкретизирует сферу деятельности организации, вносит значение многообразия выбора, способствуя реализации аттрактивной и информативной функции рекламного заголовка.

Среди эргонимов Краснодарского края с лексемой «мир» встречаются наименования, образованные при помощи английских языковых единиц и отдельных иноязычных знаков. Их объем составляет 7% от общего количества эргонимов Краснодарского края с лексемой «мир». Данный процесс является результатом американизации, названной И.Н. Пономаренко и В.А. Крыжановской одной из ведущих тенденций современного российского нейминга [Пономаренко, Крыжановская, с. 178]. Процесс американизации связан с экстралингвистическим фактором, заключающимся в связи в сознании многих современных носителей языка иностранного с чем-то качественным и престижным.

Так, в современном эргонимическом пространстве Краснодарского края встречаются следующие американизированные названия: «*Mir*», «*MirESCO*», «*ЕСО-МИР*», «*IceMir*», «*Grand Mir*», «*ARTmir*», «*Miraphone*» и др. Особенное внимание следует обратить на эргонимы с графической трансформацией, связанной с включением в их структуру иностранной графемы: «*Mir Праздникoff*», а также интернет-символов: «*Mir климата. ru*». Данные примеры следует отнести к эргонимам с двойной графикой [Крыжановская, 2017, с. 178].

Орфография эргонимов играет немаловажную роль и в названиях, оформленных при помощи кириллических знаков. Л.О. Бутакова отмечает ведущую роль визуализации в процессе реализации прагматических установок рекламы [Бутакова, 2010, с. 38]. Среди выявленных и проанализированных наименований коммерческих организаций с лексемой «мир» встречаются различные формы написания данной единицы. В эргонимах-словах, состоящих из одной единицы «мир», возможно различное оформление: «*Mir*», «*МИР*»,

«*МиР*», «*Mir*». В двухкомпонентных и поликомпонентных эргонимах (в случаях, когда «мир» не является инициальным компонентом) наиболее распространены следующие варианты графического оформления «лексемы «мир»: 1) с заглавной буквы в конце эргонима: «*Семейный Мир*», «*Мясной Мир*», «*ТВ-Мир*»; 2) со строчной буквы (наиболее распространено): «*Деловой мир*», «*Массажный мир*», «*Хозяйственный мир*». С точки зрения орфографических норм, данные эргонимы можно разделить на эргонимы с графической трансформацией и без таковой. Эргонимы с графической трансформацией, реализованной в правописании лексемы «мир» с большой буквы в позиции неинициального компонента, чаще встречаются среди метафорически мотивированных эргонимов с низкой степенью необходимости номенклатурного термина.

Формальное и семантическое разнообразие эргонимов с лексемой «мир» во многом предопределено высоким статусом концептуализированной единицы «мир».

Лексема «мир» – имя одноименного концепта, а также его базовый репрезентант. В ЯКМ русского народа «мир» – базовый общекультурный концепт, отражающий взгляд народа на ключевые понятия окружающей его действительности и включающий в свое концептуально-семантическое поле безграничное число смыслов. Концептуальная сложность репрезентации понятийной и образной составляющих мира во многом обусловлена бинарностью лексемы «мир», омонимичностью ее лексикографического представления, («мир 1» – «Вселенная» / «мир 2» – «отсутствие войны»).

В сознании современного носителя русского языка ассоциативно-вербальное поле «Мир» включает большое количество реакций, значительная часть которых содержит положительную коннотацию. В результате проведения ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 260 информантов, было получено 682 реакции, среди которых 87% положительные (добро, природа, семья, гармония и др.). Ассоциативная широта концепта «мир» находит отражение в эргонимах, создающих сложный образ, реализуемый за счет сочетания лексемы «мир» с другой единицей, обозначающей конкретное или (реже) абстрактное концептуализированное понятие. Однако сочетание единицы «мир» в своем «вселенском» значении с существительным, обозначающим какой-либо узкоспециализированный предмет (услугу), создает смысловой дисбаланс, объясняющийся тем, что в приоритете у адресанта-номинатора оказывается идея широты выбора, а не благозвучность и языковая релевантность.

Анализ эргонимов Краснодарского края со словом «мир» позволил выявить, что большая часть эргонимов представлена единицами метафорическими, не требующими номенклатурного наименования. Данные эргонимы выполняют информативную и прагматическую (рекламную) функции. Большинство эргонимов с лексемой «мир», с точки зрения выполнения ими той или иной функции, можно отнести к рекламно-информативным, поскольку в данных названиях не только сообщается важная для покупателя информация о роде деятельности организации, но и подчеркивается идея многообразия выбора. На наш взгляд, эргонимы, нуждающиеся в номенклатурном понятии, слабее выполняют информативную и прагматическую функцию, что связано с затуманиванием сферы деятельности организации и возможным непониманием адресатом цели посещения ее.

При анализе функциональных и прагматических особенностей эргонимического пространства конкретной территории возможна классификация наименований с точки зрения отражения специфики коммуникативной ситуации, то есть «сочетания внешних и внутренних условий и обстоятельств, в которых происходит языковое взаимодействие» [Сафонова, Ермаковская, 2019, с. 267]. Е.Н. Сафонова и Т.А. Ермаковская относят анализируемые нами эргонимы с миром к группе указывающих на обилие товара [Сафонова, Ермаковская, 2019, с. 267]. Однако, на наш взгляд, эргонимы типа «*Мир дверей*», «*Мир кранов*» следует отнести к группе номинаций, указывающих не только на многообразие выбора, но и на область деятельности коммерческой организации, на ее особые возможности, заключающиеся в идее наличия качественного товара. К данной группе относится большая часть выявленных и проанализированных эргонимов. Таким образом, с точки зрения специфики отражения коммуникативной ситуации большая часть эргонимов с лексемой «мир» указывает на «объем услуги» и род деятельности организации, а также на высокое качество предлагаемого товара или услуги.

Анализ названий коммерческих организаций Краснодарского края позволяет сделать вывод о том, что современное эргонимическое пространство данного региона весьма разнообразно. Эргонимы с лексемой «мир» и ее производными являются активными моделями нейминга, частотным способом номинации. Среди проанализированных эргонимов лексема «мир» наиболее часто вербализуется как область чего-либо, реализуя предметное или абстрактное значение единицы. Большая часть рассматриваемых эргонимов представлена двухкомпонентными словосочетаниями. Наиболее частотной формально-структурной моделью их построения является соединение

существительного в именительном падеже с существительным в родительном падеже без предлога.

Эргонимы с лексемой «мир» характеризуются высоким манипулятивным и прагматическим потенциалом, что осуществляется благодаря особым семантическим, грамматическим и концептуальным признакам рассматриваемой нами лексемы. К выявленным факторам манипулятивной активности следует отнести следующее: 1) лексема «мир» представлена парой омонимов, репрезентирующих большое количество объемных по своей семантике ЛСВ и реализующих в ряде контекстов особую контаминированную семантику, в составе эргонимов позволяющую реализовать аттрактивную функцию рекламного текста за счет создания образа огромного, масштабного пространства; 2) «мир» имеет широкую лексическую сочетаемость, позволяющую создавать и использовать различные по формальным и семантическим признакам эргонимы; 3) «мир» – имя и базовый репрезентант общекультурного концепта «мир», занимающего одно из центральных мест в национальной ЯКМ русского народа; 4) концепт «мир» имеет объемное семантико-ассоциативное поле, включающее большое количество общезначимых и одновременно индивидуализированных компонентов; 5) лексема «мир» в ряде эргонимов имеет особенное значение, акцентирующее внимание на предельном многообразии выбора, а также на сфере деятельности организации, предлагающей качественный товар или услугу, что работает на реализацию прагматической установки горожанина (адресата) – быстрой и выгодной покупки (способствует выполнению информативной и рекламной функций).

Выявленные характеристики позволяют отнести лексему «мир» к одной из удобных для реализации основной функции рекламы – аттрактивной, а также создающей возможности для выполнения прагматической, информативной и других функций рекламного текста.

Проведенный анализ эргонимов со словом «мир» не позволяет однозначно заключить, что выявленные закономерности, актуальные для нейминга Краснодарского края, релевантны и для эргонимических пространств других регионов. В дальнейшем планируется изучение функционирования данных онимов в эргонимических пространствах других регионов, что позволит провести сравнительный анализ их специфики, определить региональные различия, а также выявить новые тенденции нейминга, связанные с использованием единиц, обозначающих концептуализированные понятия, значимые для ЯКМ жителей различных регионов, и производящих адекватный прагматический эффект.

Литература

- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Бутакова Л.О. Коммуникативная специфика рекламного дискурса компании как проявление регулятивной природы коммуникации (на примере компании «Columbia» в России) // Филология и человек. 2010. № 2.
- Вегенер Ю.С. Нейминг в системе формирования и продвижения бренда // Омский научный вестник. 2012. № 1.
- Емельянова А.М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007.
- Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. М., 2006. Т. 2.
- Земскова С.В. Лексико-семантический и словообразовательный анализ эргонимов г. Тольятти Самарской области Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 1996.
- Крыжановская В.А. Эргонимы с элементами графической трансформации: структурно-семантический и практический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2017.
- Курбанова М.Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2014.
- Новожилова Т.А. Номинация современных коммерческих предприятий (на материале русского, английского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005.
- Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. М., 2012.
- Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.
- Позднякова Е.Ю. Проблема восприятия городского пространства и его отражения в языковом сознании горожан // Филология и человек. 2014. № 2.
- Пономаренко И.Н., Крыжановская В.А. Современный эргоним: основные тенденции в нейминге // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. 2019. Т. 5 (71), № 3.
- Романова Т.П. Проблемы современной эргонимии // Вестник Самарского государственного университета. М., 2008. № 1.
- Степанов Ю.С. Константы русской культуры. М., 2004.
- Супрун В.И., Мадиева Г.Б. Система современной урбанонимической терминологии // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2.
- Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
- Сафонова Е.Н., Ермаковская Т.А. Особенности эргонимии города Сургута в начале XXI века (на материале коммерческих эргонимов // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 2.
- Шимкевич Н.В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
- Шмелева Т.В. Ономастикон российского города. Саарбрюккен, 2014.

Список источников

- 2gis.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://2gis.ru/>
 Google Maps [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.com/maps>

References

Bulygina T.V., Shmelev A.D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na material russkoy grammatike)* [Language Conceptualization of the World (on the Material of Russian Grammar)]. Moscow, 1997.

Butakova L.O. *Kommunikativnaya spetsifika reklamnogo diskursa kompanii kak proyavlenie regulativnoy prirody kommunikatsii (na primere kompanii «Colombia» v Rossii)* [Communicative Specificity of Advertising Discourse of Companies Regulating Display of Communication] *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2010. No. 2.

Vegener Y.S. *Neyming v sisteme formirovaniya i prodvizheniya brenda* [Neiming in the System of Brand Formation and Promotion]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk scientific journal]. 2012. No. 1.

Emelyanova A.M. *Ergonimy v lingvisticheskom landshafte polietnicheskogo goroda (na primere nazvaniy delovykh, kommercheskikh, kul'turnykh, sportivnykh ob'ektov g. Ufy)* [Ergonyms in the Linguistic Landscape of a Polyethnic City (by Example of Names of Business Commercial, Cultural, Sporting, Objects in Ufa)]. Cand. of Philol. Diss. Ufa, 2007.

Efremova T.F. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Modern Interpretation Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 2006. Vol. 2.

Zemskova S.V. *Leksiko-semanticheskii i slovoobrazovatel'nyy analiz ergonimov g. Tol'yatti Samarskoy oblasti Rossiyskoy Federatsii* [Lexico-Semantic and Word-Formation Analysis of Ergonyms of Tolyatti of the Samara Region of the Russian Federation]. Cand. of Philol. Diss. Samara, 1996.

Kryzhanovskaya V.A. *Ergonimy s elementami graficheskoy transformatsii: strukturno-semanticheskii i prakticheskii aspekty* [Ergonyms with the Elements of Graphic Transformation: Structural-Semantic and Pragmatic Aspects]. Cand. of Philol. Diss. Krasnodar, 2017.

Kurbanova M.G. *Ergonimy sovremennogo russkogo yazyka: semantika i pragmatika* [Ergonyms of the Modern Russian Language: Semantics, Pragmatics]. Cand. of Philol. Diss. Astrakhan', 2014.

Novozhilova T.A. *Nominatsiya sovremennykh kommercheskikh predpriyatiy (na materiale russkogo, angliyskogo i nemetskogo yazykov)* [Nomination of Modern Commercial Enterprises (on the Material of Russian, English and German Languages)]. Cand. of Philol. Diss. Rostov-on-Don, 2005.

Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: okolo 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Interpretation Dictionary of the Russian Language: about 100,000 Words, Terms and Phraseological Expressions]. Moscow, 2012.

Podol'skaya N.V. *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, 1988.

Pozdnyakova E.Yu. *Problema vospriyatiya gorodskogo prostranstva i ego otrazheniya v yazykovom soznanii gorozhan* [The Problem of Perception of Urban Space and its Reflection in the Linguistic Consciousness of Citizens]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2014. No. 2.

Ponomarenko I.N., Kryzhanovskaya V.A. *Sovremennyy ergonim: osnovnye tendentsii v neyminge* [Actual Ergonym: the Main Trends in Naming]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo* [Scientists Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky]. 2019. Vol. 5 (71). No. 3.

Romanova T.P. *Problemy sovremennoy ergonimii* [Problems of modern ergonyms]. *Vestnik Samarskogo gosuniversiteta* [Bulletin of Samara State University]. Moscow, 2008.

Stepanov Yu.S. *Konstanty russkoy kul'tury* [Constans of Russian Culture]. Moscow, 2004.

Suprun V.I., Madieva G.B. *Sistema sovremennoy urbanonimicheskoy terminologii* [System of Modern Urbanonymic Terminology]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics]. 2017. Vol.14. No 2.

Superanskaya A.V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General Theory of Proper Name]. Moscow, 1973.

Safonova E.N., Ermakovskaya T.A. *Osobennosti ergonimii goroda Surguta v nachale XXI veka (na materiale kommercheskikh ergonimov)* [Peculiarities of Ergony of the City of Surgut at the Beginning of the XXI Century (on the Material of Commercial Ergonyms)]. *Vestnik ugrovedeniya* [The Journal of Acne]. 2019. Vol. 9. No. 2.

Shimkevich N.V. *Russkaya kommercheskaya ergonimiya: pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian Commercial Ergonymy: Pragmatic and Linguo-Cultural Aspects]. Cand. of Philol. Diss. Ekaterinburg, 2002.

Shmeleva T.V. *Onomastikon rossiyskogo goroda* [Onomasticon of the Russian City.]. Saarbryukken, 2014.

List of sources

2gis.ru URL: <https://2gis.ru/>

Google Maps URL: <https://www.google.com/maps>

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО (ИЗ ОПЫТА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ)

С.В. Беликов, И.Ю. Качесова

Ключевые слова: коммуникация, обучение, русский язык как иностранный.

Keywords: communication, training, Russian as a foreign language.

DOI 10.14258/filichel(2020)4-05

Введение

В последнее время в кругу дисциплин, связанных с проблемами преподавания русского языка как иностранного / русского языка как неродного, сформировался коммуникативно-компетентностный подход к изучению языковых аспектов межкультурного взаимодействия. Выделился ряд условий, которые формируют новое понимание сущности преподавания русского языка как иностранного.

Во-первых, наметилась тенденция включения вопросов преподавания русского языка как иностранного в круг проблем, связанных с дискурсивной парадигмой. Традиционно проблемы методики преподавания русского языка как иностранного и неродного описывались в соответствии с узкоспециальными методическими задачами. И центром такого рода описания были грамматические принципы. Речь шла о формировании именно языковой картины мира в ее непротиворечивом грамматическом описании. Но уже во второй половине XX века произошел сдвиг грамматического способа изучения иностранного и неродного языка в сторону коммуникативной обусловленности функционирования языковых и речевых знаков. Язык стал рассматриваться с точки зрения его использования в различных социально-речевых ситуациях (см., например, [Качесова, 2018]). Соответственно, сформировались дискурсивные способы описания методики преподавания РКИ, в которых акцент делался на деятельностную природу речевой коммуникации. Грамматика стала признаваться одним из уровней освоения чужого языка, на грамматические принципы накладывается признание следующего факта: человек использует язык для выражения некоторой идеи. Главным становится не форма, которая выбирается для выражения мысли, а содержание, которое формируется этой формой. Уже на уровне

элементарного освоения языка перед студентами ставится следующая коммуникативно-дидактическая задача: не бойтесь говорить, даже если вы пока допускаете грамматические ошибки; носители языка поймут, о чем идет речь, так как обладают целостной языковой картиной мира. Дискурсивный аспект преподавания РКИ появился в качестве реакции на концепцию языка как среды существования человека (см., например работы Л.К. Байрамовой [Байрамова, 2004], Н.Н. Белозеровой и Л.Е. Чуфистовой [Белозерова, Чуфистова, 2004], Г.К. Борозенец [Борозенец, 2003], Б.М. Гаспарова [Гаспаров, 1996], Ст. Пинкера [Пинкер, 2009] и др.).

Во-вторых, в методологический инструментарий парадигмы изучения русского языка как иностранного включаются понятия и механизмы риторической парадигмы. Современный специалист формируется в новых социально-экономических условиях: принципы эффективной коммуникации, разработанные в риторической парадигме (воздействие, целесообразность, гармонизация), определяют коммуникативно-речевые компетенции в качестве базы построения речевой деятельности. В частности, А.К. Михальская говорит о роли контекста дискурса в описании интерпретации высказывания [Михальская, 1996, с. 329]. Новые социально-экономические условия (такие как глобализация экономических процессов, интегрированность коммуникативной парадигмы конкретного этноса в широкий мировой коммуникативный контекст, взаимопроникновение и взаимовлияние различных коммуникативных культур и т.п.) предъявляют к студентам и выпускникам разных факультетов достаточно высокие коммуникативно-речевые требования. Принцип риторичности в теории РКИ наполняется новым содержанием: в основу методики преподавания русского языка как иностранного кладутся принципы, которые связаны с умением адекватно передать именно содержание речевого высказывания. При этом к собственно вербальному коду добавляется код невербальный, функцией которого становится замещение вербальных знаков на начальном уровне освоения чужого языка.

На совпадении этих условий формируется идея коммуникативности в качестве базовой идеи понимания принципов и способов преподавания языка как иностранного. В свою очередь, коммуникативность в данной работе будет рассматриваться с позиции формирования коммуникативно-речевой компетентности студента-иностранца. Коммуникативная компетентность – это понятие, которое связано с формированием профессиональной базы успешности человека. Студенты-иностранцы (будущие специалисты) будут работать в новых социальных условиях, поэтому они должны не только освоить сугубо

профессиональные знания, не только выучить грамматику чужого языка, но также освоить типы социального речевого поведения на этом языке. Поэтому происходит изменение характера целевой установки: на первый план выходит овладение знаниями и умениями эффективного коммуникативно-речевого взаимодействия с целью формирования успешной коммуникативно-речевой личности, способной к продуктивному общению (как устному, так и письменному) в любых профессиональных и социально значимых ситуациях. Коммуникативная компетентность позволяет субъекту коммуникации (студенту-иностранцу) осознанно достигать желаемых результатов в общении с людьми, избегая при этом нежелательных эффектов. Коммуникативная компетентность проявляется как в типовых, так и в нестандартных ситуациях общения. Она достигается на основе синтеза врожденных риторических задатков человека с приобретенными навыками социального и ситуативно-ролевого (дискурсивного) поведения.

Соответственно, коммуникативно-речевая компетентность в аспекте РКИ является главным понятием, которое определяет высокий уровень владения иностранным языком.

Объектом исследования в работе является процесс формирования коммуникативно-речевой компетентности в процессе обучения русскому языку как иностранному в китайской аудитории, предмет исследования – формирование навыков устной речи у китайских студентов.

Цель исследования – установить коммуникативно-обусловленные технологии обучения РКИ, связанные с особенностями национальной культуры и способствующие формированию устойчивых практических навыков говорения как одного из видов речевой деятельности на иностранном языке. Практические навыки говорения формируются в привязке к дискурсивным формам использования языковых средств.

Гипотезой исследования является предположение, что коммуникативно-речевая компетентность у студентов-китайцев формируется с учетом национальных особенностей их культуры. Включение и учет этнокомпонента в модуль «Говорение» усиливает мотивацию студентов к изучению русского языка, повышает эффективность и, в конечном итоге, способствует формированию навыков полноценной межкультурной коммуникации (см., например [Беликов, 2018, с. 130-144]).

Результатом исследования стало описание этнокомпонента в формировании коммуникативной компетентности. Практический материал, положенный в основу статьи, использовался на занятиях по дисциплине «Устная речь» со студентами 1-4 курсов факультета

русского языка Хэйлунцзянского института иностранных языков (г. Харбин). Практическим итогом исследования стало создание учебно-методического комплекса дисциплины «Устная речь» и формирование банка практических заданий для изучения модуля «Говорение».

Формирование коммуникативно-речевой компетентности с учетом этнокомпонента

Коммуникативная компетентность включает в свою структуру следующие компоненты: языковую компетенцию (владение языковым материалом для его использования в виде речевых высказываний); социолингвистическую компетенцию (использование языковых единиц в соответствии с ситуациями общения); дискурсивную компетенцию (способность понимать и достигать связности в восприятии и порождении отдельных высказываний в рамках коммуникативно-значимых речевых образований); так называемую «стратегическую» компетенцию (знакомство с социокультурным контекстом функционирования языка); социальную компетенцию (готовность к общению с другими). Так, например, С.А. Хавронина и Т.М. Балыхина пишут: «Владение иноязычной речью составляет основу коммуникативной компетенции, под которой понимается умение решать жизненно важные экстралингвистические задачи средствами иностранного языка. Коммуникативная компетенция опирается на речевую компетенцию – способность понимать и продуцировать устные и письменные высказывания на уровне предложения, сверхфразового единства, текста. Речевая компетенция, в свою очередь, базируется на владении необходимым минимумом лексических и грамматических средств, то есть на языковой компетенции» [Хавронина, Балыхина, 2008. с. 4].

При соединении в единый фокус исследования дискурсивного и риторического аспектов становится актуальной проблема активности личности в образовательной практике. Т.М. Балыхина и А.А. Денисова выделяют три уровня активности: активность воспроизведения по образцу; активность интерпретации – стремление применить знания в измененных условиях; творческая активность, предполагающая самостоятельный поиск решения проблем [Балыхина, Денисова, 2007]. При этом отправной точкой, которая активизирует обучение, становится этноориентированность. Так, например, А.К. Новикова говорит об учете «трех основных факторов: этнопсихологического (обусловленного ментальными особенностями национальной культуры), поведенческого (обусловленного национально-культурной спецификой коммуникативного поведения) и собственно лингвистического (обусловленного национально-культурным языковым содержанием)» [Новикова, 2014, с. 204–206].

Можно выделить следующие этнокультурные и этнопсихологические характеристики китайских студентов. Прежде всего, и российские, и китайские исследователи констатируют влияние конфуцианской идеологии на формирование китайского национального характера. В условиях реальной жизни конфуцианство ориентировало сознание людей на довольство малым. Конфуцианские традиции в китайской культуре обуславливают такие ментальные черты личности, как неприхотливость, умеренность, сдержанность, скромность, терпение, бесконфликтность, неагрессивность, приспособляемость – целый комплекс взаимосвязанных качеств китайского этноса. Китайцы мотивированы на преодоление трудностей, настойчивы в достижении своей цели.

Во-вторых, китайцам свойственно целостное видение мира. Главным источником понимания специфики мировидения китайцев является их иероглифическое письмо, которое заложило основы особой символической направленности китайского мышления. Обусловленное иероглификой символическое восприятие обеспечивает моментальный, единый охват того, что человек увидел, почувствовал, пережил и подумал.

В-третьих, овладение иероглифической письменностью способствовало развитию у представителей данного этнотипа «зрительной модальности на основе моторики» [Бобрышева, 2004, с. 157]. У китайцев выработался специфический тип памяти, двигательно-зрительный. Поэтому китайские студенты предпочитают письменные формы учебной деятельности, а не устные. Они запоминают слова, диалоги, тексты не со слуха, а после того как несколько раз их пропишут. Студенты привыкли к формам письменного контроля. Поскольку китайские студенты любят много писать, то преподаватели могут использовать это качество.

С этой же этнохарактеристикой связана следующая особенность: учебная деятельность китайских студентов в большей степени опирается на механическую память, чем на осмысление материала. Метод заучивания текста учебника наизусть сохранился как основной не только в средней, но и в высшей китайской школе. Поэтому навыки реферирования текста даются студентам с большим трудом. Например, наблюдая в ходе эксперимента за своими соотечественниками, Ло Сяоя выявила, что, отвечая на вопросы по тексту, китайские студенты предпочитают обращаться к имеющимся у них на руках материалам, а самой сложной и трудной задачей для них является рассказ или пересказ своими словами [Ло Сяоя, 2015, с. 18-22]. Анализируя с китайскими студентами новый текст, необходимо уделять большое внимание

словарной работе. Китайцы при переводе буквально каждое слово смотрят в словаре, а русский преподаватель-носитель языка стремится научить студентов пониманию новой лексики, основываясь на ситуативном объяснении, пытается, исходя из контекста, развить у китайских студентов языковую догадку. В таких условиях можно рекомендовать домашнее задание давать с опережением – для самостоятельного изучения материала занятия и подготовки к уроку.

Таким образом, соединение дискурсивного и риторического аспектов в работе с китайскими студентами позволяет избежать важной методической ошибки, которую часто допускают преподаватели-носители русского языка: в основе российской методики преподавания РКИ лежит прямой метод обучения, наглядность. Для китайцев же очень важен компонент визуализации, образности, причем темп ввода нового грамматического материала должен быть невелик (либо необходимо использовать работу на опережение, чтобы студенты могли освоить необходимый теоретический материал заранее). Поэтому при обучении китайцев грамматическим моделям устной русской речи нужно использовать метод визуализации или проводить параллели с родным языком. Также с опорой на текст (в качестве зрительной наглядности) можно строить на начальном этапе занятия по аудированию. Мы постарались учесть этноспецифику китайского обучения в разработке курса «Устная речь».

В результате освоения курса «Устная речь» китайские студенты должны демонстрировать следующее: 1) знание материала программы в соответствии с семестром обучения; 2) владение навыками логически верного построения высказывания в соответствии с учебными (стандартными) ситуациями; 3) умение фонетически и грамматически правильно реализовать это высказывание; 4) быстрота реакции; 5) коммуникация в нестандартной ситуации; 6) адекватная замена языковых средств и вариативность в их выборе; 7) соответствие стилю высказывания.

Как показал наш опыт преподавания, у китайских студентов есть две проблемы в изучении русского языка. Во-первых, наибольшую сложность вызывает фонетическая реализация высказывания. Это связано с различием в фонетическом аппарате и способами произнесения звуков в китайском и русском языках. Во-вторых, большие проблемы возникают и при необходимости вариативного выбора лексемы или языковой модели. Это объясняется отсутствием навыка вариативного выбора в китайской системе обучения. Остановимся подробнее на этих проблемах и покажем, каким образом мы преодолевали данные трудности в собственной работе.

Фонетические трудности в преподавании русского языка китайским студентам

На занятиях курса «Устная речь», естественно, ведется отработка произношения. Постановке правильного произношения может способствовать сопоставление фонетических систем русского и китайского языков. В китайском языке привычная система – это «слог – слово – иероглиф», а студенту, изучающему РКИ, необходимо ее сопоставить с непривычной для китайского фонетического мышления русской системой «звук – буква – слог – слово».

В процессе вводно-фонетического курса основного русского языка (8 недель), который, как правило, ведет китайский преподаватель, в студенческой аудитории оправдывает себя слоговой принцип подачи материала по произношению звуков. В первой части учебного комплекса «Восток» имеется таблица слогов русского языка со всеми согласными и гласными (*ба-бо-бу-бы-бэ / бе-бё-би-бю-бя; па-по-пу-пы-пэ / пе-пё-пи-пю-пя; ра-ро-ру-ры-рэ / ре-рё-ри-рю-ря; ла-ло-лу-лы-лэ / ле-лё-ли-лю-ля; ча-чо-чу / че-чё-чи; ша-шо-шу / ше-шё-ши*, и т.д.). По этой таблице легко проверить, **как** китайский студент произносит русские звуки, **что** вызывает у него затруднения, и наметить систему работы над индивидуальными ошибками, потому что типичные ошибки китайских студентов можно предугадать.

Например, на начальном этапе обучения русскому языку китайским студентам невозможно себе представить фонетическую оппозицию *согласных по глухости / звонкости и по твердости / мягкости*, так как такие категории просто отсутствует в фонологической системе китайского языка.

Чтобы предупредить распространенные ошибки, нужно подобрать слова, в которых глухие и звонкие согласные звуки выполняют смысловозначительную функцию: *дом – том, день – тень, Дон – тон, доска – тоска, баба – папа, дядя – тетя, пруды – прутья, за лугом – за лугом*. Далее подбираем пары слов с твердыми и мягкими согласными: *угол – уголь, мел – мель, рад – ряд*. В русском языке бывает также смысловозначительное ударение: *замок – замок, мука – мука*, дома (мн.ч. сущ.) – дома (нареч.), дорогой (прил.) – дорогой (тв.п. сущ.).

Кроме того, в китайском языке можно наблюдать смешение звуков [р] и [л], [р] и [ж]. Это объясняется тем, что положение органов речи при произношении этих звуков сходно, различие – в наличии или отсутствии «дрожания» кончика языка. Для упражнений в произношении следует давать слова, где трудные звуки находятся в разных позициях: *бар – балл, брал – брала, красный – классный, лук – рука, лечь рано – речь лектора, люблю – говорю, рыжий – лыжи*.

Много работы у преподавателя русского языка связано с неразличением китайскими студентами звуков [ц] и [ч], они подменяют их общим сочетанием [тс], а также смешивают звуки [с] и [ш]. Чтобы овладеть правильной артикуляцией этих звуков, китайские студенты могут «призвать на помощь» так называемые «чистоговорки»: *Чужча в чуме чинит чуни; Цапля цапнула цыпленка; Сишили каракатице кружевное платьице. Ходит каракатица, радуется платьицу; Шла Саша по шоссе и сосала сушку*. Их нужно произносить сначала медленно, практически по слогам, затем в среднем темпе, потом быстро.

При работе с магистрантами мы предлагаем корректировочный курс фонетики, для каждого индивидуальный. Магистранты записывают себя на диктофон, и носитель русского языка определяет ошибки в произношении по звучащей речи. Однако есть не только индивидуальные, но и типичные ошибки. Так, у китайцев затруднение вызывает слово *Россия*, в котором они вместо слога с мягкой согласной [с'и] произносят слог с твердой согласной [сы]. Приходится разъяснять различия в артикуляции этих звуков и проводить тренировочные упражнения, закрепляя правильное произношение. Это объясняется отсутствием мягких согласных в китайском языке, что приводит к неправильному произношению слов: [кы]но вместо [к'и]но, [гымн] вместо [г'имн], [хы]мия вместо [х'и]мия и др. Только систематическая работа преподавателя-носителя языка способствует исправлению акцентологических ошибок и приобретению устойчивых произносительных навыков.

Таким образом, в обучении фонетике и на начальном, и на продвинутом этапах преподавателю-носителю русского языка трудно обойтись без национально-ориентированного подхода в подаче материала, то есть без учета структурных особенностей родного языка учащихся.

В основе обучения русской интонации лежит теория Е.А. Брызгуновой [Брызгунова, 1981]. Китайские студенты любят петь и поэтому хорошо улавливают особенности интонации, да и сам китайский язык – тоновый и музыкальный.

И на начальном этапе, и на продвинутом особое внимание уделяем ИК-3. В вопросительном предложении без вопросительного слова интонационным центром может быть любое слово предложения, в зависимости от ситуации. Например, мы спрашиваем: *Ты пойдешь в воскресенье в бассейн с Сашей?* Ответами могут быть следующие варианты:

- 1) *Нет, я не пойду (пойдет кто-то другой).*
- 2) *Нет, я не **пойду** – далеко, нужно ехать на метро или автобусе.*

- 3) Нет, мы пойдём в бассейн **в пятницу**.
- 4) Нет, с Сашей мы в воскресенье пойдём **в театр**, а не в бассейн.
- 5) Да, я пойдю.
- 6) Да, я пойдю в воскресенье в бассейн, но не с Сашей.

Для преподавателя при обучении ИК-3 важно акцентировать повышение тона в интонационном центре, которым служит всего один слог ключевого слова вопроса. Заметим, что в китайской аудитории вопрос без вопросительного слова может восприниматься как утверждение с ИК-1, как простая информация; поэтому нужно отрабатывать навык ИК-3, задавая вопрос и получая на него все возможные варианты ответов, тем более что таким образом можно легко организовать диалог.

Формирование произносительных навыков говорения должно учитывать этнопсихологические и этнокультурные особенности учащихся.

Адекватная замена языковых средств и вариативность: трудности выбора в реализации речевой интенции

Речевая интенция – это намерение говорящего выразить определенный коммуникативно значимый смысл с помощью необходимых речевых средств. От того, как студент понимает намерение, зависит выбор лексико-грамматических средств и интонации. Здесь должны выполняться следующие условия формирования речевых навыков: осмысленная имитация в процессе общения (особенно это касается интонации); использование действий по аналогии; различные ситуации общения. Е.Н. Зарецкая пишет: «Проблема культуры речевого поведения лежит в сфере, охватывающей ответы на следующие четыре вопроса: 1. *Для чего мы говорим?* 2. *Что мы хотим сказать?* 3. *Какими средствами мы это делаем?* 4. *Какова реакция на нашу речь?*» [Зарецкая, 2002, с. 3]. Как нам представляется, очень важно сформировать у студентов-иностранцев понимание, что речевая интенция может быть выражена разнообразными способами. Всегда есть варианты выбора языковых средств. А эффективность речевой коммуникации зависит от понимания адекватности выбранного языкового средства именно для данной ситуации. Так, например, студенты, изучая тему «Биография», учатся понимать уместность / неуместность использования разных языковых форм в разных ситуациях общения. Важность этой темы на всех этапах изучения РКИ нельзя недооценивать: сведения о себе пригодятся в любых жизненных ситуациях.

Например, урок начинается с произнесения вслух речевых образцов, на которых отрабатываются фонетические, лексические и грамматические навыки.

1) *Разрешите представиться!*

2) *Как вас зовут?*

3) *Когда и где вы родились?*

4) *Я родился /родилась в Москве в 1983-ом году.*

5) *Я из города Харбина.*

6) *Когда вы окончили школу? В 2000 году?*

7) *Кто вы по профессии?*

8) *Я работаю преподавателем, преподаю русский язык в университете.*

9) *Моя специальность – русская литература XIX века.*

10) *Я женат три года. (Я замужем.) У меня двое детей.*

Далее приводятся варианты использования речевых образцов:

1) *Разрешите представиться! / Здравствуйте, я ваш преподаватель. / Добрый день, я новый студент. / Привет. Будем работать вместе...*

2) *Как вас зовут? / Как ваше имя? / Простите, вы не назвали себя / Разрешите узнать ваше имя...*

3) *Когда и где вы родились? / Вы ведь из Барнаула? / Я угадал, вы из Москвы?...*

Студентам объясняется, что разные речевые формы используются в разных дискурсивных обстоятельствах. Несоблюдение дискурсивного признака приведет к серьезной риторической ошибке (речевая интенция может быть неверно истолкована, и человек, например, откажется от продолжения диалога).

Мы предлагаем некоторые варианты заданий, которые можно использовать для формирования адекватного и вариативного способа выражения речевой интенции.

Задание 1. Прочитайте образец диалога. Определите, что хотят сказать участники диалога. Придумайте варианты ситуаций (например, ситуация встречи будущих коллег; ситуация знакомства в самолете; ситуация знакомства с девушкой на улице и т.д.). Подберите варианты языковых средств, которые могут быть использованы в этих ситуациях. Проиграйте диалоги в парах:

– *Когда и где вы родились?*

– *Я родилась в городе Хэйхэ провинции Хэйлуцзян в ноябре 1983 года.*

– *Когда вы окончили школу? В 2000 году?*

- Да, В 2000 году.
- А сейчас вы работаете или учитесь?
- Я работаю, преподаю русский язык в университете.
- Хорошая профессия! А какая у вас специальность?
- Моя специальность – русская литература XIX века.
- Поняла. А вы замужем?
- Нет, еще не замужем. А вы?
- Я уже давно замужем. Мой муж врач. Есть двое детей.
- У вас есть братья и сестры?
- Есть старшая сестра и младший брат.
- У вас большая семья?

– Да, конечно. Наша семья состоит из семи человек. Дедушка, бабушка, папа, мама, старшая сестра, младший брат и я.

Задание 2. Самостоятельно дополните диалог необходимыми репликами, используя материал из задания 1. Сравните ваши варианты выбора языковых средств с вариантами, которые используют другие студенты. Выберите из вариантов, предложенных другими студентами, наиболее удачные, на ваш взгляд. Запишите и запомните их.

1) – Как ваше имя?

– .....

– Сколько вам лет?

– .....

2) – Вы учитесь или работаете?

– .....

– В каком университете вы учитесь?

– .....

3) – Давайте познакомимся! Я ваш новый преподаватель. Меня зовут Екатерина Ивановна.

– .....

– Откуда вы приехали?

– .....

4) – Когда и где вы родились? В какой семье выросли?

– .....

– Вы единственный ребенок в семье? У вас есть братья и сестры?

– .....

5) – Ваши бабушка и дедушка еще работают? Сколько им лет?

– .....

– Они пенсионеры?

– .....

– Вы их любите? Почему?

Задание 3. Прочитайте диалог знакомства с русской девушкой в поезде. Отметьте, какие языковые средства использованы в этом диалоге. Предложите свой вариант знакомства.

– *Здравствуйте! Разрешите представиться! Меня зовут Лю Ян. А как вас зовут?*

– *Меня зовут Анна. Очень приятно с вами познакомиться.*

– *Откуда вы приехали?*

– *Я из Благовещенска. А вы откуда?*

– *Я из Хэйхе. А где вы учитесь? На каком курсе?*

– *Я учусь в педагогическом университете на третьем курсе.*

– *А что вы изучаете?*

– *Я изучаю китайский язык и уже выбрала этот язык своей специальностью. Ведь с детства меня интересует Китай, его язык и культура. Я очень завидую тем, кто хорошо говорит по-китайски и свободно общается с китайцами.*

Задание 4. Дополните диалогами следующие ситуации.

1) *Вы хотите устроиться в туристическую фирму. Побеседуйте, пожалуйста, с работниками отдела кадров фирмы, в которой вы желаете работать.*

2) *На улице вы случайно встречаетесь со своим знакомым, с которым вы уже не виделись 20 лет. Расскажите, пожалуйста, ему о себе.*

3) *Вы хотите записаться в библиотеку и оформить читательский билет. Представьтесь, пожалуйста.*

4) *Приемная комиссия университета проводит собеседование и просит вас рассказать свою биографию до поступления в вуз. Расскажите о себе.*

Когда студент освоит речевые образцы и научится вариативно использовать языковые средства, то можно включать в устную речь студента дополнительные материалы. К ним студент, конечно, может обращаться на всех этапах обучения, но эффективней всего этот материал использовать при создании монологического рассказа о самом себе.

<p>Детство</p>	<p>Родиться жить, ходить в школу, учиться учить предметы (математику, физику, химию, историю, русский и английский язык) окончить школу</p>
<p>Учеба в университете</p>	<p>поступить в университет ваша специальность</p>

	<p>вступить в научное студенческое общество сдать экзамены защитить диплом окончить университет получить специальность (преподавателя, врача инженера, юриста)</p>
Работа	<p>По профессии я – преподаватель (юрист, врач). Моя специальность – электроника (физика, химия, филология). Я специализируюсь в области вычислительных систем (компьютерной безопасности, иностранных языков, педагогики и психологии). поступить на работу работать (<i>кем и где?</i>) рабочим на заводе солдат, инженер, секретарь, служащий, крестьянин, учитель</p>
Семейное положение	<p>жениться, женат (<i>на ком?</i>) (на красивой девушке Кате, на старшей сестре друга); выйти замуж (<i>за кого?</i>) (за врача, за милиционера); замужем (<i>за кем?</i>) (за врачом, за милиционером); родить (<i>кого?</i>) (сына, дочь); родиться (<i>у кого?</i>) (у моей жены); сын (<i>какого возраста?</i>) (10 лет); назвать (<i>кого кем?</i>) (сына Виктором, дочь Викторией); не женат, не замужем</p>
Родственники и родные	<p>дедушка, бабушка, отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, внук, внучка, дядя, тетя, племянник, племянница</p>
Взаимоотноше ния в семье	<p>жить дружно, хорошо, плохо, душа в душу помогать друг другу, любить друг друга, заботиться друг о друге</p>

Итак, в китайской аудитории при реализации речевой интенции должны выполняться следующие условия формирования речевых навыков: осмысленная имитация в процессе общения интонационных, грамматических и т.д. моделей; использование действий по аналогии; формирование вариативности и адекватности выбора языковых средств в зависимости от различных ситуаций общения.

Заключение

Современное высшее образование особую роль отводит формированию коммуникативно-социальных навыков будущих специалистов. Преподавание русского языка как иностранного не стало исключением. На занятиях по изучению русского языка должно уделяться особое внимание формированию коммуникативно-речевой компетентности. Коммуникативные навыки обязательно должны соседствовать с наработкой грамматической базы. Как показывает собственный опыт преподавания, в китайской аудитории коммуникативность должна доминировать над грамматикой. Этого требует особенность китайской культуры и ментальности. Простое зазубривание грамматики не приводит китайских студентов к освоению русского языка. Только погружение грамматики (даже на элементарном уровне изучения языка) в коммуникативную стихию дает результат. У студентов-китайцев грамматические практики должны обязательно соединяться с риторическими и дискурсивными практиками.

Одна из учебных целей предмета «Говорение» – организация постоянного контроля над формированием речевых навыков студентов в предлагаемых дискурсивных обстоятельствах. Задания, помогающие овладеть разными формами устной речи (диалог, полилог, монолог), относятся к процессу порождения текста и связаны с дискурсивными и риторическими характеристиками ситуации порождения.

При формировании коммуникативных навыков у китайских студентов почти все время должно отводиться упражнениям, которые соответствуют говорению, а не проговариванию (как это привычно для китайской модели образования), так как цель обучения устной речи – научить свободно (то есть адекватно и вариативно) говорить на иностранном языке. Создать содержание высказывания – значит определить, что, кому, с какой целью, каким образом, при каких обстоятельствах и в какой форме надо сообщить.

В курсе «Говорение» традиционно много ситуативных заданий на составление диалогов. Но в китайской студенческой аудитории особое внимание надо обратить на задания, обучающие студентов навыкам полилога. Эти задания направлены на выработку коллективной программы коммуникации, коллективного мышления.

Большое значение имеют задания, способствующие отработке навыков разных форм речевой коммуникации. Работа студентов и магистрантов над монологами и диалогами – итог их обучения в семестре. Этому предшествует большая черновая работа на уроках по развитию речи, индивидуальные консультации по фонетике

(произношение, правильное интонирование), редактирование лексики (выбор синонимов) и стиля, неоднократное проговаривание текста перед слушателями. Монологи – это поистине «изобретение речи», а диалоги формируют базу успешной социализации.

Нужно помнить, что цель обучения РКИ – будущая коммуникация, общение носителей разных языков и культур. Такое общение невозможно как без достаточной лингвистической базы, так и без коммуникативных навыков во всех видах речевой деятельности.

Литература

- Байрамова Л.К. Введение в контрастивную лингвистику. Казань, 2004.
- Балыхина Т.М., Денисова А.А. Проблема активности личности в обучении // Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bsmu.by/downloads/kafedri/k_rus_bel/nauka/s3.pdf.
- Беликов С.В. Социологическое исследование среди студентов ХИИЯ «Развитие академической мобильности студентов российских и китайских вузов в образовательном пространстве университетов ШОС» // Исследование проблем молодежи в аспекте строительства структуры внешнего диалога на основе инициативы «Один пояс – один путь». Харбин, 2018.
- Белозерова Н.Н., Чуфистова Л.Е. Когнитивные модели дискурса. Тюмень, 2004.
- Бобрышева И.Е. Культурно-типологические стили учебно-познавательной деятельности иностранных учащихся в методике обучения русскому языку как иностранному: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2004.
- Борозенец Г.К. Формирование иноязычной коммуникативной компетентности будущих специалистов: интегративный подход. Тольятти, 2003.
- Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. М., 1981.
- Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М, 1996.
- Зарецкая, Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. М, 2002.
- Качесова И.Ю. Дискурсивные практики В. Шукшина: к вопросу о принципах моделирования вторичного текста // Филология и человек. 2018. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://journal.asu.ru/pm/article/view/4695>.
- Ло Сюся. Методика обучения русскому языку в Китае (история и перспективы) // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2015. № 2 (8).
- Михальская А.К. Основы риторики. Мысль и слово. М., 1996.
- Новикова А.К. Об учете принципов этноориентированного обучения в системе занятий по РКИ (на примере китайской аудитории) // Русский язык в современном Китае. Чита, 2014.
- Пинкер С. Язык как инстинкт. М, 2009.
- Хавронина С.А., Балыхина Т.М. Инновационный учебно-методический комплекс «Русский язык как иностранный». М., 2008.

References

- Bayramova L.K. *Vvedenie v kontrastivnyuyu lingvistiku* [Introduction to Contrasting Linguistics]. Kazan', 2004.

Balykhina T.M., Denisova A.A. *Problema aktivnosti lichnosti v obuchenii* [The Problem of Personality Activity in Learning]. *Tekhnologii obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu i diagnostika rechevogo razvitiya* [Technologies for Teaching Russian as a Foreign Language and Diagnostics of Speech Development]. URL: https://www.bsmu.by/downloads/kafedri/k_rus_bel/nauka/s3.pdf

Belikov S.V. *Sotsiologicheskoe issledovanie sredi studentov KhIYA «Razvitie akademicheskoy mobil'nosti studentov rossiyskikh i kitayskikh vuzov v obrazovatel'nom prostranstve universitetov ShOS»* [A Sociological Study among Students of the KhIYA «Development of Academic Mobility of Students of Russian and Chinese Universities in the Educational Space of SCO Universities»]. *Issledovanie problem molodezhi v aspekte stroitel'stva struktury vneshnego dialoga na osnove initsiativy «Odin po yas – odin put'»* [The Study of Youth Problems in the Aspect of Building an External Dialogue Structure Based on the Initiative «One Belt – One Way»]. Kharbin, 2018.

Belozerova N.N., Chufistova L.E. *Kognitivnye modeli diskursa* [Cognitive Discourse Models]. Tyumen', 2004.

Bobrysheva I.E. *Kul'turno-tipologicheskie stili uchebno-poznavatel'noy deyatel'nosti inostrannykh uchashchikhsya v metodike obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu* [Cultural and Typological Styles of Educational and Cognitive Activities of Foreign Students in the Methodology of Teaching Russian as a Foreign Language]. Doc. of Ped. Diss. Moscow, 2004.

Borozenets G.K. *Formirovanie inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentnosti budushchikh spetsialistov: integrativnyy podkhod* [Formation of Foreign Language Communicative Competence of Future Specialists: an Integrative Approach]. Tol'yatti, 2003.

Bryzgunova E.A. *Zvuki i intonatsiya russkoy rechi* [Sounds and Intonation of Russian Speech]. Moscow, 1981.

Gasparov B.M. *Yazyk. Pamyat' Obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Linguistics. Memory Image. Linguistics of Linguistic Existence]. Moscow, 1996.

Zaretskaya E.N. *Ritorika: Teoriya i praktika rechevoy kommunikatsii* [Rhetoric: Theory and Practice of Speech Communication]. Moscow, 2002.

Kachesova I.Yu. *Diskursivnye praktiki V. Shukshina: k voprosu o printsipakh modelirovaniya vtorichnogo teksta* [Discursive Practices of V. Shukshin: on the Issue of Principles of Modeling a Secondary Text]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2018. No. 4. URL: <http://journal.asu.ru/pm/article/view/4695>.

Lo Syaosya. *Metodika obucheniya russkomu yazyku v Kitae (istoriya i perspektivy)* [Methods of Teaching the Russian Language in China (history and prospects)]. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie. Pedagogical Review* [Scientific and Pedagogical Review]. 2015. No. 2 (8).

Mikhail'skaya A.K. *Osnovy ritoriki. Mysl' i slovo* [The Basics of Rhetoric. Thought and Word]. Moscow, 1996.

Novikova A.K. *Ob uchete printsipov etnoorientirovannogo obucheniya v sisteme zanyatiy po RKI (na primere kitayskoy auditorii)* [On Taking into Account the Principles of Ethno-oriented Education in the System of Classes in Russian as a Foreign Language (using the example of a Chinese audience)]. *Russkiy yazyk v sovremennom Kitae* [Russian Language in Modern China]. Chita, 2014.

Pinker S. *Yazyk kak instinkt* [Language as an Instinct]. Moscow, 2009.

Khavronina S.A., Balykhina T.M. *Innovatsionnyy uchebno-metodicheskiy kompleks «Russkiy yazyk kak inostrannyy»* [Innovative Educational-methodical Complex «Russian as a Foreign Language»]. Moscow, 2008.

ЛИТЕРАТУРНО-ДИАЛЕКТНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ НАРОДНО-РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина

Ключевые слова: языковая личность, кубанский диалект, метаязыковое сознание, народно-речевая культура.

Keywords: language personality, Kuban dialect, metalanguage consciousness, folk speech etiquette.

DOI 10.14258/filichel(2020)4-06

Общепризнано, что диалектная языковая личность (ЯЛ) – первооснова национальной ЯЛ, это обуславливает приоритетное изучение ее сущностных характеристик (см. работы В.Е. Гольдина, Е.В. Иванцовой, В.Д. Лютиковой, Е.А. Нефедовой, С.Е. Никитиной и др.). Современными исследователями диалектная ЯЛ признается носителем традиционной народно-речевой культуры [ср. Иванцова, 2010, с. 83]. По нашим наблюдениям в ходе многолетних диалектологических экспедиций, представители сельской интеллигенции, испытавшие влияние художественной литературы, текстов СМИ, западной культуры, но при этом знакомые с фольклорными текстами, усвоившие с детства традиции, этические, эстетические и речевые нормы диалектного сообщества, тоже могут быть выразителями народно-речевой культуры своих предков. Приходится признать, что данная категория людей не рассматривается диалектологами в этом аспекте.

Среди образованных сельских жителей можно выделить категорию лиц, которым свойственно доминантное двуязычие, когда «полифункциональный язык употребляется в большинстве социально значимых ситуаций, а язык с меньшим набором функций – в социально менее значимых ситуациях или же с определенными коммуникативными (эстетическими, художественными и т.п.) целями» [Крысин, 2000, с. 154]. Подчеркнем, что доминантное двуязычие в условиях Краснодарского края характерно только для кубанцев, проживающих в населенных пунктах, где исторически складывались кубанские говоры с украинской языковой основой (КГУЯО), поскольку эти говоры имеют существенные фонетические и грамматические отличия от русского литературного языка (РЛЯ). В связи с тем, что в роли доминантного выступает РЛЯ, такое двуязычие можно назвать литературно-диалектным.

Литературно-диалектным двуязычием обладает А.Н. Котелевич, 1947 года рождения, коренная жительница станицы Старотитаровской Темрюкского района Краснодарского края, где она более 50 лет проработала заведующей детской библиотекой, которую сама создавала «с первой книжки». Ведущей темой в ее работе по краеведению как библиотекаря-библиографа была «Кубань: История. Культура. Традиции». Предки А.Н. – кубанские казаки. У мамы была фамилия Масло, а у отца Чугунный – *це стари казаки фамылиш*. Семья жила в *вальковой* хате под камышом, которая сохранилась до сих пор. На родительском *пидворье* и сейчас растет *родова шолковыця*. Мама А.Н., родившая девять детей, имела орден «Материнская слава». Она была замечательной рассказчицей. А.Н. сожалеет, что поздно начала записывать рассказы матери, которая рано ушла из жизни.

Интерес к родному говору, к меткому народному слову, который пробудился у А.Н. в молодые годы, не утратился до сих пор. «Материнский язык» она не забывает и с удовольствием откликается на просьбу собирателей вести беседу на нем. По степени проявления творческого начала в языке А.Н. относится к нестандартной ЯЛ. О таких людях И.А. Бодуэн де Куртенэ писал: « <...> творческие в языковом отношении индивидуумы увеличивают объем языка и, воздействуя на других, умножают также и их богатство» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, Т. 1, с. 227]. Развивая мысль великого ученого, можно сказать, что такие ЯЛ, сберегая объем говора, транслируют его богатство всем, кто испытывает интерес к диалекту. В условиях нивелирования материнского языка, когда круг представителей архаичного слоя носителей диалекта сужается, представляется, что активное и осознанное сохранение и популяризация языковой традиции, просветительская работа А.Н. в этом направлении могут рассматриваться как деятельность по реконструкции говора. В этом состоит позиция носителя диалекта в системе диалектного сообщества.

До знакомства с нами А.Н. проявляла интерес прежде всего к собиранию фольклора, а также самостоятельно создавала небольшие рассказы на говоре, основанные на реальных событиях. Ею составлен рукописный сборник паремий и фразеологизмов. Большинство из них образует живой личный фольклорно-фразеологический фонд А.Н., который является важной характеристикой ЯЛ. Значительную его часть А.Н. узнала от матери, которая унаследовала фольклорное богатство от своей матери: *Цэ ш бабушка мами расказуе, а мама – мини*. Очевидно, что в современной жизни фольклор в большей степени существует благодаря семейной традиции, которая опирается на традицию народную, обеспечивающую сохранность системы

народной мудрости в гармоничном соединении с системой образности. В этой связи можно констатировать наличие семейной и индивидуальной фольклорно-фразеологической памяти (ср. с понятием «пословицная память русского народа» [Благова, 2000, с. 167]).

Исследователи отмечают, что носитель диалекта, относящийся к архаичному слою, обладает долговременной и оперативной памятью, поэтому способен продолжать языковую традицию и приумножать ее [Лютикова, 2000]. Пример А.Н. позволяет утверждать, что и среди современных образованных сельских жителей есть такие, кто поддерживает наследственную связь со своими предками – носителями устной коллективной культуры, в силу чего ЯЛ, подобные А.Н., тоже способны сохранять в памяти значительные пласты информации.

Важной частью этой информации является пословично-фразеологический фонд. Фиксация его составляющих особенно актуальна в наши дни, когда современное младшее поколение практически не использует в своей речи образцы народной мудрости, не проявляя к ним должного интереса. Деятельность А.Н. по собиранию пословиц, поговорок и фразеологизмов является популяризацией общерусских и региональных устойчивых выражений в условиях отмирания народной культуры в ее естественном бытовании и сокращения общения людей между собой. В.И. Даль, размышляя над вопросом, что такое народная поэзия, справедливо считал, что ее частью являются пословицы с их особой поэтикой [Даль, URL]. Полагаем, что к народной поэзии можно отнести и устойчивые выражения, в которых аккумулируется многовековой народный опыт, особое видение мира. Кроме того, общеизвестно, что многие фразеологизмы рождаются из пословиц, значение которых имплицитно сохраняется в устойчивом выражении. Пословица усекается, часть ее забывается, а фразеологизм начинает жить в языке самостоятельной жизнью. Устойчивые обороты, как и пословицы, отличаются художественно-выразительным потенциалом: отточенностью формы, непреходящей жизненностью содержания, что способствует их легкому запоминанию.

Составленный А.Н. фольклорный сборник назван ею устойчивым выражением «Скажэ, як влипе», которым на Кубани характеризуют остролова. В местных говорах бытует также устойчивое словосочетание (УС) *скажэ, як в глаз влипэ* (ср. с общенародным *не в бровь, а в глаз*). Уже заглавие рукописи свидетельствует о том, что ее автор восхищается способностью простого человека давать меткие, образные и лаконичные характеристики. Сборник включает в себя 617 пословиц и устойчивых выражений, расположенных по алфавиту

(значения фразеологизмов и объяснение пословиц не приводятся). Обращает на себя внимание тематическое разнообразие материала (характеристика человека, семейная жизнь, отношение к детям, советы на разные случаи жизни, идиорефлексы и др.). В сборнике встречаются и общерусские фразеологизмы и поговорки, которые функционируют в говоре в местной огласовке (*ходить кругамы; якый пип, такый и прыхид; як сыр в масле кататься; хто рано встает – тому Баг дае; чэрэз пинь-колоду; тэрны, козак, атаманом будэши* и др.), а также структурные варианты (*на дыкой кози ны пидйидыши*, ср. в литературном языке (ЛЯ) *на хромой козе не подьедешь; нэ кажси гоп, поки нэ пырыскочишь*, ср. в ЛЯ *не говори гоп, пока не перепрыгнешь; чэрэз зубу нэ плюнэ*, ср. в ЛЯ *через зубу не переплюнет; робэ з-пид быча*, ср. в ЛЯ *работает из-под палки; хочь святых выносы*, ср. в ЛЯ *хоть святых выноси; як гимно в ополонки*, ср. в ЛЯ *как говно в проруби* и др.). Данный факт демонстрирует близость говора и РЛЯ.

А.Н., по ее признанию, быстро схватывала и запоминала всякие присказки, побрехеньки из казачьего быта, брызжащие народным юмором. Часть из них вошла в составленный ею сборник «Гытаривци, та шей...» (30 текстов). Заглавие дано по названию одной из побасенок, которое, в свою очередь, представляет собой сокращенный вариант прозвища жителей станицы Старотитаровской – *тытаривци, та ще й га*. В беседе с нами А.Н. отмечала, что это выражение упоминал и кубанский писатель В.И. Лихоносов в романе «Наш маленький Париж». История возникновения прозвища также описана уроженцем станицы Старотитаровской доктором исторических наук Н.Ф. Бугаём, автором истории родной станицы.

Именно фольклорные тексты вдохновили А.Н. на создание бывальщин – кратких устных рассказов о происшествии, случае, имевшем место в действительности. У каждой из них свое название, при выборе которого проявляется творческое начало ЯЛ А.Н. – способность выразить квинтэссенцию содержания бывальщины. Заглавия разнообразны: среди них встречаются части скороговорок и пословиц («Хиба я колы кому шо...», ср. *Хиба я колы кому шо, я ж ныколы ныкому нычого, а як и колы кому шо, так хиба нызя, чи шо?*; «...у вола шкурка», ср. *У куркы самый укусный язык, а у вола – шкурка*; «Дайтэ буравэць...», ср. *Дайтэ буравэць, той шо стрыгты овэць*); реплики персонажей, представляющие собой поговорки («Оцэ – выщим, оцэ – ныщим»); вывод, сделанный самим автором («Бува й такэ», «Порыбачилы»); место действия («На базари»); стержневое понятие («Заговор», «Пчилына матка»). Преобладают ключевые фразы персонажей («Бабусё, идить йисты», «Довжэн, нэ спорю», «Однэ

лышнэ», «На дили такы повечерялы», «Вон с городу, бисова душа», «А як бы я щэ вмывся» и др.).

Значительная часть текстов в сборнике построена в виде диалогов. Авторская речь в большинстве бывальщин, как и реплики героев, представляет собой КГУЯО. В отдельных рассказах повествование ведется на РЛЯ, а персонажи говорят на диалекте. Язык историй доступный, простой, из средств выразительности используются устойчивые выражения (*грязный як ганчирка, злой як чортяка, спивалы як вовки вылы, набраться як свыння* ‘напиться пьяным’, *сказать одним духом* ‘сказать сразу, без паузы, не задумываясь’, *устроить прочуханку* ‘отругать’, *кричать скикы духу* ‘громко кричать’, *свички в голови засвительысь* ‘кто-либо испытал сильную боль от удара по голове’, *де ж тэбэ бэнэ ря носыть* ‘кто-то ушел куда-л. и долго не возвращается’), недобрые пожелания / ругательства (*бисова душа, шоб ты пийшов мэкаючи, шоб* кто-л. *сказыся*), эпитеты (*гарный, добрый, здоровый, нэдотэпный, жадный*). Действие многих рассказов происходит в Темрюкском районе, о чем свидетельствуют местные топонимы: ст-цы Старотитаровская, Вышестеблиевская, Ахтанизовский лиман, гора Пужайка, упоминается также г. Керчь, куда станичники часто ездили на *базарь*. Обращает на себя внимание, что бывальщины в основном автобиографичны (в них встречаются фамилии и имена родителей, родственников, соседей А.Н.: *Мыкола Чавунный* – отец А.Н., *Масло* – фамилия семьи матери, *Маруся* – мать А.Н., *Соломия Семеновна* – бабушка по материнской линии, *Вэрэцакы, казак Шамрай* – соседи и др.).

Следует отметить, что, рассказывая о своей семье, А.Н. часто апеллирует к реальным событиям, положенным в основу бывальщин. Сравним фрагмент записи беседы с А.Н., в котором она рассказывает о зажиточной семье своей матери, и бывальщину «На дили такы повечерялы»:

Фрагмент беседы с А.Н.

А мама була из Маслив, Масло. Цэ стари казаччи фамыли. Воны всигда умилы выжывать. У них было крэпкэ хозяйство, особыно у Маслив. Оцэ мама всигда на любый случай расказуе яку-нибудь побасинку. Шоп понять, шо воны харашо жылы, коло

Бывальщина

«На ди’ли такы’ повече’рялы»

У Маслив вечером осталась варына красна рыба. Бабушка кажэ Маруси: «Однысы Вырыцакам оцю чашку з рыбой, хай идять, а то у них одна мамалыга». Утром сосидка устрила Семёнову: «Ой, спасыби ж, Симёновна, мы ж таки учера

лымана жылы. Батько ловыв рыбу, йийы батько, и каждый дэнь у ных була свижа, одварэна, жарэна рыба. А шо оставалося, (вона цэ була малинька, манэнька мама цэ була, трынацатилетней девочкой), йиш бабушка Саломийка дае тэ, шо осталося от йиды, от ужына, и кажэ: «Маруся, однысы тим Вэрэцакам, у йих пять дивок в городи, и одну кукурузу йидят, мамалыгу. На другый дэнь кажэ: «Встрива ж мэнэ суситка Вэрэцачиха и кажэ: «Ой, Симёновна! (Цэ ш бабушка мима расказуе, а мама – мини.) Мы ш такы вчэра на дили повычэрялы. С тех пор у нас в симье вошло в обычай: если вкусный ужын или обит: «Оцэ ш мы на дили поснидалы».

на дили повэчэрялы, щей утром поснидалы». Отак, на дили.

Желая сделать текст более лаконичным и динамичным (что согласуется с жанром), А.Н. сокращает в бывальщине многие детали (характеристики зажиточной семьи Масло и бедной семьи Верещака, имя бабушки, прозвище соседки, признание вхождения устойчивого выражения в семейный лексикон). Очевидно, что для А.Н. было важно показать рождение устойчивого выражения *на ди'ли* 'как следует', которое стало употребительным в их семье. Этим и обусловлено стремление к некой обобщенности.

Многие истории являются органичной частью коммуникативного поведения А.Н.: она использует их при описании характера человека. Так, в рассказе об отце, его образе жизни А.Н. естественно переходит на историю, которая бытует и как бывальщина «Однэ лышне». Приведем фрагмент беседы и бывальщину:

Фрагмент беседы с А.Н.

Батько у нас ны пыв, ну...
по гостям ходылы. Оцэ одна
побасинка на тему, як батько
пишов в гости и, конечно,
прыгостывся там. Прышлы до

Бывальщина «Однэ лышне»

Прышлы колысь батько з
матерю з якоьсь свайбы пизно
ночю.

Диты (а их було девять)
уже вси спалы покотом. Батько

дому, кажэ матэ: «Давай жэ дитэй провирым». Дэвять дитэй, отак кровать стоить, покотом. Дивчата – на пичи, хлопъци – покотом на это. В общем, тры кровати, наверно, в хати в одной було до тих пор, пока сэстра жыла в одном доми. Сталы щитать дитэй. Батько: «Ото, маты, мабуть я сёдня выпыв, ны дощитуюсь». Пощитала матэ. Тожэ одын лыщний. Шо такое? Щиталы, щиталы. Ну ладно, завтра утром дощитаемся. Полягальы спать. Утром дывлюция, оказуеця, диты привилы хлопчика, который там заблудывся, од родитилив оцтав из другой станыци. Привылы ночувать до сэбэ. Ото був одын лыщний.

начав пырысцитувать их по головам. Раз посщитав, другый, тай кажэ: «Мать, може, я лышнего выпыв, шось у менэ нэ сходыця, однэ лышине.

Начала маты сщитать, тоже на одного бильше, хтось лышний. Ляглы спать, а утром диты росказалы, шо прыютылы на ничь хлопчика из другой станыци, шо от батькив отстав.

А.Н. стремится донести в смешных и поучительных историях народные представления о нормах общежития и при этом сохранить простоту и доступность содержания. Побасенки и бывальщины помогают людям не терять бодрость духа и заражаться безунывным восприятием бытия. Составленные А.Н. сборники, без сомнения, явление рукописной культуры, обращенное как в ретроспективу и перспективу, так и в настоящее. Их можно отнести к особому виду источников изучения ЯЛ – материалам «слуховой памяти» информанта (ср. материалы «слуховой памяти» ученого, хранящего в сознании воспоминания об особенностях речи конкретного носителя языка [Иванцова, 2010, с. 105]). В рукописных сборниках раскрываются творческие наклонности А.Н., ее способность к созданию текстов в жанре, свойственном русскому фольклору.

Еще одним прикладным аспектом деятельности А.Н. Котелевич стал сбор лексики и фразеологии для «Опыта словаря кубанских говоров» (Краснодар, 2018). По просьбе его составителя с 2006 года А.Н. начала систематически фиксировать слова и выражения, которые сохранились в ее памяти или были услышаны в речи станичников (около 1300 языковых единиц (ЯЕ)). Важно отметить, что эта работа

вызвала у А.Н. большой интерес и энтузиазм, о чем свидетельствуют не только значительное количество и разнообразие зарегистрированного языкового материала, но и метаязыковые заметки. Так, на одном из листов было написано: «Для Борисовой О.Г. (с удовольствием)», а на другом была приписка с пожеланием удачи. Собранный диалектный материал, безусловно, имеет «меморативную» направленность, поскольку очевидно осознанное стремление автора сохранить слова материнского языка, запечатлеть лексико-фразеологическое богатство говора, тем самым противостоять экспансии РЛЯ. Сбор диалектизмов для А.Н. – это, в первую очередь, личностно-мотивированная попытка выявить в собственной речи и речи своих земляков диалектную лексику и фразеологию, в которых отражаются коллективный жизненный опыт и ценностные установки.

А.Н. осознавала, что многие языковые единицы уже вошли в книгу «Кубанские говоры: материалы к словарю» (Краснодар, 2005), ей также хорошо знаком авторский словарь П. Ткаченко «Кубанский говор» (Краснодар, 2008), поэтому отбор диалектизмов проводился прежде всего с учетом наличия / отсутствия слова (значения) в этих лексикографических изданиях. Тем не менее в записях А.Н. есть целый ряд знаковых для местного говора слов, уже зафиксированных в региональных словарях. Ядро словника составляют, как правило, территориально ограниченные лексические единицы (ЛЕ), поскольку А.Н. их дифференцирует, противопоставляя описываемые идиомы РЛЯ. В материалах представлены разные части речи. Преобладают существительные (36 %) и глаголы (34 %), прилагательные и наречия в количественном отношении примерно равны – 5,7 % и 6,7 %. А.Н. также записала около 230 диалектных фразеологических выражений (17 %). Зарегистрированные ЛЕ относятся к разным тематическим группам (ТГ): «Характеристика человека», «Народная медицина», «Явления природы», «Пицца», «Животные», «Растения», «Предметы быта», «Духовная культура» и т.д.

В большинстве случаев зафиксированные слова и выражения или входят в активный словарь носителей говора, или легко всплывают в воспоминаниях о прошлой жизни. Число устаревших лексем ограничено (*бы'льця* 'спинки железной кровати', *ди'жка* 'деревянная бадья', *жу'ровый* 'коричневый платок, полушалок', *кагане'ц* 'светильник из гильзы').

Записи А.Н. сделаны в ассоциативно-свободной форме: слова расположены не по алфавиту, часть из них образует ситуативные группы или пары. Среди них можно выделить синонимы (*дуры'свит*, *з'нэдого'ном* 'дурак, придурок'; *заману'ха*, *закапэ'лок* 'изгиб улицы');

ку'йда, патла'чка 'лохматая'; лаху'дра 'неаккуратная женщина' и мазны'ця 'грязнуля'; нэвмови'рна 'упрямая, неуживчивая, наглая' и нэвжи'тошна 'несговорчивая, неуступчивая, неконтактная' и др.); слова одной ТГ (ТГ «Овощи, фрукты, ягоды»: гальва' 'айва', каву'н 'арбуз', огурки' 'огурцы', пэ'рыць 'перец', помадо'ры 'помидоры', поры'чка 'красная смородина', тырни'вки 'слива, терновка', цыбу'ля 'лук', часны'к 'чеснок'; ТГ «Мясные блюда»: здор 'внутренний содранный жир свиньи', ковбаса' 'колбаса', ко'вбык 'начиненный желудок свиньи', мян'со 'мясо' и др.) или относящиеся к одному грамматическому классу (наречия учэ'ра 'вчера' и сэдня 'сегодня' и др.); слова, связанные ассоциативно по звучанию (ковто'к 'глоток' и ко'вбык 'начиненный мясом желудок свиньи', пу'хырь '1) волдырь, 2) твердый болезненный бугорок' и пу'чка 'мягкий конец пальца, которым берут щепотку – пу'ченку' и др.) или по значению (йстивный 'человек с аппетитом', засы'нка 'макаронные крупы для супа', вы'жаркы 'остатки от вытопленных кусочков сала'; кунтуши' 'мешочки с хламом' и хабари' 'барахло (бедные вещи)'; ны бы'й лэжа'чого, ледацю'га, ло'дарь 'ленивый человек'; засмальцо'вана, забрэхаца 'обляпаться снизу – брюхом' и др.); слова, входящие в одно словообразовательное гнездо (глывки'й, глывтя'к 'сырой, непропеченный хлеб'; масла'к 'кость', маслакова'тый 'костистый'; погля'дэны, розгля'дыны 'обычай разглядывать невесту, свадьбу', сцы'кы 'вещи, испорченные мочой', сця'ки 'моча' и др.); оппозиции существительных по родовому признаку (сэру'н 'трус' и сэру'ха 'трусиха'; ста'рыць, ста'рчиха 'нищий (ая)'; уну'кы и уну'чкы и др.); видовые глагольные пары (су'нуть, посу'нуть 'двигать', тулы'ть, притулы'ть 'прислонить, положить ненадежно' и др.); слова, употребляемые в одном контексте (розга'тыть 'нечаянно разбить, уронив хрупкую вещь' и буты'ль 'большая бутылка, емкость', тут же дается контекст: Довирыла бутыль – так вин ёго розгатыв).

А.Н. фиксирует ЛЕ с помощью приема малограмотного письма, стараясь максимально точно передать особенности местной огласовки: оканье (робо'та), произношение [И] на месте ятя (гори'хы ловы'ть 'на свадьбе хватать орехи, монеты', ныди'ля 'неделя'), веляризацию согласных перед гласными переднего ряда (вы'мандюрыть 'крепко выругать с матом', далэ'ченько 'далековато', по'дына 'низина', чималэ'нько 'многовато'), ассимиляцию зубных согласных с [J] (ками'ння 'камни', пиднэб'ння 'нёбо'), мягкое / твердое [Ц] (забия'цька 'остра, задиристая (о горчице)', ця'цькы 'цацки'); последовательно в формах глаголов с возвратным суффиксом -ся: божы'ця 'креститься и говорить молитву', пиддобры'ця 'сделать

услугу кому-то для хорошего отношения’, *почины́ця* ‘повеситься’, *уна́дыця* ‘повадиться’, *чипуры́ця* ‘прукрашиваться’), произношение слогового [У] вместо губно-зубного [В] в начале слова (*учёра* ‘вчѐра’), произношение [ХВ] на месте [Ф] (*шка́хва* ‘шкаф, шифоньер’) и др. Следует отметить, что А.Н. обращает внимание на редукцию гласных в речи станичников, не характерную для украинского языка (*дырка́ч* ‘стертый веник’, *мытыля́еця* (*мэтэляеця*) ‘болтается на ветру’, *ныди́ля* ‘неделя’. *пырыго́н* ‘алкогольный напиток второго сорта’, *пырыля́к* ‘испуг’), что свидетельствует о наличии у А.Н. фонематического слуха.

Слова А.Н. подает в соответствии с лексикографической традицией, то есть в их начальной форме. Между тем в отдельных случаях делается акцент на типовую ситуацию употребления слова, чаще это встречается при фиксации глаголов. Например: форма 2 л. ед. ч. (*нэ прыта́рыш* ‘не подступишься’), форма 3 л. ед. ч. (*наеда́е* (на кого-то) ‘несправедливо придирается’, *часу́е* ‘находится при смерти’), форма м. р. прош. вр. (*нэ втрапы́в* ‘не успел’, *раззя́пыв* ‘широко открыл, распахнул’); форма ж. р. прош. вр. (*облыша́лась* ‘обозналась’, *расиэрэ́пылась* ‘расставила ноги’); форма мн. ч. прош. вр. (*побэ́хкалысь* ‘переросли чересчур (огурцы, тыквы)’, *погомони́лы* ‘поговорили’). Безличные глаголы последовательно подаются в характерных формах 3 л. ед. ч. или ср. р. прош. вр. (*вэ́рзлось* ‘снилось (плохой сон)’, *го́ди* ‘хватит’, *захурдэ́лыло* ‘замело, завьюжило’, *кану́дэ* ‘тошнит, мутит’, *набры́дло*, *наосторчёртило* ‘надоело’, *розга́сло* ‘земля расквасилась, замерзлась’, *ростэли́пало* ‘разволновало’ и др.).

Для прилагательных, обозначающих признак, в большей степени характерный для женщины, А.Н. использует форму ж. р., напр.: *доди́льна* ‘деловая, аккуратная женщина’, *манэ́сынька*, *худэ́сэнька*, *поди́льчива* ‘не жадная, делится со всеми’; *пинди́тна* ‘капризная, с претензиями’, *у́тла* ‘слабая, хрупкая’ (при фиксации и формы м. р. *у́тлый* ‘слабый, хрупкий, непрочный’).

Таким образом, подача ЛЕ прежде всего обусловлена фактором знакомства А.Н. с научными принципами представления слов в словаре. Между тем следует отметить и влияние прагматического фактора, заключающегося в том, что в сознании диалектоносителей слова нередко существуют в наиболее употребляемых формах, поддерживаемых частотными контекстами.

В отдельных случаях указываются стилистические пометы, напр.: *замандю́рыця* ‘чуть презрительно: очень чего-то захочется’, *на́кыво* ‘супротив (*грубо*)’, *пону́ра* ‘неодобрит. о женщине серой, унылой’,

поллэ'мзать 'медленно, с трудом, как бы нехотя, пойти (неодобрительно)', *пэ'кать* 'груб. есть', *пэ'льку набы'ть* 'наестся (грубо)', *роззя'ныть* 'грубо раскрыть рот'. Встречаются лексемы с отсутствующей стилистической пометой в толковании, но в иллюстративном примере имплицитно присутствует эмоционально-экспрессивная окраска, напр.: *шарпа'к* 'оборванец' (*Та то шарпак!*).

Не менее важной частью предоставленных нам записей является объяснение значений ЛЕ. И здесь А.Н. выступила в роли непрофессионального лексикографа. Отметим, что в региональной лексикографии создание авторских словарей – явление достаточно распространенное (о «наивной» лексикографии подробнее см. [Бондаренко, 2015]). В нашей практике мы работали с подобными материалами, предложив относить такие словарики к *интровертным* (см. подробнее [Борисова, Костина, 2013]). В отличие от наивных лексикографов А.Н. не ставила цели создать словарь, ее записи ориентированы на диалектолога-лексикографа, поэтому сформулированные толкования не унифицированы. Она видит свою задачу в том, чтобы «высветить» особенности функционирования диалектных единиц в местном говоре.

Проанализируем стратегии толкования слов, использованные А.Н. Котелевич, опираясь на классификацию, предложенную А.Н. Ростовой, которая выделяет три типа стратегий: идентифицирующую, классифицирующую и характеризующую. «Результатом идентифицирующей стратегии осознания значения слова является описание отражаемого словом предмета или шире – ситуации» [Ростова, 2000, с. 161]. При этом толкования могут быть денотативно ориентированные (обозначаемое описывается как единичное явление в совокупности своих признаков, свойств и т.д.) и сигнификативно ориентированные (выявляются различительные признаки слов внутри тематического ряда) [Ростова, 2000, с. 162]. При классифицирующей стратегии «значение представлено как элемент зафиксированной в сознании системы ассоциативных связей слов, основанных на отношениях сопоставления и противопоставления» [Ростова, 2000, с. 163]. Используя характеризующую стратегию, диалектоносители, объясняя значения слов, как бы моделируют коммуникативный акт, в котором употребляется ЛЕ.

Большинство толкований А.Н. отражает парадигматические отношения между словами (синонимия, семантическое и формальное варьирование и др.), что свидетельствует об использовании составителем классифицирующей стратегии. См., например: а) определение значения через синоним литературный (*ва'жкый*

‘тяжелый’, *крадько́ма* ‘украдкой’, *ривча́к* ‘ручей’, *рытязо́к* ‘ошейник’, *чаву́чить* ‘раздавить’, *шарва́рка* ‘переполох’ и др.); реже через диалектный (*гарбажи́йка* ‘арпачик’, *наши люды* ‘одностаничники’); через синонимичное диалектное устойчивое выражение (*и́стинный: Йисть, як за сэбэ кыдае*); через просторечный синоним (*ця́цькы* ‘цапки’); б) через ряд синонимов РЛЯ (*глузува́ть* ‘насмехаться, издеваться’, *горла́ть* ‘орать, кричать’, *ду́рно* ‘напрасно, зря’, *поллэ́мзатъ* ‘медленно, с трудом, как бы нехотя пойти’, *скубты́сь* ‘ссориться, спорить’, *у́тлый* ‘слабый, хрупкий, непрочный’), реже через синонимический ряд, включающий литературный и диалектный синонимы (*тырни́вки* ‘слива, терновка’); в) через формальное варьирование (*ками́ння* ‘камни’, *ла́дыком* ‘ладком’, *мя́со* ‘мясо’, *пэ́рыць* ‘перец’); г) через семантическое варьирование (*пу́хырь* ‘1) волдырь, 2) твердый болезненный бугорок’, *розжа́рыцься* ‘1) вспотеть, 2) одеться не по погоде легко’, *тыня́ться* ‘1) шататься из стороны в сторону, 2) бродить без дела’).

В случае отсутствия у диалектного слова литературного эквивалента используются объяснения значений, базирующиеся на идентифицирующей стратегии. Как правило, это традиционная для толковых словарей сигнификативно ориентированная дефиниция, например: *буты́ль* ‘большая бутылка, емкость’, *вовэ́ло* ‘матерый волк’, *вы́вязаця* ‘повязать косынку или платок концами вверх, надо лбом’, *ганчи́рка* ‘грязная тряпка’, *затэса́ця* ‘зайти без приглашения’, *лаху́дра* ‘неаккуратная женщина’, *оклы́гатъ* ‘выздороветь после тяжелой болезни’, *планы́ця* ‘секция деревянного забора’, *стовбы́чиця* ‘стоять столбом, назойливо’, *тузлук* ‘насыщенный рассол’, *уклу́нок* ‘небольшой мешок с грузом’, *чита́ка* ‘тот, кто читает по покойнику’ и др. Следует отметить, что А.Н. в ряде случаев указывает функции описываемых реалий, см., напр.: *кори́стка* ‘деревянная фигурная палочка, длинная, для помешивания варенья’, *пу́чка* ‘мягкий кончик пальца, которым берут щепотку’.

Реже А.Н. при толковании ЛЕ исходит «из ситуации», создавая денотативно ориентированные толкования. См., например: *йего маа́ра во́дэ* ‘пьяному что-то кажется, он не ориентируется’, *розга́сло* ‘земля расквасилась, размерзлась’, *розча́хнутъся* ‘дерево лопнуло пополам, в разные стороны’, *спына́еця* ‘малыш пробует стать на ножки’, *стру́же* ‘дует резкий, зимний ветер с морозом’.

Встречаются и дефиниции, основанные на характеризующей стратегии, в этом случае значение трактуется через соотнесенность со свойствами референта и типовой ситуацией словообозначения. Е.Д. Бондаренко, исследовавшая способы толкования слов на примере

18 «внутренних» словарей, отмечает, что опора на характеризующую стратегию в целом свойственна наивным лексикографам в связи с их частотной ориентацией на коммуникативный акт [Бондаренко, 2015, с. 206]. Однако А.Н. данную стратегию использует крайне редко, см., например: *кунтушии* ‘забывай свои кунтуши, то есть хлам, старое, пожитки’. Контекст в этом случае может выступать в качестве самого толкования. Среди подобных дефиниций отмечаются толкования через сочетаемость слов, см., например: *выряжа’ть* ‘невесту из дому, солдата в армию’, *навпростэ’ць* ‘через поле, коротким путем’, *розда’йбида* ‘всем охотно раздает добро’, *цо’кать* ‘по стеклу (или языком)’. Нечастотность таких типов дефиниций можно объяснить тем, что А.Н. старается последовательно придерживаться лексикографической традиции.

Анализируя толкования, составленные А.Н., следует отметить случаи сужения значения слова. См., например: *забрѣхаця* ‘намочить одежду и обувь или в воде, или в росе’ (или в грязи), *зачаву’нить* ‘прикинуть борщу’ (или супу), *кагане’ц* ‘светильник из гильзы’ (любой примитивный осветительный прибор), *натоптова’тый* ‘крепкий, низкорослый мужик’ (вообще о человеке), *нэстэми’сэнькый*, *вы’копаний*, *вы’лынять* ‘копия отца’ (или матери), *стрэ’бовать* ‘потребовать и получить долг’ (не только о деньгах) и др. В приведенных толкованиях А.Н. детализирует семантику слова, делая смыслообразительными те признаки, которые являются важными в быту, обусловленными конкретными жизненными ситуациями. Данная особенность в целом характерна для авторских словарей, составленных наивными лексикографами [ср. Бондаренко, 2015, с. 206]. Гораздо реже наблюдается расширение значения слов, см., напр.: *поджерде’ловик* ‘гриб’ (гриб, растущий под *жерде’лей* – деревом дикий абрикос), *со’яшныци* ‘болезнь, хворь’ (боли в животе или аппендицит).

Предложенные А.Н. толкования позволили уточнить, конкретизировать значения отдельных слов и ЛСВ.

Подтверждением значения слова, как известно, являются оправдательные примеры, роль которых для диалектного словаря трудно переоценить. Следует отметить, что А.Н. ранее уже имела опыт по составлению иллюстративных примеров для «Материалов этнолингвистического словаря: метеорология» (Славянск-на-Кубани, 2001), одним из авторов которого была ее дочь, О.Н. Котелевич, студентка филологического факультета, записавшая со слов матери контексты для многих словарных статей. В этой лексикографической практике А.Н. проявила себя как лингвокреативная ЯЛ, что нашло отражение в ее ответах, представляющих собой яркие речевые

зарисовки, в которых значение слов и устойчивых выражений раскрывается через ситуативный контекст. См., например (заголовочные слова в примерах выделены жирным шрифтом): *Як пиднявся бурха йло на мори, чуть катир не потопив. Надо витэр горишня 'к, шоб визалысь огиркы. Захма 'рылось, шо нэ поймэшь, чи ничь, чи дэнь! Мороз слабэнький, а вжэ зашэрхну 'ло в калюжэ. Гляжу по утру, а на городи, во двори, кругом крупа, а з ниба так и сыпле. Шо мыгы 'чка, шо мжы 'чка – усэ слякотна погода. Диды на нэби посидалы – будэ дощэ.*

В письменных материалах, переданных нам А.Н., не все слова сопровождаются иллюстрациями. Формулируя оправдательные примеры, А.Н. проявляет способность воссоздавать обыденную ситуацию, что делает контексты органичными и естественными. Среди них преобладают информативные, под которыми понимаются контексты, «отражающие металингвистическую деятельность диалектоносителей и содержащие исчерпывающий материал (в виде денотата слов или общей денотативной ситуации), необходимый для составления полной словарной дефиниции исследуемого слова» [Раков, 1988, с. 16].

Представленные А.Н. иллюстрации тематически разнообразны. Наиболее приоритетны среди них те, в которых дается морально-этическая оценка человека. См., например: *В хату ны зайдэш – сця 'кы воняють, чи вона дытыни ны стирае. Гроци росфинькалы и сыдятъ. Дожылысь, шо и надить ничёго – однэ дря 'мтя. Така нывмови 'рна – ничёго ей ны докажыш, ны уговорыш. Ури 'ныца в шось – и хоть ты шо. Вы 'гвоздыла свои патреты спэрэди, а батька карточку и ны повисыла. Чи йий дила нэма? Сновыга ' по улыци. Уна 'дылась падруга до дочкы – та и ноче уже ныдилю. Вы 'быквася до потолка, а на уми всэ игрушкы. Ти ще ны жылы. А вин навывэрэдкы ' пэрэд всимы появысья у сватив. На то нывжы 'тоиный – ны с кым нэ ладэ. Мы 'рци соби нахватать. На роботу ны нахы 'лыш.* Отрицательные характеристики людей в большей степени высвечивают этический идеал человека.

В отдельных иллюстрациях отражается эстетическая оценка, как правило, тоже отрицательная: *Идэ – нузэ 'ло до колин – хоба то мужик? Був страшный, но вы 'лыняв,* то есть преобразился. *Явылась в гости: кохта зама 'цана. Та вона така гладка', як нэ лопнэ. Така гайга 'ра, шо и замиж ны выйдэ.* Примеры с положительной эстетической оценкой единичны: *Шкахву посу 'нул сам – такый ссыльный. Вона идэ и пыша 'иция, як пава.*

В ряде контекстов проявляется гендерная оценочность, состоящая в сочувственном отношении к нелегкой женской доле. См., например: *Та вин **духобо́р**: всю жызынь з нэй кров пыв. Та вин ейи **обны́щив**, та и бросыв. Ёму **замандю́рыця** – а ты, жинка, бигай, жарь. Она ужэ **ва́жка** ходыла, а вин усэ йиш ны брав.*

Важной характеристикой человека является его речь. Среди иллюстраций А.Н. содержатся предложения, в которых описано речевое поведение человека: *Ты свий язык **прытупы́**. Як **разгорла́вся**. Дила з нэй нэма: тики **во́зыкы по ха́там во́зэ** (т. е. разносит сплетни). Та я ёму слова **на́кrypto** нэ сказала. Про титаривцив казали: «Цэ прыйхалы **ти́кэ так**». Ска́жэ, як вли́нэ.*

Отдельную группу составляют предложения-угрозы: *Дужэ ны **заголя́йся**, бо выпросыш. Як возьму **дрючо́к** – получиш. Шоб ты **почины́вся** на высчий гыляки.*

У ряда ЛЕ и фразеологических единиц (ФЕ) приводятся краткие оправдательные примеры (короткие предложения), что не снижает их информативности. Такие контексты призваны отразить типовую ситуацию употребления диалектной единицы. См., например: *Жарылы картошку с **вы́жаркамы**. Рыбу варылы в **тузлу́ки**. Чепчик на Троицю по хати стельлы. Як **шелесну́вся** з дэрэва. **Нахну́пылось** – будэ доць. **Нахну́пылась** и нэ балакае. Юпка у нэй на **ско́лках**. Узяла на врэмя, тай **захарла́ла**. Её **поробы́лы**.*

Анализ иллюстративных примеров показывает, что они в основном сосредоточены на теме «Человек». Кроме того, преимущественно оправдательные примеры предлагаются А.Н. для слов, характеризующих человека. Преобладание таких контекстов демонстрирует присущий носителю говора коммуникативный антропоцентризм.

Многочисленны в записях А.Н. устойчивые выражения. Обращает на себя внимание, что часть ФЕ подается сразу в контексте. См., например: *Шо ты ржэши, як кобыла в Спасивку? (Спасивка – ‘яблочный спас’). Та ёму скоро жаба цыцькы дасть ‘скоро конец’. У нёго рот нэ вгавае. Колы ты вжэ найисся ‘рот не закрывается, ест и ест’. Ждалы-ждалы тай жданыкы пойлы ‘о долгом ожидании без результата’. Пронав ны за цапову душу ‘ни за что’. Зафиксированные ФЕ, бесспорно, отражают относительно устоявшуюся картину мира А.Н., что способствует рассмотрению ЯЛ на когнитивном уровне [ср. Юнаковская, 2011, с. 60].*

Диалектологическая деятельность А.Н. демонстрирует ее развитое метаязыковое сознание, которое проявляется в способности дифференцировать диалектные слова, стремлении не использовать при

толковании диалектные синонимы, понимании важности фиксации коннотации слова, его места в лексической системе говора (парадигматика) и типичной сочетаемости (синтагматика), а также в отражении ассоциативно-деривационных отношений ЛЕ и умении спонтанно приводить информативные контексты.

Творческая и прикладная деятельность А.Н. подтверждает, что выразителем традиционной народно-речевой культуры может являться и литературно-диалектная языковая личность. В этой связи необходима разработка типов крестьянской речевой культуры в среде современных сельских жителей и описание соответствующих им типов ЯЛ.

Литература

Белякова С.М. Образ времени в диалектной картине мира (на материале лексики и фразеологии русских старожильческих говоров юга Тюменской области): дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2005.

Благова Г.Ф. Пословица и жизнь: Личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе. М., 2000.

Бодуэн де Куртэнэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1.

Бондаренко Е.Д. Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциolingвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015.

Борисова О.Г., Костина Л.Ю. Интровертный словарь как особый тип диалектного словаря // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2013. СПб., 2013.

Даль В.И. Походные письма на Хиву [Электронный ресурс]. URL: <http://www.librapress.ru/2014/08/Vladimir-Dal-Pohodnye-pisma-na-Hivu.html>.

Иванцова Е.В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности. Томск, 2010.

Крысин Л.П. О некоторых особенностях двуязычия при близком родстве контактирующих языков // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. М., 2000.

Лютикова В.Д. Языковая личность: идиолект и диалект: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2000.

Раков Г.А. Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии. Томск, 1988.

Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. Томск, 2000.

Юнаковская А.А. Фразеологический аспект описания конкретной речевой личности [Электронный ресурс] // Филология и человек. 2011. № 1. URL: <http://journal.asu.ru/pm/issue/archive>.

References

Belyakova S.M. *Obraz vremeni v dialektnoy kartine mira (na materiale leksiki i frazeologii russkikh starozhil'cheskikh govorov yuga Tyumenskoy oblasti)* [Image of Time in a Dialect Picture of the World (on material of lexicon and phraseology of Russians the

starozhilcheskikh of dialects of the South of the Tyumen region]. *Doct. of Philol. Diss.* Ekaterinburg, 2005.

Blagova G.F. *Poslovitsa i zhizn': Lichnyy fond russkikh poslovits v istoriko-fol'kloristicheskoy retrospective* [Proverb and Life: The Personal Fund of Russian Proverbs in Historical and Folkloristic Retrospective]. Moscow, 2000.

Boduen de Kurtene I.A. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu* [Selected Works on General Linguistics]. Moscow, 1963. Vol. 1.

Bondarenko E.D. *Naivnaya lingvistika dialektonositeley: etnosotsiolingvisticheskiy aspekt* [Naive Linguistics of Dialect Carriers: Ethnosociolinguistic Aspect]. *Cand. of Philol. Diss.* Ekaterinburg, 2015.

Borisova O.G., Kostina L.Yu. *Introvertnyy slovar' kak osobyiy tip dialektного slovaryia* [Introvert Dictionary as a Special Type of Dialect Dictionary]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya). 2013* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research). 2013]. St. Petersburg, 2013.

Ivancova E.V. *Lingvopersonologiya: osnovy teorii yazykovoy lichnosti* [Lingvopersonology: Fundamentals of the Language Personality Theory]. Tomsk, 2010.

Dal' V.I. *Pokhodnye pis'ma na Khivu* [Campaign Letters to Khiva]. URL: <http://www.librapress.ru/2014/08/Vladimir-Dal-Pokhodnye-pisma-na-Hivu.html>.

Krysin L.P. *O nekotorykh osobennostyakh dvuyazychiya pri blizkom rodstve kontaktiruyushchikh yazykov* [About Some Features of Bilingualism in Close Relationship of Contacting Languages]. *Rechevoe obshchenie v usloviyakh yazykovoy neodnorodnosti* [Speech Communication in the Conditions of Linguistic Heterogeneity]. Moscow, 2000.

Lyutikova V.D. *Yazykovaya lichnost': idiolekt i dialect* [Language Personality: Idiolect and Dialect]. *Doct. of Philol. Diss.* Ekaterinburg, 2000.

Rakov G.A. *Dialektnaya leksicheskaya sinonimiya i problemy ideografii* [Dialect Lexical Synonymy and Ideography Problems]. Tomsk, 1988.

Rostova A.N. *Metatekst kak forma eksplikatsii metazykovogo soznaniya* [Metatext as Form of an Explication of Metalanguage Consciousness]. Tomsk, 2000.

Yunakovskaya A.A. *Frazeologicheskij aspekt opisaniya konkretnoj rechevoj lichnosti* [Phraseological Aspect of the Description of a Specific Speech Personality]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2011. No. 1. URL: <http://journal.asu.ru/pm/issue/archive>.

**АРХАИЗМЫ И НЕОЛОГИЗМЫ В СФЕРЕ НАИМЕНОВАНИЙ
ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

Н.В. Кожанова

Ключевые слова: архаизм, неологизм, наименования лиц по профессии, историзм, заимствование.

Keywords: archaism, neologism, professional nominations, historicism, borrowing.

DOI 10.14258/filichel(2020)4-07

Наименования лиц по профессии традиционно относят к открытой лексической подсистеме языка, на которую в равной степени оказывают влияние как внешние, так и внутренние факторы. Так, если с течением времени изменяются не только количественные, но и качественные характеристики профессиональной деятельности, то и в составе лексической подсистемы наименований профессий также происходят соответствующие изменения. В данной работе речь идет об обозначениях по профессиональному признаку, относящихся к архаизмам и неологизмам.

Анализ работ последних десятилетий по лексикологии немецкого языка позволяет утверждать, что лексические группы архаизмов и неологизмов немецкого языка находятся в фокусе исследовательского внимания. Представляется важным отметить, что в течении достаточного продолжительного времени эта проблема оставалась мало изученной, а эмпирический материал недостаточно систематизированным, особенно это касалось неологизмов. Активное изучение данной лексической группы в немецком языке началось только в XX веке. Именно в этот исторический период в Германии произошли значительные перемены в политике, экономике, производстве, культуре, образовании, в научно-технической и во многих других сферах. В результате появилось значительное количество новых слов и возникла необходимость в комплексном и всестороннем исследовании данных единиц лексики. Закономерным итогом сложившегося положения является становление в германистике нового раздела лексикологии, исследующего неологизмы, за которым закрепился термин неология. И хотя теория неологии еще не в полной мере оформилась как самостоятельная область лексикологии, можно говорить о параллельном развитии в ее рамках двух смежных дисциплин – лексикологии неологизмов (неологии) и лексикографии

неологизмов (неографии) [Михеева, 1998]. Вопросы неологии неоднократно рассматривались в трудах как отечественных, так и зарубежных ученых-лингвистов: Е.В. Розен, А.И. Домашнева, Н.Г. Комлевой, М.С. Романовой, И.П. Савицкого, Т.В. Шалиной, И. Барца, Д. Герберга, М. Кинне, Е. Тейленбаха и других.

Изучение архаизмов характеризуется в германистике не меньшим интересом, о чем свидетельствуют многочисленные работы таких исследователей языка, как В.И. Шаховский, Н.М. Шанский, В.В. Виноградов, И.Г. Ольшанский, Альберт Доза, Шарль Балли, И.В. Арнольд, И.Р. Гальперин, М.П. Брандес и других.

Архаическая лексика присутствует во всех языках мира без исключения. Это объясняется тем, что часть слов выходит из употребления, поскольку постоянно происходят изменения во всех без исключения социальных сферах, а следовательно, прекращают свое существование явления, которые они обозначали, и в итоге отпадает необходимость в их ежедневной номинации средствами языка.

В широком смысле слова архаизмы представляют собой устаревший пласт лексических единиц, вышедших из активного, повседневного употребления, но сохранившихся в пассивном словаре и в большинстве своем понятных в той или иной степени носителям языка [ЛЭС, URL].

В зависимости от причин архаизации, которые обусловлены культурно-историческим опытом каждого конкретного этноса, учеными предлагаются различные способы классификации архаизмов. Так, отечественные лексикологи И.Г. Ольшанский и А.Е. Гусева [Ольшанский, 2005, с. 135] описывают три группы устаревшей лексики немецкого языка:

1) историзмы; 2) семантические архаизмы; 3) фонетико-морфологические архаизмы.

Историзмами принято называть лексические единицы, которые больше не используются в языке, так как в соответствующей картине мира исчезли понятия, которые они обозначали на том или ином этапе жизни общества, его культуры и соотносились с определенной эпохой его развития.

К семантическим архаизмам относят лексические единицы, обозначающие понятия и концепты еще не вышедшие из употребления, но постепенно вытесняемые более новыми словами-синонимами или единицами с близким значением.

Последний тип отличается от «современных» слов своими морфологическими и звуковыми характеристиками и отражает

тенденции стихийного развития звуковой и графической форм слова [ЛЭС, URL].

В исследуемой группе лексики представлены прежде всего устаревшие наименования лиц по профессии, относящиеся к двум первым группам. Так, произошло исчезновение отдельных наименований профессий в связи с исчезновением потребностей в той или иной профессии в современном обществе. На сайте *kunst-worte.de*. в категории архаизмы среди многочисленных лексических единиц можно увидеть примеры устаревших наименований лиц по профессии [Archaismen, URL], например:

der Besenbinder – вязальщик веников, *der Pfeilmacher* – изготовитель стрел, *der Fuhrmann*, *der Fiaker* – извозчик, возница, *der Kohlenbrenner* – углежог, *der Köhler* – угольщик, *der Lampenputzer* – ламповщик, фонарищик, *der Türhüter* – привратник, *der Videothekar* – видеотекар, *der Zeidler* – сборщик меда диких пчел, *das Tippfräulein* – машинистка, стенографистка.

У других наименований профессий с течением времени появляются синонимические лексические единицы, которые более точно отражают характерные черты объекта наименования за счет своих морфологических и семантических особенностей, и как следствие, вытесняют первоначальные обозначения данного объекта. Так, например, в современной коммуникативной практике более распространено наименование:

die Verkäuferin, заменившее наименование *die Ladnerin*, вместо *der Schuster* стали употреблять *der Schuhmacher*, вместо *der Museumsdiener* – *der Museumsaufseher*, вместо *die Putzfrau* – *die Raumpflegerin* oder *die Reinigungskraft* и, наконец, наименование *der Straßenwärter*, пришедшее на смену *der Straßenkehrer*.

Мир профессионального труда постоянно меняется, но особенно стремительно это происходит в XX-XXI веках. И если раньше проходили столетия, прежде чем появлялись новые виды профессиональной трудовой деятельности, требующие все новых обозначений, то в XX-XXI века изменения в содержании трудовой деятельности происходят за несколько десятков лет, а иногда даже за небольшой временной промежуток в несколько лет. А вслед за динамическими изменениями в профессиональной деятельности также стремительно видоизменяются лексические единицы, относящиеся к наименованиям лиц по профессии.

Так, на примерах, представленных ниже, можно наблюдать изменения, произошедшие в сфере наименований лиц по профессии в немецком языке в XX-XXI веках:

Устаревшее наименование *Automechaniker / in* сменило более современное *Kraftfahrzeugmechatroniker / in*,
Seegüterkontrollleur / in → *Fachkraft für Hafenlogistik*,
Fachverkäufer / in im *Nahrungsmittelhandwerk* →
Fachverkäufer / Fachverkäuferin im Lebensmittelhandwerk,
Bauer / Bäuerin → *Agrarwirt / in*,
Korbmacher / in → *Flechtwerkgestalter/Flechtwerkgestalterin*,
Metzger / in → *Fleischfachmann/Fleischfachfrau*,
Kaufmann / Kauffrau in der Grundstücks- und Wohnungswirtschaft →
Immobilienkaufmann / Immobilienkauffrau,
Kellner / in → *Restaurantfachkraft*,
Versicherungskaufmann / Versicherungskauffrau →
Kaufmann / Kauffrau für Versicherung und Finanzen,
Schaffner / in → *Zugbegleiter / in*,
Kälteanlagenbauer / in → *Mechatroniker / Mechatronikerin für Kältetechnik*,
Verlagskaufmann / Verlagskauffrau →
Medienkaufmann / Medienkauffrau Digital und Print,
Arztshelfer / in → *Medizinischer Fachangestellter / Medizinische Fachangestellte*,
Kachelofen- und Luftheizungsbauer/in Ofen- und Luftheizungsbauer / Ofen- und Luftheizungsbauerin,
Tierarztshelfer / in → *Tiermedizinischer Fachangestellter / Tiermedizinische Fachangestellte*,
Müller / in → *Verfahrenstechnologe / Verfahrenstechnologin in der Mühlen- und Futtermittelwirtschaft*.

Некоторые наименования профессий получили новое смысловое наполнение, в результате которого расширилось как содержание, так и объем значения, например:

der Brauer – пивовар, наименование лица, который осуществлял весь процесс приготовления пива, в настоящее время это наименование специалиста, обязанностью которого является технический контроль данного процесса;

der Feldscher – ранее полевой цирюльник, военный врач, в современных реалиях это медицинский работник со средним образованием;

die Wäscherin – изначально наименование прачки, женщины, стирающей белье, сегодня это наименование специалиста по техническому обслуживанию соответствующего оборудования;

der Schleifer – точильщик, раньше это служило наименованием человека, который ходил по дворам и предлагал свои услуги по наточке

острых предметов, сегодня это наименование специалиста, который работает на станке (точило) на предприятии или в мастерской [Кожанова, 2007, с. 87].

Следует отметить, что в разряд архаизмов переходит относительно небольшое количество лексических номинаций, тогда как неологизмов появляется гораздо больше. Данный дисбаланс обусловлен бурным развитием производства, научно-технической сферы, общественно-политическими изменениями в жизни Германии, а также культурными отношениями с другими странами Европы и всего мира, результатом которых является появление многочисленных неологизмов-заимствований.

Не подвергается сомнению тот факт, что каждый язык постоянно развивается, но при этом стремится к сохранению устойчивости своей структуры. В случае, когда эти две разнонаправленные тенденции сталкиваются друг с другом, и появляется новое слово. Это обусловлено тем, что каждая языковая система стремится сохранить состояние коммуникативной активности, без которого язык не способен реализовать свои базовые функции, к которым относится и номинативная функция. Однако для того чтобы адекватно отразить, воспроизвести и закрепить в языковой картине мира новые идеи и понятия, языковая система в целом и лексика в особенности вынуждены перестраиваться, дифференцироваться, порождать новые единицы, репрезентирующие те или иные фрагменты картины мира, а зачастую и интегрировать лексические единицы, принадлежащие иным языкам.

Под неологизмами понимаются новые лексические единицы, возникшие в определенный момент времени, часто употребляющиеся в средствах массовой информации и в ситуациях профессионального общения, имеющие семантическую самостоятельность, то есть независимость от контекста и, как правило, обладающие заметной словообразовательной активностью. Появление неологизмов отражает закономерный процесс эволюции лексической системы языка, поскольку стандартного набора слов зачастую не хватает для обозначения новых процессов, феноменов и понятий. Неологизмы отражают происходящие в государстве и обществе процессы, обогащают словарный фонд немецкого языка, но, вместе с тем, оказывают и определенное негативное воздействие, поскольку традиционные слова и устойчивые выражения немецкого языка используются в коммуникативных практиках все реже [Михеева, 1998, с. 3].

Для данной лексики является характерной относительно высокая степень морфологической интегрированности: к имени существительному присоединяется аффикс в соответствии с нормой немецкого языка.

По способу образования новые лексемы могут быть заимствованиями, новообразованиями (из уже существующих слов и аффиксов по словообразовательным моделям), а также абсолютными неологизмами.

В жизнь современного человека стремительно ворвались научно-технические, информационные и компьютерные технологии, Интернет и телекоммуникации. С их развитием появились многочисленные новые наименования, связанные с работой на компьютере, компьютерными программами, концепцией виртуального пространства и т.д.:

der PC-Spezialist, der NET-Entwickler für den Bereich Wertpapierabwicklung, der PC-Techniker, IT-Operations-Spezialist, der Software-Ingenieur, IT-Anwendungsbetreuer, der Software-Programmierer, der Software Architekt, der System-/Netzwerkmanager, der Fachinformatiker als System Integrator (der Systeminformatiker), der System-Operator, der Senior Webentwickler, der Mediengestalter, der Systemanalytiker, ERP-Systembetreuer für Microsoft Dynamics, der Web-Assistent и другие.

Подобные неологизмы прочно занимают доминирующее положение в сравнении с другими новыми наименованиями в иных сферах профессиональной деятельности.

Появление новых наименований профессий происходит параллельно с процессами заимствования:

der Fashion assistant, der Care Specialist ERP-Solutions, der Media Buyer, der Senior Software Engineer, der Key Account Manager, der Manager Software, der Poissonier, der Head of Digital Customer Experience & Communication, der Low Vision-Trainer, der Project Manager for Cloud related operations, der Availability Manager, der Business Development Manager, der Air Traffic Controller, der Lead Data Engineer и другие.

Следует отметить, что большая часть неологизмов, которые появились в немецком языке во второй половине XX века, являются заимствованиями из английского языка. В качестве основных причин заимствования называются внутрilingвистические и экстралингвистические. Первые представляют собой потребность в новой номинации, вторые, в свою очередь, демонстрируют исторически, социально-экономически и политически обусловленную расположенность носителей немецкого языка, особенно молодого поколения, к активному принятию английской лексики. Кроме того английский язык доминирует как одно из средств интернациональной коммуникации в эпоху глобализации [Годжаева, 2014]. Для всех заимствованных лексических единиц характерно изменение правописания (все имена существительные пишутся с заглавной буквы, согласно норме немецкого языка). Часто встречающиеся среди неологизмов англоязычные заимствования

довольно прочно вошли в немецкий язык и уже успели интегрироваться, приобретая грамматические формы категории рода, числа и падежа. Многие существительные стали употребляться носителями немецкого языка в речи абсолютно наравне с немецкими словами [Анохина, 2016].

Заемствования из английского языка постепенно проникают во все без исключения сферы профессиональной деятельности. Кроме упомянутой выше сферы информационных технологий это особенно остро ощущается на уровне топ-менеджмента. Многие немецкие компании работают на международном уровне. Благодаря наименованиям профессий на английском языке, поставщикам из Китая, Испании или Южной Америки понятно, с кем они имеют дело и к кому следует обратиться в случае каких-либо трудностей. В иерархии любой организации на самом верху находится der Chief Executive Officer (генеральный директор), затем следуют die Vice Presidents (вице президенты). Ein «Head of» (глава чего-либо) руководит определенным сегментом бизнес-подразделения и несет финансовую и кадровую ответственность. И, наконец, в то время как ein Manager (менеджер) является начальником отдела, ein Associate представляет собой специалиста, выполняющего круг строго определенных задач различного характера [Moderne Jobtitel verstehen und erklären, URL].

Большинство неологизмов-заимствований из английского языка являются компонентами в составе сложных существительных. Такое изменение содержания и структуры, вероятно, связано с глобальным процессом когнитивного усложнения как картины мира, так и способов его познания. Не случайно уже в конце XX века наметился рост числа сложных обозначений, создаваемых для характеристики лица с узкопрофильной стороны или для фиксации многопрофильного, полифункционального характера его деятельности. С точки зрения способа образования наименования композиты можно разделить на следующие группы [Анохина, 2016]:

– неологизмы, образованные с помощью первого англоязычного компонента и последнего немецкого:

Softwareentwickler/in MS Dynamics NAV, Webentwickler/in, Hardwareentwickler/in, Customer Service Mitarbeiter/in, Teamleiter/in (w/m/d) Analytischer Service, Systemtechniker/in,

Senior Java Entwickler/in, Softwaretester (m/w/d), Snowboardlehrer (m/w/d) и другие;

– неологизмы, образованные сложением двух или нескольких английских слов:

Loans Administration Officer (m/w/d),

Application and Process Expert (m/w/d),

Project Manager (m/w/d),
Head of Customer Services (m/w/d),
Junior Pharmacovigilance Manager (m/w/d),
Regulatory Affairs Manager (m/w/d),
Process Improvement Engineer (m/w/d),
EU Safety Engineering Expert (m/w/d),
Senior Software Development Engineer (m/w/d),
Technical Vendor Manager (m/w/d),
IT-Application Manager (m/w/d),
Senior Retail Architect (m/w/d),
Business Development Manager (m/w/d),
Online Marketing Analyst (m/w/d),
Manager Corporate Communications (m/w/d),
Commercial Project Manager (m/w/d),
Sales Engineer (m/w/d) и другие;

– неологизмы, образованные с помощью первого немецкого компонента и последнего англоязычного компонента:

Produktmanager (m/w/d), *Projektmanager PMO (m/w/d) für Transport Management System*, *Transport Manager (m/w/d)* и другие.

Следует заметить, что существование неологизмов ограничено во времени: они присутствуют в системе языка как таковые на протяжении относительно небольшого временного периода. Затем эти новые наименования могут войти в общий словарный состав языка и перестать быть неологизмами, либо постепенно их вытесняют синонимы.

Нельзя не отметить, что наряду с положительными сторонами процесса заимствования иноязычных наименований лиц по профессии исследователи языка выделяют и отрицательные. К положительным моментам относится, прежде всего, интернационализация системы наименований лиц по профессии. Это способствует укреплению международных связей специалистов, которые могут воспользоваться единой системой наименований. Положительно оценивается также пополнение языка новыми словообразовательными средствами, что позволяет кратко и точно назвать лицо по профессии, тем самым обеспечить гарантии успешной коммуникации между представителями различных культур и носителями разных языков. И большинство слов английского происхождения вытесняют немецкие слова именно благодаря своей компактной структуре и удобству использования. С другой стороны немецкие наименования вытесняются из активного словаря заимствованными, а следовательно, возникают трудности восприятия новых слов носителями языка. Немецкие пуристы, с поддержкой правительства, прикладывают значительные усилия и в некоторой степени

добились определенных успехов для того, чтобы в официальной терминологии вытеснить из языка иностранные названия профессий. Так, на сайте berufenet.arbeitsagentur.de представлены регламентируемые на государственном уровне профессии в области медицины, правоведения и образования, и среди них практически не встречаются современные заимствования из английского языка, в большинстве своем это немецкие наименования лиц по профессии [Reglementierte Berufe, URL]:

*Assistenzarzt / Ärztin, Beamt(er / in)-Bundesbank,
Berufsflugzeugführer / in, Sportarzt / Ärztin, Wirtschaftsprüfer/in,
Steuerberater / in* и другие.

В тоже время, на всех сайтах с объявлениями о вакансиях, а также в соответствующих разделах периодических изданий заголовки текстов рекламных объявлений в различных профессиональных сферах изобилуют наименованиями англоязычного происхождения.

Современное общество стремительно развивается, а следовательно, в постоянном движении находится и лексическая система языка, которая является наиболее чувствительной среди других подсистем языка к социальным изменениям. Представляя собой открытый класс лексических единиц, наименования лиц по профессии подвергаются постоянным количественным и качественным изменениям, которые происходят с течением времени под влиянием многочисленных внешних факторов. Одни лексические единицы приходят в язык вместе с новыми или заимствованными предметами и явлениями, другие, наоборот, начинают использоваться не так часто и постепенно исчезают из языкового употребления, отражая таким образом закономерности существования человеческого общества и его культуры. Устойчивость, или, напротив, недолговечность этих лексических единиц различна, но в момент их появления и использования обществом они в той или иной степени отражают характер изменившейся ситуации. Комплексное изучение неологизмов и архаизмов в области наименований лиц по профессии позволяет, с одной стороны, глубже проникнуть в сущность процессов постоянной эволюции лексических систем и подсистем, а с другой, прогнозировать вероятные изменения в системе наименований лиц по профессии в связи с той или иной ситуацией на рынке труда Германии.

Литература

- Анохина Т.О. Неологизмы в современных немецких интернет-ресурсах // Концепт. 2016. Т. 15. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2016/96048.htm>.
Годжаева Н.С. Неологизмы современного немецкого языка. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3-2.

Кожанова Н.В. Наименования лиц по профессии в немецкоязычной картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007.

Михеева Е.И. Неологизмы современного немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 1998.

Ольшанский И.Г., Гусева А.Е. Лексикология: Современный немецкий язык = Lexikologie: Die deutsche Gegenwartssprache. М., 2005.

Устаревшие слова // Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС). [Электронный ресурс]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/540a.html>

Archaismen. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kunst-worte.de/archaismen/>
Gabriel Hofmann. Der «Automechaniker» wird zum «Kfz-Mechatroniker». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vitaminde.de/leseproben/leben/208-leseprobe-aus-nr-72.html>

Moderne Jobtitel verstehen und erklären. [Электронный ресурс]. URL: https://www.t-online.de/finanzen/jobs/id_85502240/serioes-oder-kurios-moderne-jobtitel-verstehen-und-erklaren.html

Reglementierte Berufe. [Электронный ресурс]. URL: <https://berufenet.arbeitsagentur.de>

References

Anokhina T.O. *Neologizmy v sovremennykh nemetskikh internet-resursakh* [Neologisms in Modern German Internet Resources]. *Kontsept* [Concept]. 2016. Vol. 15. URL: <http://e-koncept.ru/2016/96048.htm>.

Godzhaeva N.S. *Neologizmy sovremennogo nemetskogo yazyka* [Neologisms of Modern German Language]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. 2014. No. 3-2.

Kozhanova N.V. *Naimenovaniya lits po professii v nemetskoyazychnoy kartine mira* [Names of Persons by Profession in the German-language Picture of the World]. Cand. of Filol. Diss. Barnaul, 2007.

Mikheeva E.I. *Neologizmy sovremennogo nemetskogo yazyka* [Neologisms of the Modern German Language]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Kursk, 1998.

Ol'shanskiy I.G., Guseva A.E. *Leksikologiya: Sovremennyy nemetskiy yazyk* [Vocabulary: Modern German] = *Lekhikologie: Die deutsche Gegenschchartssprache*. Moscow, 2005.

Ustarevshie slova [Obsolete Words]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' (LES)* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/540a.html>

Archaismen. URL: <https://www.kunst-worte.de/archaismen/>
Gabriel Hofmann. *Der «Automechaniker» wird zum «Kfz-Mechatroniker»*. URL: <https://www.vitaminde.de/leseproben/leben/208-leseprobe-aus-nr-72.html>

Moderne Jobtitel verstehen und erklären. URL: https://www.t-online.de/finanzen/jobs/id_85502240/serioes-oder-kurios-moderne-jobtitel-verstehen-und-erklaren.html

Reglementierte Berufe. URL: <https://berufenet.arbeitsagentur.de>

НОМО HEROICUS В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

О.В. Томберг

Ключевые слова: героизм, ценность, древнеанглийская литература, образ, концепт.

Keywords: heroism, value, Old English literature, image, concept.

DOI 10.14258/filichel(2020)4-08

Антропологический подход в филологических исследованиях предполагает фокус на изображении человека в различных знаковых системах. Каждая из них имеет свои средства и подходы к репрезентации различных сфер человеческого бытия, внутреннего мира и внешних деяний человека, его взаимодействия с окружающей действительностью.

Высокая степень антропологической маркированности характерна для сферы искусства, а основной темой искусства всегда является человек [Ортега-и-Гассет, 1974, с. 173]. Подход к изображению человеческой личности, выработанный литературой, зависит от ряда факторов как исторического и общекультурного, так и художественного и лингвистического характера. К первым можно отнести широкий исторический контекст, на фоне которого складывается тот или иной тип человеческой личности, тип культуры, ее идеологические установки, политические и экономические особенности развития общества, социальные стереотипы и т.д. Вторым – специфика художественного мышления эпохи, особенности национального, поэтического языка.

Поскольку «человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст» [Бахтин, 1986, с. 301], значимую роль в изучении человека определенной исторической эпохи играют художественные тексты этой эпохи. Подходы к анализу художественной личности в текстах литературы могут быть различны. Это может быть структурно-семиотический подход [Лотман, 1998], эстетико-философский подход [Бахтин, 1986], историко-стилистический подход [Лихачев, 1970; Топоров, 1995], коммуникативный подход [Дементьев, 2013; Савельев, 2018], лингводискурсивный подход [Карасик, 2015]. Изучение человека в рамках лингвокультурной парадигмы фокусирует исследовательское внимание на ценностной стороне человеческой личности, ценности

при этом трактуются как высшие ориентиры поведения, которые определяют систему предпочтений человека в его действиях и мнениях, проявляются в нормах и предписаниях, регулирующих поступки человека [Карасик, 2015, с. 68]. Лингвоаксиологический подход к анализу художественной личности предполагает выявление ее ценностных характеристик в соотношении с ценностями культуры и то, как это отношение репрезентировано в языковой ткани художественных произведений. Это реализуется на различных уровнях репрезентации личности: в ее сюжетных функциях, коммуникативных проявлениях (речеповеденческие реакции), лингвостилистических характеристиках, концептуальном охвате (что предполагает описание ценностных концептов, которые репрезентирует данная личность).

Художественным макроконцептом человеческой личности является художественный образ, персонажи можно определить как его частные репрезентанты в текстах культуры. Охват человеческой личности в художественном образе ограничен. Причиной тому может быть жанровое пространство, в рамках которого эта личность изображена, поскольку каждый жанр моделирует определенный тип человека. Жанры представляют собой «углы зрения, под которыми рассматриваются важнейшие стороны человеческого. Каждая эпоха привносит с собой свое истолкование человека, принципиально отличное от предыдущего. Вернее, не привносит с собой, а сама есть такое истолкование. Вот почему у каждой эпохи – свой излюбленный жанр» [Ортега-и-Гассет, 1974, с. 173-174]. Отлитая в определенную жанровую форму мысль утверждает тот или иной мировоззренческий принцип. Если это эпос, то «это размышление о бытии в самом крупном плане, по самому большому счету и через самые коренные ценности» [Гачев, 2008, с. 75]. Отсюда деятельностный ракурс репрезентации эпической личности. Этот ракурс также характерен для изображения фольклорных образов [Варламова, Дьяконова 2019, с. 81-83]. Необходимость более личного, «внегосударственного способа общения с бытием» [Гачев, 2008, с. 133] обусловила развитие лирического мироощущения и появление лирических жанровых форм. В аспекте изображения человека лирика ориентирована на психологическую рефлексию, внутренний мир личности. Жанр также предопределяет виды и характер художественных средств для изображения человека. Внутренний монолог, так часто встречающийся в лирике, неприемлем для непротиворечивой эпической личности. Директивный стиль эпических повествований не может быть способом раскрытия внутренних переживаний лирической личности. Таким образом, при изучении художественного воплощения идеи о человеке

той или иной эпохи необходимо учитывать жанрово-стилистическое пространство, в котором он репрезентирован.

Жанровый состав литературы той или иной эпохи определяется концептуальной доминантой этой эпохи, общим мировоззренческим и ценностным климатом. Героический вектор осмысления человеческой личности является доминантным в древнеанглийской культуре (VI–XI век н.э.), им отмечено большинство литературных жанров: героический эпос, героические песни, героические элегии. Религиозный эпос также имеет тесные связи с героической традицией: в основе жанрового повествования лежит конфликт, на фоне которого рельефно проявляются героические качества и героические деяния христианских святых. Поскольку героика и героическое мироощущение – это доминанта древней культуры [Хализев, 2004, с. 88; Veechu, 2010, с. 18], героические ценности можно определить как ядро аксиосферы этой культуры. Героические ценности определяют логику развертывания концептуальных смыслов в литературе, являются мотивационной основой деяний литературных персонажей. В максимальной степени эти ценности отражены в персонажах, репрезентирующих мужские образы: воина, героя, короля, которые являются носителями героической идеологии и героического этоса.

Каждый из этих образов репрезентирует определенные грани *homo heroicus*.

Герой защищает свое племя, свой народ и человечество в целом. Он способен победить драконов и чудовищ в рукопашной схватке. Культурным прототипом образа является тотемный предок из ритуально-обрядового прошлого культуры. Связь с архаичным тотемом сохранилась в имени героя (Beowulf – кеннинг медведя). Герой, как и тотем, защищает свой народ и гармонизирует действительность, своими поступками снижая отрицательную энтропию окружающего мира [Сапронов, 2005; Плахов, 2008; Monette, 2013]. Связями образа с волшебной сказкой можно объяснить «негероическую» молодость Беовульфа:

<...> Hean wæs lange, swa hyne Geata bearn godne ne tealdon,
ne hyne on medobence micles wyrðne drihten / Wedera gedon wolde;
swyðe wendon / þæt he sleac wære, æðeling unfrom. Edwenden cwom
tiredigum menn torna gehwylces (Beo, 2183 – 2189)¹

(For a long time he was despised, as the children of the Geats accounted him no good, nor did the lord of the Weders wish to honor him of great worth

---

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

on the mead-bench — they all believed strongly that he was lazy, a feeble noble. The reversal arrived of every woe to the glory-blessed man).

Герой олицетворяет ценность человеческой личности и ценности коллектива; сферой их объединения является феномен героизма: героическая личность является активной, она выделяется из коллектива своими неординарными поступками в стремлении отстоять и защитить интересы коллектива.

Жанровым пространством развития образа является героический эпос, а основным способом художественного изображения – идеализация, в соответствии с которой складывается героический характер и формируются его типичные черты. Сюжетные деяния эпического героя мотивированы общественной необходимостью и развиваются в рамках кровно-родовой формы социальных отношений.

Лингвостилистическими маркерами героя являются образные средства древнеанглийского языка с положительной коннотацией. Семантическое выделение Беовульфа как *homo heroicus* происходит благодаря широкой палитре эпитетов с семантикой смелости (*heafþudeor*), ненависти к врагам (*wæltreow wiga*), силы (*modgan mægnes, strenge getruwode, wigena strengest, mundgripe mægenes, mægnes blæd*), мужества (*ellenrof*), стойкости (*hearda Higelaces þegn, niðheard cyning, heard under helme, ealliren*), благородства (*æþele cempa*), уверенности в победе (*sigehreð secgum, sigoreadig secg*), мудрости (*snotor ond swyðferhð*). Беовульф выделен по высочайшей степени данных качеств: он самый сильный (*strengest*), самый любимый (*leodum liðost ond lofgeornost*), самый смелый (*cenost*), самый достойный (*weorðfullost*), самый умный (*monðwærust*), самый добрый (*mildust*), самый лучший (*betstan*):

1) *se wæs moncynnes mægenes strengest* (Beo, 196)

(He was the strongest of power among mankind...);

2) *Hæfde se goda Geata leoda*

cempan gecorone þara þe he cenoste findan mihte (Beo, 205 – 207)

(This outstanding hero had chosen champions from the Geatish tribe, from those he found keenest for battle...);

3) *swa he manna wæs wigend weorðfullost wide geond eorðan* (Beo, 3098 – 3099)

(As he was the most praiseworthy warrior of all men, throughout this wide earth...);

4) *cwædon þæt he wære wyruldcyninga*

manna / mildust ond monðwærust, leodum liðost ond lofgeornost (Beo, 3180 – 3182)

(They told that he was the mildest of men, the kindest of worldly kings, most gracious of chieftains and the most eager for praise).

На коммуникативном уровне герой озвучивает ключевые ценности англосаксонской культуры как нравственный императив своего поведения. Подобная предписывающая тональность речевого поведения Беовульфа реализуется посредством директивных речевых жанров и частотностью употребления в них модальных конструкций:

1) forgrand gramum, ond nu wið Grendel sceal,
wið þam aglæcan, ana gehegan ðing wið þurse (Beo, 424 – 426)

(I must pay him back alone, that wretched monster, that demon...);

2) Ac ic him Geata sceal eafod ond ellen ungeara nu, gupe gebeodan (Beo, 601 – 603)

(But I must show him in battle the might and courage of the Geats very soon);

3) Nu sceall billes ecg, hond ond heard sweord, ymb hord wigan (Beo, 2508 – 2509)

(Now must the sword's edge, the hand and the hardened blade battle over the hoard...);

4) Ealle wyrd forsweop

mine magas to methodscafte, eorlas on elne; ic him æfter sceal. (Beo, 2814 – 2816)

(The way of the world has swept them all away, my own kinsmen, to their allotted fate,

chiefs in their courage. I must go after them...).

В четвертом примере приведены последние слова Беовульфа, которые также маркированы директивной модальностью.

На концептуальном уровне герой соотнесен с большим числом концептов героической картины мира. Прежде всего, это концепт войны, представленный в образе ядерными 23 лексемами и лексическими сочетаниями: *gúþ, beadu, heaðu, wig, sæc, here, searonið, orleghwil, heaðulac, hildeblac, heaðufyre, beadufulme*, лексемам *gúþ, beadu, heaðu, wig*. Война для Беовульфа – это место проявления подвига и реализации своего предназначения, поэтому концепт развернут в положительных ассоциативных связях. Так, аллитерация связывает его с героическими ценностями дружбы, Бога, вождя, подвига: *guma – guðum – godum dædum* (Beo, 2178); *guð – god* (Beo, 1658); *Geata dryhtne – guð* (Beo, 2483); *winigea – wæpne* (Beo, 1664).

Лексические репрезентанты концепта войны являются основой большого количества поэтических композитов и кеннингов, напрямую или косвенно связанных с военной сферой. Прежде всего, это концепт военных артефактов: военное обмундирование (*hilde-geatwe*);

седло (*hildesetl*); военное знамя (*hildecumbor*); оружие (*hilde-tusc*); меч (*hildebil*, *guðsweord*, *beadomece*, *beado-leóma*, *gúþ-bil*); кольчуга (*beadohrægl*, *beaduscud*, *guþgewæd*, *herenet*); шлем (*guðhelm*, *heaðostearn helm*, *heaðobyrne*); щит (*wigbord*); концепты воина (*guðwiga*, *guðrinc*, *guðgeata*, *guðcyning*, *fepcempa*); подвига (*guþgeweorc*); врага (*gúþ-floga*). Текстовые ассоциативные связи соединяют войну с чувственной сферой: ненавистью (*wigbealu*, *wighete*); яростью (*heaðugrim*); боевыми качествами: силой (*hildestrengo*, *hildedeor*, *wig-cræftig*); славой (*heaðomære*, *guðhred*, *widcufe*); кровью (*heaþoswat*); песней (*gúþ-leóþ*); дворцом (*guðsele*).

Значимыми для героя являются также концепты родства, богатства, славы, судьбы. При этом из всех героических образов только для героя открывается возможность преодолеть традиционное в культуре пациентивное отношение к судьбе. Качеством, противостоящим силе судьбы (*metodsceaft*), является мужество героя (*ellen*):

<...> Wyrð oft nered unfægne eorl, þonne his ellen deah (Beo, 572 – 573).

(The course of events often spares the doomed earl, when his courage avails).

Влияние раннехристианской идеологии обуславливает значимость Бога для образа древнеанглийского героя. Герой концептуализирует Бога в трех основных метафорических моделях. Бог – это господин (*Dryht/dryhten*, *Frean*, *Al-wealda*), герой подчиняется Богу. Бог – это судья (*Dema*, *scrifan*), герой соотносит свои поступки с мнением Бога, а Бог помогает герою, обрекая на свой суд злых врагов. Бог – это защитник (*hild*, *frofor*, *fultum*). К защите Бога Беовульф обращается в кульминационные моменты: перед боем с Гренделем, его матерью и после боя с драконом. Бог-защитник наделяет героя еще большей силой (*modgan mægenes*, *mægenes strenge*), помогает завладеть кладом. В эти моменты Бог концептуализируется в понятиях германской героической аксиологии: как справедливый, сильный король (*sigora soðcyning*, *strenge*), даритель ценностей (*gimfæste gife*).

Образ **воина** является художественной проекцией семантической сферы «воин», широко разработанной в древнеанглийской культуре. Она включала 91 лексему и детализировалась по многим параметрам. Наиболее номинативно насыщенной (23 лексемы) была группа со значением «воин как участник военных действий»: *beadurinc*, *cempa*, *cumbolwiga*, *dryhtguma*, *dryhtmann*, *fierdesne*, *fierdmann*, *fierdrinc*, *folcwiga*, *gúðfreca*, *gúðfremende*, *gúðgelæca*, *gúðmæcga*, *guþwiga*,

headurinc, hererinc, hildefreca, hilderinc, hildepremma, hildstapa, wigmann, wigsmiþ, dreng. Воины конкретизировались по следующим принципам: гендерному (воин-мужчина: *gumrinc, heremæcg, rinc, secg, swán*; женщина-воин: *cempestre*); возрастному (молодой воин: *cniht, dreng, hagosteald, hagostealdmann, hyse, magorinc, magu, fyrdesne*); социальному (воин благородного происхождения: *beorn*; король-воин: *gúdcyning*); ранговому (воин-вождь: *þéodguma*; воин-адъютант: *dryhtgesiþ, gesiþ, þegn*; воин-слуга: *magopegn*); деятельностью (воин-морьяк: *heapulipende*; воин-враг: *sceaþa*; воин, выслеживающий врага: *herewæþa*; воин, защищающий город: *burgwigende*). При номинации воинов учитывались также их качества (сильный воин: *þéodwiga, þrymma, werbéam*; яростно сражающийся воин: *heoruwulf, herewósa, wælwulf*; храбрый воин: *freca, hearding*; известный воин: *hrepmann, hrepsecg*; воин-герой: *beornwiga, eorl, freca, gúðrinc, oretmæcg, oretta, hælep*; воин-победитель: *sigebeorn, sigecempa*); их обмундирование и внешняя атрибутика (воин в доспехах: *byrnwiga, byrnwigend / byrnwiggend, searuhæbbend*; воин-копьеносец: *garberend, gárwiga, gárwigend*; воин-щитоносец: *lindhæbbende, lindwiga, randhæbbend, randwiga, randwigend, scildfreca*; воин в шлеме: *helmberend*; воин с мечом: *sweordfreca, sweordwigend*; вооруженный воин: *ordwyga, wæpenbora, wæpenwiga*; воин-лучник: *sceotend*; воин-знаменосец: *segnberend*).

В литературе воин представлен наибольшим числом персонажей (по сравнению с другими образами). 33 персонажа (*Wiglaf, Unferth, Ecgþeow, Breca, Guðlaf, Oslaf, Æschere, Eadmund, Garulf, Sigeferð, Eaha, Guðlaf, Eadric, Byrhtnoð, Wulfstan, Ælfere, Maccus, Oswald, Eadwold, Wistan, Æberic, Guðhere, Deor, Wulf, Widsið, Ælfnoth, Wulfmæc, Ælfwine, Offa, Leofsunu, Dunnere, Æscferth*) репрезентируют образ во всех героических и героико-лирических жанрах (героический эпос, героические песни, героические элегии). Так же, как и герой, воин получает преимущественно положительную сюжетную и стилистическую маркированность в культуре. Однако для воина отмечены также отрицательные сюжетные роли, которые связаны с мотивами предательства вождя (воины-соплеменники Беовульфа) и бегства с поля боя (*Godric, Godwine u Godwig* во время битвы англосаксов с викингами при Мэлдоне). Лингвостилистическими маркерами воинов-предателей являются эпитеты *treowloga* (предатель), *giþe forbugan* (сбежавший с поля боя), *earh* (слабый), *hildlata* (трусливый), *elne forleas* (потерявший мужество), *domleasan* (бесславный), *edwitlif* (ведущий позорную жизнь), *unleof* (нелюбимый):

1) *Næs þæt na se Godric þe ða guðe forbeah* (The Battle of Maldon, 325)

(This certainly was not the Godric who flew from the fight);

2) <...> æt ða hildlatan holt ofgefan, tydre *treowlogan* tyne ætsomne (Beo, 2846 – 2847)

(It was not too long before the battle-slow gave up the forest, the craven troth-breakers...);

3) Us Godric hæfð, earh Oddan bearn, ealle beswicene (The Battle of Maldon, 237 – 238)

(Godric, the cowardly son of Odda, has betrayed us all);

4) <...> syððan æðelingas feorran gefricgean fleam eowerne, *domleasan dæd* (Beo, 2889 – 2890)

(<...> after nobler men shall learn from afar of your flight, this glory-shorn deed);

5) Wiglaf maðelode, Weohstanes sunu, sec, sarigferð seah *on unleofe* (Beo, 2861 – 2863)

(Wiglaf made a speech, the son of Weohstan, a man sorry-hearted, looking upon the unloved...).

Однако в целом доминантной является положительная лингвостилистическая тональность образа воина. Его основные характеристики восходят к денотатам: мужества и смелости (*modig, heardlice, deór-mód, ellenróf collenferð*); силы (*fæste mid folman, stiþecg*); стойкости (*wigheard*); бесстрашию (*unforhte, un-earh, forþ-georn*); готовности к бою (*gearowe, fus*); мудрости (*frod, frodan fyrnwitan, gleaw, snotor*); молодости (*geong*); гордости (*wlanc, modwlonc*); благородства (*æþele, cuningbald*); богатства, процветания (*goldhladen, blædfæst*); славы (*wide cūð, modsefa manegum gecyded*); любви (*leof, deorest, deormod*).

Воина и героя сближают коммуникативные и концептуальные характеристики.

Так же, как и герой, воин связан с мифологическим прошлым англосаксонской культуры. Так, ономастикон воинов содержит мифопоэтические концепты волшебства, природы (фито- и зооморфные концепты) и язычества. Общегерманское языческое прошлое представлено в именах воинов *Oslaf* и *Oswold* (*os(ass)* – божество). Близко к асам в германо-скандинавской мифологии располагались эльфы (др. англ. *ælf*) – светлые духи природы, представленные в именах воинов *Ælfere* и *Ælfwine*. Шесть имен воинов содержат зоо- и фитоморфные концепты волка (*Wulfstan, Wulf, Wulfmæc, Garulf*), оленя (*Deor*) и ясеня (*Æscferth*). Несмотря на превалирующую отрицательную коннотацию символического концепта волка в общегерманской мифологии как хаоса, пришельца, врага (например, гигантский волк Фенрир, поглотивший Солнце и, в

конце концов, запертый в недрах земли), положительная интерпретация волка была мотивирована его способностью видеть ночью. Это явилось основанием для символической интерпретации волка как солнечного света, прародителя людей. В дальнейшем развитие положительной трактовки волка шло в направлении его героизации на основе таких качеств, как храбрость, победа, забота о пропитании [Тресиддер, 1999; Frantzen, 2013]. Воинственный дух волка, его храбрость в битве с противником отражены в именах древнеанглийских воинов и усилены вторыми компонентами имен-кеннингов (*Garulf*: gar – копье; *Wulfstan*: stan – боевое мужество; *Wulfmær*: mæg – слава). Значимость ясеня в архаичной мифологии поддерживалась параллелями с мировым деревом Иггдрасилем, ветви которого распростерты над всем миром. Этимологические параллели связывают ясень и первопредка человека: первый мужчина Аск (др.-исл. askr – ясень) был сотворен из ясеня. Ясень благосклонен и дружелюбен по отношению к человеку, символизирует добрые предсказания [Топоров, 2014, с. 520]. Эта семантика отражена в имени воина *Æscferth*, второй элемент кеннинга подчеркивает ее миролюбивый характер: *friþ*, *fryþ* (мир, безопасность). Олень в архаичных культурах символизировал уединение и непорочность, сходство оленьих рогов с ветвями сближало животное с Древом Жизни, а стремительность, грация и красота ассоциировали его с поэзией и музыкой [Тресиддер, 1999, с. 250]. Имя воина-скопа в героической элегии «Деог» связывало две этих характеристики: по сюжету скоп Деор оторван от короля и соплеменников, страдает от одиночества и слагает о себе песню.

Для воина, так же, как и для героя, особенно значимы концепты войны, славы, богатства, а также раннехристианская аксиологема Бога. Для воина и героя богатства важны как материальные доказательства их побед и заслуг на поле боя, как часть удачи, которой с ними делится король-конунг, как слава его рода. Принятие даров обязывает воина и героя к ответному долгу – преданности своему королю:

þonne we / geheton ussum hlaforde in biorsele, ðe us ðas beagas geaf,
þæt we him ða guðgetawa gyldan woldon (Beo, 2636 – 2634)

(*We promised our lord in the beer-hall, who gave us these rings, that we wanted to repay him for this war-tackle...*).

Непринятие даров – это антиценность, оно приводит воина к поражению или смерти на поле боя:

mid ðý ðú Gúðhere scealt béot forbígan, ðæs ðe hé ðás beaduwe ongan
mid unryhte áerest sécan:

forsóc hé ðám swurde ond ðám syncfatum béaga mæ; nú sceal béaga léas

hworfan from ðisse hilde, hláford sécan ealdne éðel oððe hér áer swefan gif hé ðá (Waldere, 24 – 31)

(With it you shall Guthere's wrongly first to seek: he refused the sword and the precious treasures, many rings; now he must, ringless, turn from this battle, the lord must seek his old homeland or here sleep in death before if he then...).

На коммуникативном уровне доминантным паттерном поведения воина и героя является непротиворечивое поведение, которое полностью вписывается в систему ценностных ориентиров героической культуры. Прежде всего, это императивные речевые жанры как отражение нравственного императива героических образов. Во-вторых, это традиционные речевые формы, имеющие четкие прагматические установки в культуре: хвальба (похвала Беовульфу, автопохвала Беовульфа) как способ стяжания славы у древних германцев и проецирования ее «вовне», она моделировала героическое поведение воинов и закрепляла их боевую славу [Сапронов, 2005, с. 128-130]. Вторым частотным жанром речевого поведения воинов и героя был словесный поединок (перебранка). Прагматика данного жанра определялась его способностью моделировать исход битвы на поле боя: считалось, что та сторона, которая выходила победителем в споре, побеждала в сражении. Поэтому большинство словесных поединков предвзяло реальные или возможные столкновения на поле боя: словесные поединки Бирхтнота перед боем с викингами («The Battle of Maldon»), Вальдере с Гудхере («Waldere»), перебранка датского стража и Беовульфа («Beowulf»). Перенос словесной поединка с поля боя в другой коммуникативный контекст (напр., перебранка Унферта и Беовульфа в пиршественном зале Хеорота) иллюстрирует процесс «семиотического ослабления», при котором ритуальные функции претерпевают трансформации от сильного символа к ослабленному субституту и, в дальнейшем, совсем слабому знаку [Проскурин, 2015, с. 19].

Расхождения в репрезентации двух образов связаны, прежде всего, с большим разнообразием жанровых пространств, в которых актуализирован образ воина. Помимо эпических, образ воина раскрывается в лирико-героических жанрах (героические элегии), что обуславливает определенную степень освоения внутреннего аспекта личности воина. Характер героя раскрывается в жанре эпоса, поэтому он осмыслен через деяния и максимально слит с сюжетными событиями [Михайлов, 2006, с. 33]. Герой – непротиворечивая личность, его психология и внешние деяния составляют единое целое. М.И. Стеблин-Каменский объяснял это отсутствием интереса к

личности и смещением тематического фокуса к темам войны, вражды и межплеменных распри [Стеблин-Каменский, 1984, с. 75]. А.Я. Гуревич характеризует данную особенность как поэтический прием «выразительного / красноречивого молчания», имеющий общегерманское происхождение [Гуревич, 1986, с. 19-20].

С образом воина ситуация несколько иная. Лирический компонент в жанровом охвате образа предполагает раскрытие чувств и эмоций воина. Его внутреннее «я» развернуто на фоне трагических событий и ситуаций, в которые попадает воин-скоп («Deor», «Widsith»), воин-странник («Wanderer»), воин-моряк («Seafarer»). Эти события чаще всего стоят за пределами элегического повествования и представлены в размышлениях и переживаниях героев. Воин разлучен со своим королем и соплеменниками, не участвует в пирях в дружинных палатах. Психологическая рефлексия воина на эти события представлена мотивами потери, тоски, одиночества и горя. Чувства воина (*modsefa*) представлены эмотивами горя, несчастья и одиночества. Самым панорамным изображено горе воина, оно представлено 22 лексемами: *earncearig*, *dreorig*, *werig*, *grim*, *wintercearig*, *seledreorig*, *freondleas*, *sorg*, *anhoga*, *wineleas*, *sare*, *cearo*, *dreorigheor*, *torn*, *cearselda*, *merewerge*, *feasceaftig*, *breostceare*, *sorgcearig*, *hearm*, *gehðo*, *bleat*. Стоит отметить высокую степень детализации этого чувства: это может быть горе, вызванное несчастьями (*earncearig*), грузом прожитых лет (*wintercearig*), невозможностью вернуться во дворец (*seledreorig*). Горе дифференцируется по силе: от очень сильного (*torn* / *bitter* – causing violent emotions of grief or anger) до более умеренного (*dreorig* – dreary, sad, sorrowful [Bosworth & Toller, 1882 – 1898]). Горе детализируется даже по локации: лексемы *sweorced* (*sweorcendferhp*) и *modcearig* определяют горе как чувство, сидящее в глубине души [Bosworth & Toller, 1882 – 1898]. Текстуальные связи ассоциируют горе воина со смертью вождя и друзей (пример 1), изгнанием (пример 2), разлукой с родной землей, королем и соплеменниками (пример 3), одиночеством и испытанием голодом и ненастьем (пример 4):

1) Sume wig fornom, ferede in forðwege, sumne fugel oþbær
ofer heanne holm, sumne se hara wulf
deaðe gedælde, sumne *dreorigheor* in eorðscraefe eorl gehydd
(Wanderer, 80 – 84)

(War destroyed some, ferried along the forth-way, some a bird bore away over the high sea, another the grey wolf separated in death, another a teary-cheeked warrior hid in an earthen cave);

2) hæfde him to gesiþþe *sorge* and *longaþ*, *wintercealde* wræce (Deor, 3 – 4)

(*As mates he kept sorrow and longing, wrack winter-cold*);

3) ðonne sorg ond slæp somod ætgædre *earmne* anhogan oft gebindað (Wanderer, 39 – 40)

(*When sleep and sorrow both together constrain the miserable loner so often*);

4) þær þa ceare seofedun hat ymb heortan; *hungor* innan slat *merewerges* mod.

Þæt se mon ne wat þe him on foldan fægrost limpeð, hu ic *earmcearig* iscealdne

sæ winter wunade wræccan lastum, winemægum bidroren (Seafarer, 10 – 16)

(*Oppressed by chills were my feet, bound up by frost, with cold chains, where these sorrows sighed hot about the heart — hunger tearing within the sea-wearied mind. He does not know this fact who dwells most merrily on dry land— how I, wretchedly sorrowful, lived a winter on the ice-cold sea, upon the tracks of exile, deprived of friendly kinsmen, hung with rimy icicles*).

Воин часто испытывает состояние одиночества (*anhoga*), вызванного изгнанием (*wræclast*) и покинутостью друзьями (*winemægum bidroren / freondleas / wineleas*). Темы изгнания и одиночества разворачиваются на фоне покинутости воина королем и дружинниками («Wanderer», «Deor»), одиночества в борьбе с разбушевавшейся стихией («Seafarer») и реализуются в речезанровых формах жалобы и мольбы.

Еще одним чувством воина является любовь (*leof, clyppe, cysse*), которая осмыслена как любовь к вождю и королю:

1) ond þonne geferian frean userne, *leofne* mannan, þær he longe sceal on ðæs waldendes wære geþolian (Beo, 3107 – 3109)

(*When we bear our lord, that beloved man to where he must remain for a long time, in the keeping of the Sovereign*);

2) þinceð him on mode þæt he his mondryhten *clyppe* ond *cysse* ond on cneo lecge honda ond heafod (Wanderer, 41- 43)

(*It seems to him in his mind that he embraces and kisses his lord, and lays both hands and head on his knee...*);

3) Swa ic þæt symle onfond on þære feringe, þæt se biþ leofast londbuendum se þe him god syleð gumena rice to gehealdenne, þenden he her *leofað* (Widsith, 131 – 134)

(*So I always discovered that in that venturing, that he is most cherished among the land-dwellers*

he who God gives the realm of men to hold onto, so long as he lives).

Определенная эмоциональная составляющая также присутствует в образе **короля**. Его внутренний мир репрезентирован концептом горя, которое осмыслено как очень сильная и всепоглощающая эмоция: *sorhwyllum* – violent emotion of anxiety or sorrow [Bosworth & Toller, 1882 – 1898], *modes brecca* – разрывающая душу, *modceare sorhwyllum sead* – большое, наполненное горем озеро:

1) Ic ðæs *modceare sorhwyllum sead*, siðe ne truwoðe leofes mannes (Beo, 1992 – 1994)

(*For this I boiled in mind-cares, sorrow-wellings...*);

2) þæt wæs wræc micel wine Scyldinga, *modes brecca* (Beo, 170 – 171)

(*That was a mighty wrack for the Scyldings' friend, a breaking of his heart*).

В отличие от горя воина в эггическом жанровом пространстве, горе короля раскрывается в жанре героического эпоса. Такие «негероические» эмоции развернуты в ассоциативно-смысловом контексте вражеской угрозы для всего народа: горе текстуально связано с концептами врага (*Grendel*), смерти дружинников (*Dead is Æschere*), разрушения (*geniwan*).

Сюжетные функции короля являются более разнообразными, чем функции героя и воина и включают в себя следующие аспекты:

- мудрое правление;
- способность отстоять интересы своего народа на поле боя;
- поощрение мужества своих воинов дарами и другими символическими действиями (возведением дворца для воинов, адаптацией самых смелых из них);
- почитание христианской веры и христианских ценностей.

Характеристика короля выражена поэтической формулой *þæt wæs god cuning!* (Beo, 11, 2390), которая, по мнению исследователей древнеанглийской литературы, в концентрированном виде репрезентирует идеал героического короля: его военные успехи, решительность, способность на героические поступки, щедрость и соответствующее статусу отношение к материальным благам, верность и династическую преемственность [Hill, 2002, p. 161].

В отличие от воина и героя, король не должен быть молодым. Напротив, молодой король не имеет достаточно опыта и не всегда способен давать мудрые советы:

<...> ne hyrde ic snotorlicor on swa geongum feore guman þingian (Beo, 1842 – 1843)

(*Nor have I heard a man more wise in making arrangements at such a young age*).

Преклонный возраст короля является положительным концептом, он ассоциируется с мудростью правителя (*wis and wordsnotor*), его прошлыми победами на поле боя (*gudrof*), его способностью защитить родную землю. Так, смелость (*deormod haeð*), возраст (*gamolfeax haeð*) и мудрость (*wis and wordsnotor*) помогли королю Ослаку покорить разбушевавшееся море (*ofer wætera gedring, ofer hwæles eðel*) и захватить новые земли (*hama bereafod*) (Death of Edgar, 24 – 28).

По сравнению с другими героическими образами, образ короля подвергся большей христианизации. Это обусловлено, во-первых, тем фактом, что король представлен не только в героических, но и в религиозных жанрах (религиозный эпос, христианские поэмы), во-вторых, мифопоэтической реминисценцией короля как демиурга, и его главной ролью в архаичных ритуалах, «отсюда – вера в божественность царя, в то, что он носитель идеи порядка, закона, справедливости, подобно солнцу, с которым связываются те же представления в сфере природных явлений» [Топоров, 2010, с. 34]. С одной стороны, это стимулировало номинацию короля в терминах христианства (*tireadig cyning, wuldorcyning, kyning kystum god*). С другой, ассоциативные связи короля с мифопоэтической лексемой *middangeard* (срединный мир) изображали его как демиурга и правителя на земле, в «срединном мире».

Поскольку тема героизма определяла концептуальный дух эпохи, происходил трансфер героической аксиологии на другие образы древнеанглийской литературы. Прежде всего это касается христианских образов: Христа, мужчины-святого и женщины-святой. Так, Христос изображается воином (*beorn*) и героем (*haeð*), молодым (*geong*) и сильным (*modig*). Лексическая основа образа святого также формируется в рамках традиционной героической аксиологии: это лексико-семантические группы оружия и военной атрибутики (*sweord, gar, lind, segl, wæpen*), воина (*haeð, þegn, wiga, æsberend, sigebroðor, lidweard, oretta*), войны (*beadu, gup, mordorcraeftum, guðgewinn*), боевых ран (*heorudolg*), победы (*sige*), богатства (*heahgestreonium, gestreon, gyld*), славы (*wuldor, lof*), хвальбы (*gylp*). Деяния женщины-святой (Юдифи, Юлианы) интерпретировались в контексте героического подвига и требовали, соответственно, маскулинных героических качеств: силы (*fromlice fæmnan*), мужества (*ides ellenrof, ellenwod, ellenpriste, collenferhðe*), мудрости (*snotere mægð, gleawhydig wif, searodoncol mægð, gleaw on gedonce*), готовности вступить в битву (*Judith æt guðe*), решительности и правоты (*anræd ond yrefweorg; yrre*

ond reþe). В результате понятие христианской святости расширилось, соответствовало историко-политическим событиям VIII–XI веков (междоусобные войны, набеги викингов) и интерпретировалось в категориях, понятных большинству англосаксов.

В качестве заключения можно сказать следующее. Ключевые образы древнеанглийской литературы были разработаны в рамках германской героической аксиологии. Основными ценностями, которые репрезентировали образы воина, героя и короля, были героические аксиологемы славы, богатства, войны. Характерологическими особенностями *homo heroicus* данной эпохи были высокая степень нравственного императива, директивная модальность по отношению к себе и другим и непротиворечивое следование нормам героического этоса. Эти личностные ориентиры реализованы в наибольшей степени в пространстве героического эпоса, их максимальная концентрация представлена в образе героя. Тот факт, что образы воина и короля представлены также в других жанровых пространствах, способствует изображению внутреннего аспекта героической личности. Основными чувствами, которые испытывают воины, являются горе и одиночество вследствие оторванности от короля и соплеменников. Любовь героев реализуется как любовь к вождю / королю, подразумевает преданность ему и готовность умереть на поле боя. Концептуальный дух эпохи был проникнут героической аксиологией, это во многом определило развитие в литературе более поздних христианских образов.

Литература

- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Варламова Г.И., Дьяконова М.П. Образы людоедов девупки и чулудгы в фольклоре эвенков // Филология и человек. 2019. № 2.
- Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. М., 2008.
- Гуревич А.Я. Вопросы культуры в изучении исторической поэтики // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М., 1986.
- Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. М., 2013.
- Карасик В.И. Языковое проявление личности. М., 2015.
- Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.
- Лотман Ю.М. Структура художественного текста. СПб, 1998.
- Михайлов А.В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. СПб, 2006.
- Ортега-и-Гассет Х. Краткий трактат о романе // Вопросы литературы. 1987. № 9.
- Плахов В.Д. Герои и героизм. Опыт современного осмысления вековой проблемы. СПб, 2008.
- Проскурин С.Г. Культурные трансферы: проблемы кодов. Новосибирск, 2015.
- Савельев В.С. Летописный женский речевой портрет (на материале «Повести временных лет») // Филология и человек. 2018. № 3.
- Сапронов П.А. Феномен героизма. СПб, 2005.

- Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Становление литературы. Л., 1984.
- Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995.
- Топоров В.Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. М., 2010. Т. 1.
- Тресиддер Дж. Словарь символов. М., 1999.
- Хализев В.Е. Теория литературы. М., 2004.
- Beechy T. The Poetics of Old English. Ashgate, 2010.
- Bosworth J., Toller T.N. Anglo-Saxon Dictionary. Oxford, 1882 – 1898.
- Frantzen A. Anglo-Saxon Keywords. UK, 2012.
- Hill J. «Þæt Wæs Geomoru Ides!» A Female Stereotype Examined. NY, London, 2002.
- Monette C. The Medieval Hero: A Comparative Study in Indo-European Tradition. Sirius Academic Press, 2013.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Beowulf // Complete Corpus of Old English Poetry. URL <http://faculty.virginia.edu/OldEnglish/aspr/a4.1.html>
- The Battle of Maldon // Complete Corpus of Old English Poetry. URL <http://faculty.virginia.edu/OldEnglish/aspr/a9.html>
- Waldere A // Complete Corpus of Old English Poetry. URL <http://faculty.virginia.edu/OldEnglish/aspr/a8.1.html>

References

- Bahtin M.M. *Jestetika slovesnogo tvorčestva* [Aesthetics of Verbal Art]. Moscow, 1986.
- Varlamova G.I., D'jakonova M.P. *Obrazy ljudoedov devupki i chulugdy v fol'klоре jevenkov* [Images of Cannibals Devupka and Chulugdy in Evenk Folklore]. *Filologija i chelovek* [Philology & Human]. 2019. No. 2.
- Gachev G.D. *Soderzhatel'nost' hudozhestvennyh form. Jepos. Lirika. Teatr* [The Content of Art Forms. Epos. Lyrics. Theatre]. Moscow, 2008.
- Gurevich A.Ja. *Voprosy kul'tury v izuchenii istoričeskoj pojetiki* [Cultural Issues in the Study of Historical Poetics]. *Istoričeskaja pojetika. Itogi i perspektivy izučeniija* [Historical Poetics. The Results and Prospects of the Study]. Moscow, 1986.
- Dement'ev V.V. *Kommunikativnye cennosti russkoj kul'tury: kategorija personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative Values of Russian Culture: Category of Personality in Vocabulary and Pragmatics]. Moscow, 2013.
- Karasik V.I. *Jazykovoje projavlenie lichnosti* [Linguistic Manifestation of Personality]. Moscow, 2015.
- Lihachev D.S. *Chelovek v literature Drevnej Rusi* [Man in the Literature of Ancient Russia]. Moscow, 1970.
- Lotman Ju.M. *Struktura hudozhestvennogo teksta* [Art Text Structure]. St. Petersburg, 1998.
- Mihajlov A.V. *Izbrannoe. Istoričeskaja pojetika i germenevtika* [Selected Works. Historical Poetics and Hermeneutics]. St. Petersburg, 2006.
- Ortega-i-Gasset H. *Kratkij traktat o romane* [A Brief Treatise on the Novel]. *Voprosy literatury* [Literature Issues]. 1987. No. 9.
- Plahov V.D. *Geroi i geroizm. Opyt sovremennogo osmyslenija vekovoj problem* [Heroes and Heroism. The Experience of Modern Understanding of the Eternal Problem]. St. Petersburg, 2008.

- Proskurin S.G. *Kul'turnye transfery: problemy kodov* [Cultural Transfers: Code Issues]. Novosibirsk, 2015.
- Savel'ev V.S. *Letopisnyj zhenskij rechevoj portret (na materiale «Povesti vremennyh let»)* [Chronicle Female Speech Portrait (based on the «Tale of Bygone Years»)]. *Filologija i chelovek* [Philology & Human]. 2018. No. 3.
- Sapronov P.A. *Fenomen geroizma* [The Phenomenon of Heroism]. St. Petersburg, 2005.
- Steblin-Kamenskij M.I. *Mir sagi. Stanovlenie literatury* [The World of the Saga. The Formation of Literature]. Leningrad, 1984.
- Toporov V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovanija v oblasti mifopojeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Mythopoetic Studies]. Moscow, 1995.
- Toporov V.N. *Mirovoe derevo. Universal'nye znakovye kompleksy* [The World Tree. Universal Sign Complexes]. Moscow, 2010.
- Tresidder Dzh. *Slovar' simvolov* [Dictionary of Symbols]. Moscow, 1999.
- Halizev V.E. *Teorija literatury* [Theory of Literature]. Moscow, 2004.
- Beechy T. *The Poetics of Old English*. Ashgate, 2010.
- Bosworth J., Toller T.N. *Anglo-Saxon Dictionary*. Oxford, 1882 – 1898.
- Frantzen A. *Anglo-Saxon Keywords*. UK, 2012.
- Hill J. *«þæt Was Geomoru Ides!» A Female Stereotype Examined*. NY, London, 2002.
- Monette C. *The Medieval Hero: A Comparative Study in Indo-European Tradition*. Sirius Academic Press, 2013.

List of sources

- Beowulf // Complete Corpus of Old English Poetry. URL <http://faculty.virginia.edu/OldEnglish/aspr/a4.1.html> (date of access 20.02.2020)
- The Battle of Maldon // Complete Corpus of Old English Poetry. URL <http://faculty.virginia.edu/OldEnglish/aspr/a9.html> (date of access 20.02.2020)
- Waldere A // Complete Corpus of Old English Poetry. URL <http://faculty.virginia.edu/OldEnglish/aspr/a8.1.html> (date of access 20.02.2020)

КАРИКАТУРА НА ОБЛОЖКЕ ИЗДАНИЯ: ТРЕБОВАНИЯ, АНАЛИЗ (THE NEW YORKER, THE WEEK (UK), DER SPIEGEL, THE SPECTATOR)

К.В. Дементьева, М.А. Кузьмина

Ключевые слова: журналистика, карикатура, этика, сатира, медиарынок, аудитория.

Keywords: journalism, caricature, ethics, satire, media market, audience.

DOI 10.14258/filichel(2020)4-09

Введение

Большая часть современных медиатекстов соединяет в себе не только вербальные, но и визуальные (иллюстративные) элементы, где важность последних часто превалирует, но редко рассматривается в исследованиях. Несмотря на непопулярность иллюстративных жанров в теории медиа, именно они часто становятся «визитными карточками» изданий и получают большой процент лояльности от аудитории. Бесспорным лидером в этой «гонке за внимание» становится сатирическая иллюстрация, в контексте нашего исследования – карикатура. Они преимущественно встречаются в газетных иллюстрациях, поскольку изначально несут в себе полноценный информационный посыл, чтобы конкурировать с текстом.

Актуальность исследования объясняется существующей необходимостью и важностью детального рассмотрения функционирования феномена карикатуры и сатирической иллюстрации, как традиционного и обновленного метода социальной критики в журналистике и формата обложки печатного периодического издания. С точки зрения практической значимости в коммуникациях и на «рынке внимания» аудитории, карикатура отражает явление общественной реакции на резонансные и злободневные события и явления. Метод может применяться в работе широкого круга СМК, поэтому требует детального изучения.

Объект исследования – карикатуры и сатирические изображения как метод социальной критики в современных медиа и формат обложки печатного периодического издания.

Предметом исследования является иллюстрированный формат оформления обложек западных печатных периодических изданий.

Настоящее исследование имеет целью выявить особенности феномена карикатуры и сатирической иллюстрации как традиционного и обновленного метода социальной критики в журналистике и формата обложки печатного периодического издания.

Эмпирическую базу работы составили графические и текстовые материалы, опубликованные в изданиях *The New Yorker*, *The Week* (Great Britain), *Der Spiegel*, *The Spectator* в период с 2017 по 2019 годы. Общее количество проанализированного материала жанра иллюстрированной обложки – более 100.

Основными принципами отбора материала для работы являются категории целеполагания и оценки художественности, информативности карикатур, их общественный резонанс и оценка профессионального сообщества. К исследованию данных материалов была применена практика многомерных подходов на основе всестороннего анализа с точки зрения:

- а) их тематики и содержания;
- б) связанных с ними авторских интенций и общих целевых установок издания;
- в) жанровых форм;
- г) стилевых доминант и обусловленных ими художественных средств их выражения, коммуникативных стратегий и техник, отдельных метафорических, гротескных и смысловых приемов оказания заданного воздействия на аудиторию.

Изучение иллюстративной обложки мы начали с теоретического подхода в теории коммуникативистики: междисциплинарность и неоднозначность феномена предполагает теоретический анализ феномена.

При написании статьи нами был применен комплексный подход, предполагающий использование описательного, сравнительно-сопоставительного, аналитического, невербально-культурологического и семантико-стилистического методов работы с материалом исследования, а также метод компонентного анализа, которые позволили выявить специфику эффективного функционирования феномена иллюстративной обложки в западной прессе.

Система задач реализуется в следующих тезисах:

1. проследить становление карикатуры и сатирической иллюстрации как традиционного и обновленного метода социальной критики в журналистике и формата обложки печатного периодического издания;
2. проанализировать образ адресата и адресанта в данных изображениях;

3. рассмотреть рыночный и социокультурный аспект иллюстраций в журналистике.

Степень изученности проблемы мала, так как в отечественной и западной теории массмедиа карикатура как самостоятельный жанр практически не рассматривается. Это может быть вызвано не только его художественной спецификой, но и неоднозначностью его восприятия в профессиональных кругах, где карикатура часто воспринимается как нечто изначально «низкое», «непрофессиональное», «несерьезное».

Однако же карикатура была предметом исследования многих историков, таких как: А.А. Вагин [Вагин, 1968], А.Г. Голиков [Голиков, 2010], А.С. Айнутдинов [Айнутдинов, 2008], А.В. Дмитриев [Дмитриев, 2005], Л.Р. Варшавский [Варшавский, 1937] и др. Каждым из них выделялись те или иные характеристики и формы изображения [Башаран, 2018, с. 192-203]. Так же, являясь способом социальной критики, публицистическим жанром и методом политической борьбы, она встраивается и в другие медийные, культурологические и филологические исследования [Голянская, Мельник, 2019; Халина, Внучкова, Комиссарова, 2018; Долгова, 2018].

Научная новизна состоит в расширении имеющегося теоретического материала о функционировании карикатур и иллюстрированных обложек в системе журналистики, в формировании авторской классификации обложек, анализе технического и функционального аспекта данной обложки в журналистике, изучении интересов аудитории рассматриваемых изданий.

Место карикатуры как жанра в теории медиа

Слово *caricatura* происходит от итальянского «*caricare*» – нагружать, преувеличивать, заводить. И это вполне соответствует актуальному определению карикатуры, которая нагружает и преувеличивает смыслы и формы уже знакомых и обыденных объектов, позволяя воспринимать их в сегменте юмора, а не страха, ужаса и безысходности. Хорошо проработанная и актуальная карикатура способна стать отличной альтернативой антидепрессанта или психотерапии, направленной на массовое восприятие, которое находится в том или ином кризисном состоянии. И чем больше было это напряжение в том или ином государстве, тем популярнее был этот сатирический жанр.

Исследователь Г.В. Кручевская в своей работе определяет карикатуры как «сатирические рисунки с вербальным сопровождением, передающие оценку политических событий, социальных явлений и прочего» [Кручевская, 2015, с. 37]. Карикатура,

согласно Большому энциклопедическому словарю, «изображение, в котором комический эффект создается соединением реального и фантастического, преувеличением и заострением характерных черт, неожиданными сопоставлениями и уподоблениями; жанр изобразительного искусства (обычно графики), являющийся основной формой изобразительной сатиры, часто обладающий тенденциозной социально-критической направленностью, подвергающий осмеянию какие-либо социальные, общественно-политические, бытовые явления, реальных лиц или характерные типы людей» [Большой Энциклопедический словарь, URL].

При всех вышеперечисленных характеристиках на рисунок оказывают влияние и многие другие факторы: тип издания, социально-политическая позиция редакции и учредителя, характерные черты аудитории, эстетические установки редакции, содержание и структура данного номера и определенных его публикаций, с которыми рисунок работает на восприятие читателя и прочее. К тому же, карикатура – междисциплинарный формат подачи информации, который изучается теоретиками многих гуманитарных наук, что также размывает границы жанра и усложняет формулировку его точного и структурированного определения.

Основная задача карикатуры как жанра – снять информационную и эмоциональную нагрузку с текста, сделав его, и мнение автора соответственно, более нейтральным. Согласно исследованиям А.Л. Свитич: «Среди сатирических жанров особое место занимает карикатура – иллюстрация, сатирически изображающая социальные, общественно-политические, бытовые явления. <...> Традиционно сатирические изображения представляли собой самостоятельные произведения графического искусства и зачастую публиковались изданием как отдельные материалы. В современных периодических изданиях они в большей степени включены в вербальный контент, но их значимая роль по отношению к тексту по-прежнему сохраняется. Они несут особый смысл, подчас меняя трактовку текста, эмоционально окрашивая его» [Свитич, 2015, URL].

Сатирические иллюстративные жанры не имеют четких жанровых границ, поэтому в данном исследовании мы будем опираться на их основные характеристики, важные для медиасреды – юмористическая канва, гиперболизация, актуальность затрагиваемой темы для массовой аудитории. Далее нами будут рассмотрены характеристики карикатуры в качестве обложки издания, то есть основной информационной повестки номера, а не отдельного материала.

Положение иллюстративной обложки прессы на западном медиарынке

Обширность и богатая предыстория западного медиарынка позволяет иллюстрированным обложкам вполне комфортно существовать в своей нише. Они не доминируют в иллюстрировании прессы, но часто играют роль обязательной «визитки» издания и рассматриваются как равноправный конкурент текста. Американское Сообщество Издателей Журналов (ASME) в 2014 году объявило обложку *The New Yorker* – издание, которое уже почти век (с 1925 года) выходит исключительно с иллюстративными обложками – обложкой года. В список 40 лучших обложек на Конференции в Пуэрто-Рико 17 октября 2005 года ASME внесла 4 иллюстративных (рис. 1):

- *The New Yorker* (29 марта, 1976), изображение Манхэттена под названием «Вид на мир с 9-ой авеню» (4 место);
- *The New Yorker* (24 сентября, 2001), черная обложка с двумя слабозаметными темно-серыми прямоугольниками, отсылающая к трагедии 11 сентября (6 место);
- *The New Yorker* (10 декабря, 2001), карта «Нью-Йоркостан» с названиями районов в ближневосточном стиле – отсылка к обложке 1976 года (14 место);
- *The Nation* (13 ноября, 2000), карикатура на Д. Буша (на момент выхода номера – победитель президентских выборов 2000 года) (23 место) (Fishki.net 2007).

Рис. 1. Обложки журналов

Данные издания распространены и популярны на территориях западной Европы и США. Der Spiegel (Германия) выходит тиражом в 778 324 экземпляра с немецкой аудиторией в 6,13 миллионов читателей (Der Spiegel, 2020). Тираж The Spectator (Великобритания) в декабре 2013 года составил 71 707 экземпляров (The Spectator, 2020). The New Yorker (США) издается с международной подпиской тиражом в 1 062 310 экземпляров в год (The New Yorker, 2020). The Week UK (Великобритания) вышла тиражом в 206 251 экземпляр за 2016 год (The Week UK, 2020). Все вышеперечисленные издания – еженедельные журналы, регулярно выпускающие номера с иллюстративными обложками (кариатурами).

Коммерческая конкурентоспособность иллюстративных обложек определяется следующим:

- номер выделяется «на прилавке»;
- возможность визуализировать невозможное;
- лучшее восприятие некоторых тем и событий (политика и мода);
- игра на стиле «ретро» как чем-то ностальгическом и проверенном.

Самая благодатная тема для данного типа обложек – политика. Так, Der Spiegel последовательно высказывается относительно деятельности и личности президента США, и в мартовском номере 2017 года задается вопросом: «Сколько Путина в Трампе?», намекая на связи администрации Трампа с Россией (рис. 2).

Рис. 2. Обложка Der Spiegel

На карикатуре В. Путин изображен с прической Д. Трампа (или, наоборот, Трамп изображен с лицом Путина), ниже приведен неологизм «Doppelregent» (нем. «дважды правитель») [Куандыкова, 2017, URL]. Это пример визуализации несуществующего. Благодаря ассоциативности, метафоричности и символичности данного жанра можно внести в существующий инфоповод дополнительные значения и отсылки. Поэтому чаще других к подобному прибегают качественные издания, «важнейшим моментом при восприятии информации в которых является доверие читателей к публикации» [Дементьева, 2016, с. 108]. На их полосах находится аналитика и экспертные оценки, нуждающиеся в дополнительной эмоциональной или информационной нагрузке, которую невозможно включить в текст.

Функциональные и технические характеристики иллюстративных обложек

В ходе исследования нами было выделено несколько функциональных особенностей и технических характеристик карикатурных и иллюстративных современных западных обложек. Функции были определены их взаимосвязью с основным инфоповодом номера:

- обложка-портрет – изображение главной персоны номера (чаще всего встречается у The Spectator и Der Spiegel);
- обложка-«если бы» – гипертрофированное изображение события, которого не было и вероятнее всего не будет (The Week);

• обложка-«арт-объект» – на первое место выносятся не инфоповод (не исключается), а узнаваемый стиль издания и эстетика (The New Yorker).

Приемлема в данном контексте, по нашему мнению, и классификация иллюстраций Б. Карварис и М.Б. Ворошилова:

- доминирующая (иллюстрация $\geq$ текст);
- равноценная (иллюстрация = текст);
- сопровождающая (иллюстрация $\leq$ текст);
- декоративная, служащая эстетическим целям [Ворошилова, 2015, с. 111].

Все рассмотренные нами классификации и исследования разделяют данный тип обложек, отталкиваясь от их функций, на две большие подгруппы – одни жестко привязаны к основному инфоповоду, другие – самостоятельный арт-материал. Поскольку из всех нами рассматриваемых изданий к группе обложки-«арт-объекта» мы отнесли только The New Yorker, другие мы можем отнести к карикатурным иллюстрациям, так или иначе взаимосвязанным с текстом.

От функциональной и информационной нагрузки зависят технические характеристики иллюстраций, которые мы разделили на традиционный рисунок (иллюстрация, созданная традиционными средствами живописи), компьютерную графику и смешанный стиль (подражание традиционным стилям письма при помощи графических программ). Популярность их использования показана в таблице 1.

	Стиль		
	традиционный рисунок	компьютерная графика	смешанный стиль
The New Yorker			
The Week			
The Spectator			
Der Spiegel			

Табл. 1. Использование графических стилей

Полученные данные говорят нам об очевидной тенденции на использование компьютерной графики, в том числе подражании традиционным техникам.

Периодичность появления карикатур в западной периодической прессе во второй половине 2010-х

Для карикатуристики характерно, что она реагирует наиболее остро и резонансно исключительно на проблемные ситуации крупного масштаба

(страна, мир). Данная реакция проявляется в интерпретации не только какой-то конкретной ситуации, но и медийных личностей, имеющих к ней непосредственное отношение.

Самыми крупными и «популярными» геополитическими событиями мира, которые отразились в карикатурах последних двух десятилетий, можно назвать войны на Ближнем Востоке, присоединение Крыма к России, войну на Украине, серии террористических актов, спорные президентские выборы в ряде западных стран, а также крупные международные неполитические мероприятия (Олимпийские игры, Евровидение, Чемпионат мира по футболу и др.), в информационном поле которых фигурировали политические конфликты.

В данном контексте функции жанра И.Л. Шарапова определяет как частное проявление отдельных функций политического дискурса в целом, а карикатуристы в своих работах используют формы прямых и косвенных отсылок [Шарапова, 2013, с. 163].

Авторы еженедельного сатирического журнала «Charlie Hebdo» (Франция) не обходятся без карикатурных изображений на обложке своих номеров и на полосах. Данное издание обладает международной «дурной славой» из-за публикуемых материалов. Они высмеивают политиков, ультраправых, все мировые конфессии и самые громкие события мирового и европейского масштаба. Так, в 2019 году они выпустили скандальную обложку на тему запланированных реформ президента Франции и пожара в Нотр-Даме. На обложке крупно написано «РЕФОРМЫ», в центре изображен Эмманюэль Макрон с горящим собором на голове; он произносит: «Начну с несущих конструкций» (рис. 3).

Рис. 3. «Charlie Hebdo», от 17.04.2019

В журнале «The New Yorker» (США) чаще других англоязычных изданий представлены карикатуры. Так, на обложке от 6 марта 2017 года изображен Владимир Путин в той же позе, что и Юстас Тилли, однако заголовочный комплекс этого номера журнала был написан кириллицей. «[Автор обложки Барри] Блитт воображает будущее, в котором наш символ превратился в Юстаса Владимировича Тилли, а бабочка, которую тот рассматривает – ни что иное, как потрясенный Дональд Трамп», – объяснил журнал (рис. 4).

Рис. 4. «The New Yorker», от 6.03.2017

Лояльность аудитории к жанру, социальная значимость и реакция на него

А.Г. Голиков в своей статье пишет: «Публикация карикатуры в прессе – это всегда отклик на конкретное событие или явление, создающее информационный повод. Часто уже детали рисунка позволяли зрителю расшифровать замысел художника. Ведь корона и горностаевая мантия – атрибуты власти монарха; пальмовая ветвь – знак мирных намерений; клетка – символ неволи; гильотина – орудие казни; картонный домик – ненадежная постройка <...> Но бывали ситуации, когда карикатурист не хотел или не имел возможности раскрыть свой замысел в рисунке. И тогда на помощь приходила вербальная составляющая произведения» [Голиков, 2011, с. 51].

Сатирические жанры крайне эффективны. Это обусловлено создаваемым ими образом негативного явления, которое, так или иначе, затрагивает интересы крупных социальных групп и общества в целом. Материалы европейских сатирических изданий обладают значительной постоянной читательской аудиторией из всех слоев и групп населения. На сегодняшний день мы видим, что данные медиа восполняют далеко не все

необходимые потребности своей аудитории, а многие из них и вовсе нарушают многие этические и моральные нормы в адрес потребителей массовой информации.

Наиболее популярными на своих рынках являются издания «The New Yorker» и «Der Spiegel», это подтверждается данными из Таблицы 2 и Таблицы 3. Обложки Der Spiegel в первую очередь несут информационную нагрузку в любом стиле, более подходящему к какому-то конкретному инфоповоду, что позволяет им работать на большую и разнообразную аудиторию. А The New Yorker, напротив, выдерживает фирменный стиль, ориентируясь на лояльную им аудиторию.

Издание	Официальный сайт		Instagram	
	адрес	место в своей стране (трафик с сервиса «Алеха», 20.11.19)	адрес	подписчики (20.11.19)
The Spectator (Великобритания)	spectator.co.uk	2 808	spectatorlife (новости)	6 155
			spectator1828 (карикатуры и комиксы)	5 918
The New Yorker (США) *есть канал на youtube (NewYorkerDotCom 390 тыс. подписчиков)	newyorker.com	732	newyorkmag	3,7 млн
The Week (Великобритания)	theweek.com	2 206	theweekmag (аккаунт США и Великобритании)	13,5 тыс.
Der Spiegel (Германия) *есть подкасты на сайте	spiegel.de	22	spiegelonline	474 тыс.

Табл. 2. Показатели популярности изданий у аудитории на онлайн-площадках (официальные сайты и Instagram)

Издание	Facebook		Twitter	
	адрес	подписчики (20.11.19)	адрес	подписчи ки (20.11.19)
The Spectator (Великобритан ия)	OfficialSpectato r	186 271	spectator	155 тыс.
The New Yorker (США) *есть канал на youtube (NewYorkerDo tCom 390 тыс. подписчиков)	newyorker	4 238 963	NewYorker	8,76 млн
The Week (Великобритан ия)	theweekuk	152 438	TheWeekUK	13,4 тыс.
Der Spiegel (Германия) *есть подкасты на сайте	spiegelonline	1 590 538	SPIEGELONLI NE	2 578 810

Табл. 3. Показатели популярности изданий у аудитории на онлайн-площадках (Facebook и Twitter)

Заключение

В результате проведенного исследования и полученных в его рамках наблюдений мы пришли к следующим выводам.

– В западной периодической печати иллюстрированная обложка чаще всего посвящена политическим темам, выполнена в жанре карикатуры и нацелена на мощную общественную реакцию.

– Карикатуры и иллюстрации могут выступать как самостоятельный материал, но в основном они являются способом сказать «недосказанное».

– Выявлена очевидная тенденция на использование компьютерной графики даже в формате подражания традиционным техникам в исполнении данных иллюстраций.

– Наиболее популярными у аудитории являются издания, публикующие резонансные обложки в смешанном стиле, политической тематики.

В настоящем историческом контексте карикатура может стать довольно серьезным оружием, которое способно навредить и привести к агрессивным действиям на международной политической арене. Карикатура является отражением действительности, с ее помощью художники пытаются донести до окружающих самые злободневные проблемы современного мира, что не всегда получается «корректно».

В ходе работы на примере отдельных рассматриваемых материалов из различных отечественных и зарубежных медиапродуктов разного периода было определено значение затронутых тем для современности универсальной важности. Для анализа были взяты материалы изданий «Der Spiegel», «The New Yorker», «The Week» и других в период до 2019 года включительно.

Рассмотренные издания иллюстрируются равноценными тексту или самостоятельными изображениями из-за особого места карикатурной иллюстрации в качестве основного визуального компонента номера. Было выявлено, что место данных материалов в прессе стабильно, несмотря на конкурентов. В ряде случаев карикатурные иллюстрации – это важный элемент медиатекста, доминирующий, самостоятельный материал, а также неотъемлемая часть фирменного стиля качественной прессы.

Литература

Айнутдинов А.С. Типология и функции карикатуры в прессе // Вестник ЧелГУ. 2008. № 21. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-i-funktsii-karikatury-v-pretse>.

Башаран В.И. Карикатура как исторический источник для изучения международных отношений (на примере России и Турции) // Эхо веков. 2018. № 1.

Вагин А.А. Методика преподавания истории в средней школе: Учение о методах: Теория урока. Москва, 1968.

Варшавский Л.Р. Русская карикатура 40-50-х гг. XIX в. М.; Л., 1937.

Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург, 2013.

Голиков А.Г. Проблемы источниковедческого изучения политической карикатуры (вторая половина XIX - начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2011. № 4.

Голиков А.Г., Рыбаченок И.С. Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX - XX веков в политической карикатуре. М., 2010.

Голянская В.А., Мельник Н.В. Стратегии и тактики политической манипуляции в СМИ // Филология и человек. 2019. № 3.

Дементьева К.В., Потапов П.Ф. СМИ и общественное мнение: диалектика взаимодействия. Саранск, 2016.

Дмитриев А.В., Сычев А.А. Смех: социофилософский анализ. М., 2005.

Долгова Е.В. Милитарная метафорика в медийном дискурсе // Филология и человек. 2018. № 1.

Кручевская Г.В. Карикатура в дискурсе печатной российской прессы: функционально-типологический аспект // Журналистский ежегодник. 2015. № 4.

Свитич А.Л. Специфика графической иллюстрации как компонента контента качественных изданий // Медиаскоп. 2005. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/1777>.

Шарапова И.Л. Роль политической карикатуры во Франции как катализатора политической борьбы // Вестник Омского университета. 2013. Вып. 3 (69).

Халина Н.В., Внучкова Т.Н., Комиссарова Л.М. Терминологическое сопровождение «визуального поворота» в современной культуре познания // Филология и человек. 2018. № 3.

Список источников

Куандыкова Ж. 10 обложек зарубежных журналов, посвященных Путину // «Esquire». 07.12.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://esquire.ru/articles/35062-10-putin-covers/#part0>.

Лучшие обложки зарубежных журналов // «Fishki.net». 10.09.2007. [Электронный ресурс]. URL: <https://fishki.net/12974-luchshie-oblozhki-zarubezhnyh-zhurnalov-41-shtuka--tekst.html>.

Der Spiegel // «ИноСМИ.РУ». [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/spiegel_de/.

The New Yorker // Академик. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/587151>.

The Spectator // «ИноСМИ.РУ». [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/spectator_co_uk/.

The Week // «ИноСМИ.РУ». [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/the_week/.

References

Ainutdinov A.S. *Tipologiya i funkcii karikatury v presse* [Typology and Functions of Caricature in the Press]. *Vestnik ChelGU* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2008. No. 21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-i-funktsii-karikatury-v-presse>.

Basharan V.I. *Karikatura kak istoricheskij istochnik dlya izucheniya mezhdunarodnyh otnoshenij (na primere Rossii i Turcii)* [Caricature as a Historical Source for the Study of International Relations (for example, Russia and Turkey)]. *Ekho vekov* [Echo of Centuries]. 2018. No. 1.

Vagin A.A. *Metodika prepodavaniya istorii v srednej shkole : Uchenie o metodah : Teoriya uroka* [Methods of Teaching History in High School: The Doctrine of the Methods: Theory of the Lesson]. Moscow, 1968.

Varshavsky L. R. *Russkaya karikatura 40-50-h gg. XIX v.* [Russian Caricature of the 40-50s. XIX century]. Moscow; Leningrad. 1937.

Voroshilova M.B. *Politicheskij kreolizovannyj tekst: klyuchi k prochteniyu* [Political Creolized Text: Keys to Reading]. Ekaterinburg, 2013.

Golikov A.G. *Problemy istochnikovedcheskogo izucheniya politicheskoy karikatury (vtoraya polovina XIX - nachalo XX v.)* [Problems of Source Study of Political Cartoons (second half of XIX - beginning of XX v.)]

(second half of the XIX - XX in the beginning.]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istorija* [Bulletin of Moscow University. Episode 8: History]. 2011. No. 4.

Golikov A.G., Rybachenok I.S. *Smekh – delo ser'eznoe. Rossiya i mir na rubezhe XIX - XX vekov v politicheskoe karikature* [Laughter – a Serious Matter. Russia and the World at the Turn of the XIX - XX centuries in a Political Caricature]. Moscow, 2010.

Golyanskaya V.A., Melnik N.V. *Strategii i taktiki politicheskoy manipulyacii v SMI* [Strategies and Tactics of Political Manipulation in the Media]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2019. No. 3.

Dementeva K.V., Potapov P.F. *SMI i obshchestvennoe mnenie: dialektika vzaimodejstviya* [Media and Public Opinion: the Dialectic Interaction]. Saransk, 2016.

Dmitriev A. V. *Smekh: sociofilosofskij analiz* [Laughter: Sociophilosophical Analysis]. Moscow, 2005.

Dolgova E.V. *Militarnaya metaforika v medijnom diskurse* [Military Metaphor in Media Discourse]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2018. No. 1.

Kruchevskaya G.V. *Karikatura v diskurse pechatnoj rossijskoj pressy: funkcional'no-tipologicheskij aspekt* [Cartoon Printed in the Discourse of the Russian Press: the Functional-typological Aspect]. *Zhurnalistiskij ezhegodnik* [Journalist Yearbook]. 2015. No. 4.

Svitich A.L. *Specifika graficheskoy illyustracii kak komponenta kontenta kachestvennyh izdanij* [Specificity Graphic Illustration as a Content Component Quality Publications]. *Mediaskop* [Mediaskop]. 2005, No. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/1777>.

Sharapova I.L. *Rol' politicheskoy karikatury vo Francii kak katalizatora politicheskoy bor'by* [Role of Political Cartoons in France as a Catalyst of Political Struggle]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University]. 2013. No. 3 (69).

Halina N.V., Vnuchkova T.N., Komissarova L.M. *Terminologicheskoe soprovozhdenie «vizual'nogo povorota» v sovremennoj kul'ture poznaniya* [Terminological Support of the «Visual Turn» in the Modern Culture of Cognition]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2018. No. 3.

List of sources

Kuandykova J. *10 oblozhek zarubezhnyh zhurnalov, posvyashchennyh Putinu* [10 International Magazine Covers Devoted to Putin]. *Esquire*. URL: <https://esquire.ru/articles/35062-10-putin-covers/#part0>.

Luchshie oblozhki zarubezhnyh zhurnalov [Top Cover Foreign Magazines] *Fishki.net*. URL: <https://fishki.net/12974-luchshie-oblozhki-zarubezhnyh-zhurnalov-41-shtuka--tekst.html>.

Der Spiegel. *InoSMI.RU* [Inosmi.ru]. URL: https://inosmi.ru/spiegel_de/.

The New Yorker. *Akademik*. [Academician]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/587151>.

The Spectator. *InoSMI.RU* [Inosmi.ru]. URL: https://inosmi.ru/spectator_co_uk/.

The Week. *InoSMI.RU* [Inosmi.ru]. URL: https://inosmi.ru/the_week/.

ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕННОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ПРИ ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВАХ

Н.Н. Шпильная

Ключевые слова: измененное языковое сознание, диалог, полилог, языковая личность, психоз, шизофрения.

Keywords: altered linguistic consciousness, dialogue, polylogue, linguistic personality, psychosis, schizophrenia.

DOI 10.14258/filichel(2020)4-10

Статья посвящена проблеме описания измененного языкового сознания, наблюдаемого при психических расстройствах. Измененное языковое сознание – это новый объект изучения в лингвистических исследованиях. В задачи статьи входит характеристика измененного языкового сознания как предмета лингвистических исследований и описание его реализации в состоянии психических расстройств. В центре внимания – формирующие измененное языковое сознание ключевые идеи и формы невербализуемой актуализации.

Измененное языковое сознание как предмет лингвистических исследований. В 1980-х годах в лингвистике выделилось новое направление исследований, получившее название лингвистики измененных состояний сознания, предметом которой являются «глубинные закономерности построения языка и речи, становящиеся поверхностными (непосредственно наблюдаемыми) в ходе нормальной, общественно целесообразной адаптации сознания к необычным условиям существования» [Спивак, 1986, с. 13].

Измененное языковое сознание – это состояние сознания, возникающее естественно в необычных условиях существования, «к которым следует отнести состояния стресса и переутомления, связанные с ответственной работой или пребыванием в тяжелых природных условиях; состояния тревоги и страха либо сильного волнения и радости при нарушении привычных жизненных стереотипов или резком изменении жизненной обстановки», или искусственно – при проведении психофармакологической терапии [Спивак, 1986, с. 8].

На современном этапе развития лингвистики измененных состояний сознания последние понимаются не только как способ приспособления сознания к изменениям внешних условий [Спивак, 1985], но и как проявление основных типов нервно-психической

патологии [Спивак, 1996]. Как видим, измененное языковое сознание наблюдается у носителей языка в различных состояниях, в том числе и при психических расстройствах. Однако в поле зрения лингвистов преимущественно оказываются трансперсональные состояния языкового сознания, которые либо вызываются искусственным путем, либо возникают спонтанно, либо вследствие применения психотехник [Спивак, 1996]. Нас же интересует измененное состояние языкового сознания как проявление нервно-психологической патологии.

Как известно, патологические изменения языкового сознания исследуются в психиатрической лингвистике. На сегодняшний день в зарубежной и русской психиатрической лингвистике активно исследуется речемыслительная деятельность носителей языка с диагнозом шизофрения (см. обзор в [Пашковский, Пиотровская, Пиотровский, 2015]). Изучаются структурно-семантические, когнитивные и прагматические особенности патологических текстов, созданных шизофрениками, в сравнении с непатологическими текстами, созданными здоровыми людьми. Для исследования специфики организации измененного языкового сознания при шизофрении используются разные методы, в их числе статистический метод и ассоциативно-дефиниционный анализ [Пашковский, Пиотровская, Пиотровский, 2015]). Известны работы, в которых анализируются бредовые тексты, созданные носителями языка, имеющими психические расстройства. В указанных работах отмечается, что бредовые тексты носят асистемный характер и подчинены бредовой идее, сквозь призму которой интерпретируется восприятие мира языковой личностью [Куперман, Зислин, 2001; Куперман, Зислин, URL].

Предметом исследования в настоящей статье являются формы проявления полифонии измененного языкового сознания и ключевые идеи, формирующие его.

Материалом для анализа послужили дневниковые записи больных (50 единиц записей «голосов») и результаты опроса (беседы) с носителями языка, имеющими психические расстройства. Как отмечают исследователи, в работах по психиатрической лингвистике «большой интерес представляют рукописи параноиков, их письма, <...> дневники и описания их переживаний» [Осипов, 1931, с. 64]. В ходе опроса респондентам были заданы вопросы: 1. Слышали ли вы голоса? 2. Что говорил вам голос? 3. Это был мужской или женский голос? 4. Опишите, что говорил голос. 5. Вы разговаривали с голосом? Опишите свой разговор, если он имел место. В опросе приняли участие 15 человек.

Полифонический принцип организации измененного языкового сознания при психических расстройствах. В психиатрической литературе отмечается, что у больных, имеющих диагнозы «шизофрения» и «психоз», наблюдается вербальный галлюциноз, обнаруживаемый в появлении у носителей языка вербальных галлюцинаций – «голосов». Анализ разговоров с пациентами позволяет говорить о том, что эти вербальные галлюцинации – не плод воображения больных, а продукт расщепления их сознания. Об этом свидетельствуют следующие данные:

– актуализация голоса на действия, которые производит носитель языка; так, голос появлялся в ситуациях, когда носитель языка поворачивался или что-либо говорил; ср.: *не поворачивайся, не говори, замолчи;*

– обращение к носителю языка по имени: *Ваня, не делай этого; Ира, выброси эти книги;*

– актуализация голоса на внутреннюю речь носителя языка; ср.: *я так устал слушать голос и про себя сказал ему «Замолчи, ну, пожалуйста, замолчи», а он сказал «Ага, смотрите, он нас боится».*

Эти данные позволяют говорить о том, что вербальный галлюциноз – это речевой продукт языкового сознания носителя языка.

В опубликованных ранее работах [Шпильная, 2019а; Шпильная, 2019б; Шпильная, 2019в] мы назвали такой способ организации измененного языкового сознания **полифоническим**. Термин «полифония» обозначает многоголосие. Он широко используется в литературоведении и в языкознании для обозначения диалога голосов в художественном тексте [Бахтин, 1972; Кристева, 2000] или в повседневных текстах (лично-ориентированных дискурсивных практиках) [Тубалова, 2016]. В нашем исследовании данный термин будет использоваться для обозначения диалога невербализуемых голосов, наблюдаемых в языковом сознании при психических расстройствах, с реальной языковой личностью. Уместным представляется высказывание Д.Л. Спивака, согласно которому при измененных состояниях языкового сознания «язык настолько прозрачно передает структуру мышления, что их можно легко установить на основе языка, не опасаясь искажений [Спивак, 1986, с. 50].

Полифонический принцип организации измененного языкового сознания при психических расстройствах проявляется в появлении в языковом сознании носителя языка высказываний, принадлежащих невербализуемой языковой личности и вступающих в диалог с

высказываниями реальной языковой личности (самим носителем языка).

Для описания полифонического принципа организации измененного языкового сознания мы используем термины «невербализуемая личность» и «невербализуемые высказывания».

Невербализуемая языковая личность – это личность, появляющаяся в результате расщепления языкового сознания носителя языка при психических расстройствах. Эта личность обладает голосом – мужским или женским, она умеет создавать высказывания различной иллюквативной силы, способна поддерживать диалог с реальной языковой личностью, то есть с самим носителем языка. Этот «голос» персонифицирован для носителя языка: это либо голос его знакомого, либо высших сил, либо незнакомой языковой личности.

В субстанциональном плане эта личность совпадает с реальной языковой личностью. Совпадает ли невербализуемая языковая личность с реальной языковой личностью в других аспектах – прежде всего в психологическом (мотивационном) – трудно сказать, это выходит за рамки наших специальных познаний. Для такого вывода требуется наблюдение за реальной языковой личностью, анализ ее коммуникативного поведения в разных ситуациях общения.

Невербализуемые высказывания – это высказывания, создаваемые невербализуемой языковой личностью. Такие высказывания создаются в речевом мышлении языковой личности, но принадлежат не ей. Эти высказывания характеризуются предикативностью, модальностью, прагматическим значением и коммуникативной перспективой.

Формы полифонической организации измененного языкового сознания. Измененное языковое сознание имеет различные формы невербализуемой актуализации. Анализ бесед с пациентами позволяет сделать вывод о том, что измененное языковое сознание организовано либо в форме диалога, либо в форме полилога.

Диалог представлен в форме разговора невербализуемой языковой личности и реальной языковой личности.

Например:

Я [мысленно]: *Миша, они меня спрашивают про то, где я живу.*

Что им сказать?

Миша [голос]: *Скажи, что живешь в Питере.*

Полилог представлен в форме разговора реальной языковой личности одновременно с несколькими невербализуемыми языковыми личностями.

Например:

Я [мысленно]: *Они хотят меня избить.*

Миша [голос]: *Не бойся, Паша спасет тебя. Он перенесет тебя в другое место.*

Паша [голос]: *Не бойся, я спасу тебя. Я люблю тебя.*

Как видим, в первом примере носитель языка вступает в диалог только с одной невербализуемой языковой личностью, а во втором – сразу с двумя.

При этом отметим, что гендерный статус невербализуемых личностей различен – это может быть женский или мужской голос. Ср.:

Я лежал на кровати, когда услышала голос – он принадлежал Оксане – моей подруге. Она сказала, чтобы я даже не думала засыпать, иначе умру. Я подумал, что она за дверью квартиры стоит и говорит.

Я сидела на стуле и вдруг услышала голос Сережи, который сказал, чтобы я не двигалась, иначе они выломают дверь и меня убьют, мне надо было сидеть неподвижно. Я испугалась.

В первом случае реальная языковая личность слышит женский голос, а во втором случае – мужской.

Ключевые идеи, формирующие измененное языковое сознание при психических расстройствах. Как мы уже отмечали, при психических расстройствах сознание носителя языка изменяется, можно сказать, что оно не отражает действительность, а искажает ее. В медицинской литературе отмечается, что психопатологический дискурс характеризуется бредом больного, который не соответствует действительности. Американской психиатрической ассоциацией выделяются следующие доминантные темы бреда, к которым относят эротоманический бред, бред величия, ревности, соматический, бред преследования и пр. В лингвистическом ключе измененное языковое сознание и формирующие его ключевые идеи не рассматривались.

Вообще говоря, в лингвистической литературе при реконструкции языкового сознания носителя языка используются различные термины, обозначающие единицу его описания. В числе таких терминов – концепт, ментальная интенция, квант знания, ключевая идея (см., например, [Дубинец, 2018]). О ключевой идее как структурообразующем компоненте языковой картины мира, формирующей языковое сознание, говорят А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина и А.Д. Шмелев, анализируя ключевые идеи национальной языковой картины мира русских посредством семантического анализа [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005]. Нам представляется, что данное понятие можно использовать и при описании измененного языкового сознания, в частности при описании

языкового сознания лиц, имеющих психические расстройства. Ключевая идея – это сквозной мотив, определяющий восприятие мира языковой личности.

Описание ключевых идей, обуславливающих восприятие мира измененным языковым сознанием, имеет определенные трудности. Эти трудности связаны с тем, что, как ни парадоксально, в имеющейся медицинской и лингвистической литературе практически не описано языковое сознание здорового человека. Безусловно, в лингвистике представлены описания языкового сознания, имеются методики, эксплицирующие заключенное в нем содержание. При этом зачастую в качестве материала для исследования берутся социально значимые тексты, а не тексты, написанные для себя, в которых осуществляется автокоммуникация (по Ю.М. Лотману) и которые предполагают снятие коммуникативных барьеров – открытие потока сознания. Это значимо еще и потому, что в медицинской литературе отмечается, что зачастую психически нездоровые люди ведут себя как здоровые люди, они не делятся своими наблюдениями с другими людьми, даже с родственниками, поэтому иногда диагностировать расстройство психики очень трудно.

Осознавая это, мы признаем и то, что в медицинской литературе описаны симптомы проявления бреда в речи носителя языка. Кроме того, мы учитываем, что дневниковые записи, написанные в период заболевания, отличаются от записей, осуществленных в ситуации здравого смысла. В последнем случае предметом рефлексии в дневнике являлись такие явления, как отношения с друзьями, с коллегами, с мужчинами, с родителями. Все эти события носили, так сказать, текущий характер и отвечали логике здравого смысла. В период заболевания в дневнике актуализируются другие идеи, анализ которых представлен далее.

Анализ дневниковых записей и ответов респондентов позволяет нам выделить следующие ключевые идеи, формирующие измененное языковое сознание носителей языка с психическими расстройствами.

Актуализация символической функции объекта действительности проявляется в символизации того или иного предмета действительности.

Например: *Я шла на работу. Впереди меня шел мужчина с пакетом. Это был такой же синий пакет, как и у меня. Я поняла, что это был не просто пакет, это был знак. Поэтому, когда я пришла домой, я нашла свой пакет, но там ничего не было. Я думала, что там что-то будет, что я что-там оставила в прошлый раз.*

Или: *Утром, как всегда, шла на работу. Машины мне сигналили. Они передавали мне информацию. Но какую информацию, я не поняла. Может, завтра пойму.*

Как видим, в приводимых примерах актуализируется символическая функция таких объектов действительности, как пакет и машина, которые носитель языка осмысляет не как обыденные явления из повседневной жизни, а как значимые в определенном отношении вещи.

Идея организованной слежки. Эта ключевая идея проявляется в том, что носитель языка ощущает, что за ним организована слежка конкретным человеком.

Например: *Как мне надоело, что он за мной следит. Сколько можно. Мне же надо переодеваться, принимать душ. Как он этого не понимает. Он же мужчина, а я – женщина. Мне же неудобно. Может, он не смотрит на меня, когда я переодеваюсь. Мог бы и отворачиваться.*

Или: *Где же эта видекамера? Уже всю квартиру просмотрела, ничего не вижу. Может, есть какие-то невидимые камеры...*

В данных примерах актуализируется мотив слежки, которую некто организовал за носителем языка. Мотив, или идея, слежки прослеживается за счет использования языковых единиц *видекамера, следит*.

Идея эгоцентризма проявляется в восприятии событий как событий, происходящих специально для самого носителя языка.

Например: *Интересно, почему он не закрывает дверь у шкафа. Всегда оставляет ее приоткрытой. Я знаю, он специально это делает, специально, чтобы я закрывала ее.*

Или: *Сегодня взяла черновик на работе, а на оборотной стороне листа детский почерк. Это он специально сделал. Он же знает, как я люблю детей.*

Примеры иллюстрируют особенности восприятия происходящих событий носителем языка. Видно, что носитель языка воспринимает случайные события как события, которые специально организованы для него. Так, больной психозом рассуждает относительно того, что приоткрытая дверь – это не случайное явление, а событие, которое некто организовал специально для него. Также обстоит дело и с черновиком. Носитель языка воспринимает детский почерк на оборотной стороне листа как событие, которое специально организовано для него.

Вера в свои сверхъестественные (экстрасенсорные) способности. Эта идея проявляется в появлении у носителя языка веры

в то, что он обладает сверхъестественными способностями, в числе которых – умение передавать мысли другому человеку на расстоянии, умение угадывать человека, который скрывается за маской другого человека. В последнем случае имеется в виду то, что носителю языка казалось, что люди, которые его окружают – это не реальные люди, а люди, которые носят маски, скрывающие от него тех людей, которые за ним следят.

Например: *Как здорово мы сегодня с ним пообщались, мы можем идти и не разговаривать, он все равно читает мои мысли, а я слышу все его мысли. Это и здорово, и одновременно страшно. От него ничего не скроешь...*

Или: *Мы шли с Верой по улице, но я знала, что это не Вера, это Миша, он хотел побыть со мной, пообщаться. Миша сказал, чтобы я угадала его в прохожих. Я смогла это сделать. Как здорово!!! Я умею это делать!!!*

Примеры показывают, что носитель языка верит в свои сверхъестественные способности, он радуется тому, что умеет читать мысли других людей, что может угадать человека, который скрывается за телесной оболочкой окружающих его людей.

Заключение. В статье показано, что при психических расстройствах происходит расщепление языкового сознания носителя языка, наблюдается такое речемыслительное явление, как полифония. В работе представлен анализ форм организации измененного языкового сознания при психических расстройствах. Исследуемый материал позволил выделить две формы полифонической организации языкового сознания – диалог и полилог. При диалогической форме наблюдается разговор невербализуемой языковой личности и реальной языковой личности, а при полилоге – разговор реальной языковой личности и нескольких невербализуемых личностей.

Измененное языковое сознание характеризуется появлением в нем ключевых идей, которые не соответствуют реальной действительности. Использование лингвокогнитивного анализа позволило выявить перечень ключевых идей, возникающих в измененном языковом сознании. К числу ключевых идей, значимых для носителей языка, имеющих психические расстройства, можно отнести актуализацию символической функции объекта действительности, идею организованной слежки, идею эгоцентризма, веру в сверхъестественные способности.

Описание языкового сознания носителя языка, имеющего патологическое расстройство психики, стало возможным за счет обращения к дневниковым записям больных, фиксирующим поток

сознания носителя языка, который переступает через социальные барьеры и проявляет себя в них таким, какой он есть на самом деле, и к их рефлексирующим воспоминаниям.

Литература

- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.
- Дубинец З.А. Концепт «болезнь» в русской языковой картине мира // Филология и человек. 2018. № 3.
- Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
- Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М., 2000.
- Куперман В., Зислин И. Структура бредового текста [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/kuperman_zislin1.htm.
- Куперман В., Зислин И. К структурному анализу бреда // Солнечное сплетение. 2001. Т. 18-19.
- Осипов В.П. Руководство по психиатрии. М.; Л., 1931.
- Пашковский В.З., Пиотровская В.Р., Пиотровский Р.Г. Психиатрическая лингвистика. М., 2015.
- Тубалова И.В. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2016.
- Спивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания. Л., 1986.
- Спивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания: проблемы и перспективы // Вопросы языкознания. 1985. № 1.
- Спивак Л.И., Спивак Д.Л. Измененные состояния сознания: типология, семиотика, психофизиология // Сознание и физическая реальность. 1996. Т. 1. № 4.
- Шпильная Н.Н. Полифония языкового сознания при психозе // Когнитивные исследования языка. 2019а. Вып. XXXVII.
- Шпильная Н.Н. Полифонический принцип организации языкового сознания при психозе (на материале дневниковых записей больных психозом) // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2019б.
- Шпильная Н.Н. Невербализуемые высказывания как проявление полифонии языкового сознания при психозе // Вопросы психолингвистики. 2019в.

References

- Bahtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, 1972.
- Dubinec Z.A. *Koncept «bolezni» v russkojazykovoj kartine mira* [The Concept of «Disease» in the Russian Language Picture of the World]. *Filologija i chelovek* [Philology & Human]. 2018. No. 3.
- Zaliznjak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. *Ključevye idei russkojazykovoj kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World]. Moscow, 2005.
- Kristeva Yu. *Bahtin, slovo, dialog, roman* [Bakhtin, the Word, the Dialogue, the Novel]. *Francuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French Semiotics: From Structuralism to Poststructuralism]. Moscow, 2000.
- Kuperman V., Zislin I. *Struktura bredovogo teksta* [Structure of the Delusional Text]. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/kuperman_zislin1.htm

Kuperman V., Zislin I. *K strukturnomu analizu bređa* [On the Structural Analysis of Delusions]. *Solnechnoe spletenie* [Solar Plexus]. 2001. Vols 18-19.

Osipov V.P. *Rukovodstvo po psikiatrii* [Psychiatry Manual]. Moscow; Leningrad, 1931.

Pashkovskij V.Z., Piotrovskaya V.R., Piotrovskij R.G. *Psikiatricheskaya lingvistika* [Psychiatric Linguistics]. Moscow, 2015.

Tubalova I.V. *Polifonicheskiy tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh* [Polyphonic Text in Oral Student-centered Discourses]. Doct. of Philol. Diss. Tomsk, 2016.

Spivak D.L. *Lingvistika izmenennykh sostoyanij soznaniya* [Linguistics of Altered States of Consciousness]. Leningrad, 1986.

Spivak D.L. *Lingvistika izmenennykh sostoyanij soznaniya: problemy i perspektivy* [Linguistics of Altered States of Consciousness: the Problems and the Prospects]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics]. 1985. No. 1.

Spivak L.I., Spivak D.L. *Izmenyonnye sostoyaniya soznaniya: tipologiya, semiotika, psihofiziologiya* [Altered States of Consciousness: Typology, Semiotics, Psychophysiology]. *Soznanie i fizicheskaya real'nost'* [Consciousness and Physical Reality]. 1996. Vol. 1. No. 4.

Shpil'naya N.N. *Polifoniya yazykovogo soznaniya pri psihoze* [Polyphony of Linguistic Consciousness in Psychosis]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Language Studies]. 2019a. Vol. XXXVII.

Shpil'naya N.N. *Polifonicheskiy princip organizatsii yazykovogo soznaniya pri psihoze (na materiale dnevnikovyykh zapisej bol'nykh psihozom)* [Polyphonic Principle of Organization of Linguistic Consciousness in Psychosis (based on the material of diary records of patients with psychosis)]. *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [Russian Language: Historical Fate and Modernity]. Moscow, 2019b.

Shpil'naja N.N. *Neverbalizuemye vyskazyvaniya kak pojavlenie polifonii jazykovogo soznaniya pri psihoze* [Nonverbal Statements as a Manifestation of the Polyphony of Language Consciousness in Psychosis]. *Voprosy psiholingvistiki* [The Questions of Psycholinguistics]. 2019v.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ИСПОВЕДИ И ПРОПОВЕДИ В РАССКАЗЕ В.П. АСТАФЬЕВА «КАПЛЯ» ИЗ КНИГИ «ЦАРЬ-РЫБА»

В.В. Сазанов

Ключевые слова: В.П. Астафьев, исповедь, проповедь, интенция.

Keywords: V.P. Astafyev, confession, sermon, intention.

DOI 10.14258/filichel(2020)4-11

Проблема взаимоотношений человека и природы активно рассматривалась в произведениях первой половины XX века, где серьезно звучат тревога и беспокойство о сохранении красоты окружающего мира. Эти традиции продолжает проза 1960-70-х годов, где отчетливо прослеживается связь души автора и души природы: произведения полны пейзажей, лирических рассуждений, описаний животного и растительного мира. Мысль о единстве всего живого на земле, о философском прочтении человеческой жизни, в которой мало случайностей, доминирует в книге Виктора Астафьева «Царь-рыба» (1972-1975 годы). Содержание произведения анализировалось исследователями в ряде аспектов: социально-нравственном (Т.М. Вахитова), натурфилософском (Е.Н. Викторук, А.И. Смирнова), поэтологическом (В.В. Дегтярева), религиозном (О.Ю. Золотухина, П.А. Гончаров, Т.Н. Садырина и др.). Все литературоведы отмечают, что свои наиболее сокровенные мысли о бытии человека, о его роли в жизни и связи всего сущего в окружающем мире автор раскрывает в главе «Капля». Астафьевские рассуждения выходят, на наш взгляд, на

философско-религиозный уровень и приобретают черты исповеди и проповеди.

Целью данного исследования является углубление анализа философско-религиозного и жанрового аспектов анализа рассказа «Капля».

В российском литературоведении религиозный аспект творчества Астафьева изучен довольно подробно, однако в большинстве случаев научная рефлексия направлена на произведения позднего (красноярского) периода творчества. Духовную доминанту его произведений отмечали ранние критики и литературоведы (А.Н. Макаров, А.П. Ланшиков, В.Я. Курбатов, Н.Н. Яновский, Т.М. Вахитова, А.И. Хватов и др.), однако с 2000-х годов этот вопрос изучался не только филологами, но и представителями других научных сфер, в частности, философами и лингвистами (работы А.А. Осиповой, О.В. Фельде, исследования Е.Н. Викторук, О.Н. Гайдаш). В монографии О.Ю. Золотухиной «Религиозный поиск В.П. Астафьева в контексте творческой эволюции писателя» анализируются работы известных ученых, выявляются основные концептуальные, методологические подходы, рассматривается научная полемика по некоторым основополагающим вопросам, связанным с религиозным поиском В.П. Астафьева. Исследователь говорит о противоречивости духовной концепции Астафьева, незавершенности религиозной эволюции писателя и сложности оценок данного аспекта: «В литературоведении отсутствие единых методологических подходов к проблеме «Христианство и русская литература» обусловило противоположные суждения по поводу религиозного содержания произведений В.П. Астафьева. Одна группа исследователей (Г.А. Хакимова, Е.В. Петушкова, Н.М. Щедрина и др.), обозначая христианские традиции в произведениях писателя, подчеркивает идейную связь произведений писателя с работами религиозных философов начала XX века, отмечает религиозность некоторых художественных идей, анализирует религиозные мотивы и образы. Другая группа исследователей (М.М. Дунаев, А.Ю. Большакова, Т.Н. Садырина, Д.А. Субботкин) подчеркивает отсутствие у В.П. Астафьева твердой православной веры, акцентирует мотивы ожесточения, пессимизма, богооставленности мира и человека, отмечает элементы богоотступничества в творчестве писателя, особенно в его последних произведениях» [Золотухина, 2015, с. 3].

В европейском литературоведении проявляется интерес к творчеству В.П. Астафьева. Анализу книги «Царь-рыба» посвящена одна из работ крупнейшего французского слависта Жоржа Нива, в

которой исследователь видит не только морально-философский, но и религиозный подтекст [Nivat, 1982].

Рассказ В.П. Астафьева «Капля» входит в книгу «Царь-рыба» и определяется многими исследователями как глава философская, однако следует уточнить, что в ней присутствуют элементы религиозного жанра исповеди и проповеди. Идея этого рассказа – отразить конфликт природы и цивилизации. Повествователь из искалеченных «прогрессом» мест попадает в мир девственной природы. Он едет на рыбалку в компании своего сына, брата Коли и его друга Акима. Целый день они все вместе ловили рыбу, описание этого процесса сопровождается тонкими наблюдениями над явлениями природы и взаимоотношениями между людьми. Вечером, после знатного улова, рыбаки расположились возле костра на ночевку. Все описания носят реалистический характер. *«Мы свалили кедровую сухарину, раскрывали ее топором. И вот уж кияток, запаренный смородинником и для крепости приправленный фабричным чаем, напел, запах»* (Астафьев, 2007, с. 46)¹. После долгого трудового дня все были уставшими, сидели возле костра, практически не разговаривая. *«Чай поджигил Колю. Он прилег на бок, уперся щекой в ладонь, слушал тайгу-мату – она отодвинулась от всех шумов, шорохов, отстранилась от всякого движения и отчужденно погружалась в самое себя, в хвою, в листья, в мох, в хлябистые болота»* (Астафьев, 2007, с. 46). Вскоре все уснули, кроме повествователя. *«Я спать не хотел. Не мог. Напился крепкого чая, за братана переживал и, кроме того, столько лет мечтал посидеть у костра в тайге, еще не тронутой, точнее сказать, не поувеченной человеком, так неужели этот редкий уже праздник продрыхать?! Что испытывал я тогда на Опарихе, у одинокого костра, хвостатой кометой мечущегося в темени лесов, возле дикошарой днем, а ночью по-женски присмирелой, притаенно говорливой речки? Все. И ничего»* (Астафьев, 2007, с. 46). Этот фрагмент является началом лирических размышлений, авторской медитации, традиционно осуществляемой в художественном тексте, где дистанция между автором устранена, пространство-природа, время действия – ночь.

В глубине лесов, вдали от цивилизации, оставшись наедине с самим собой, герой становится тем, кто он есть: в человеке обнажается его сущность. Повествователь, несмотря на возраст, как будто снова стал ребенком. *«Дома, в городской квартире, закинув у батареи парового*

---

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на текст Астафьева В.П. Царь-рыба: Повествование в рассказах. Иркутск, 2007.

отопления, мечтаешь: будет весна, лето, я убреду в лес и там увижу такое, переживу разтакое <...> Все мы, русские люди, до старости остаемся в чем-то ребятишками, вечно ждем подарков, сказочек, чего-то необыкновенного, согревающего, даже прожигającego душу, покрытую окалиной грубости, но в середине незащищенную, которая и в изношенном, истерзанном, старом теле часто ухитряется сохраняться в птенцовом пухе» (Астафьев, 2007, с. 47).

По мнению А.В. Меньших, «тайга, оставаясь пространством реальным и сохраняя свое конкретное, “предметное” выражение (как географическое и биологическое явление), становится пространством фантастическим и приобретает мифологические черты <...> Тайга – пространство замкнутое и безграничное одновременно. С приходом ночи возрастает влияние космического, когда тайга из части божественного мироздания превращается в “тот свет”, по христианской картине мира» [Меньших, 2005]. Автору как будто приоткрывается завеса, и он начинает видеть и чувствовать другой мир, скрытый от человека до времени. «В глуби лесов угадывалось чье-то тайное дыхание, мягкие шаги. И в небе чудилось осмысленное, но тоже тайное движение облаков, а может быть, иных миров или “ангелов крыла”?! В такой райской тишине и в ангелов поверишь, и в вечное блаженство, и в истребление зла, и в воскресение вечной доброты» (Астафьев, 2007, с. 49). Все это выводит автора на религиозно-философские размышления. «Я закинул руки за голову. Высоко-высоко, в сереньком, чуть размытом над далеким Енисеем небе различил две мерцающие звездочки, величиной с семечко таяжного цветка майника. Звезды всегда вызывают во мне чувство сосущего, тоскливого успокоения своим лампадным светом, неотгаданностью, недоступностью. Если мне говорят: “тот свет”, – я не загробье, не темноту воображаю, а эти вот мелконькие, удаленно помаргивающие звездочки. Странно все-таки, почему именно свет слабых, удаленных звезд наполняет меня печальным успокоением?» (Астафьев, 2007, с. 50). От индивидуального (ощущений, желаний) нарратор переходит к общечеловеческому, объединяющему многих людей. «И не ожидание ли необычного, этой вечной сказочки, не жажда ли чуда толкнули однажды моего брата в таймырскую тундру, на речку Дудытту, где совсем не сказочной болезнью и тоской наделила его шаманка? И что привело нас сюда, на Опариху? Не желание же кормить комаров, коих чем глуше ночь, тем гуще клубится и ноет возле нас» (Астафьев, 2007, с. 47). Суровая реалистическая деталь, повторяющаяся в описании тайги у Астафьева, – комары, гнус, – часть антипасторального мотива. Вопреки этому

возникает описание такого состояния гармонии, которое можно назвать идиллическим. Тропы, используемые автором, свидетельствуют о направленности художественного сознания от земного к небесному, от реалистического к метафизическому или трансцендентному.

Сидя возле костра, слушая тишину, повествователь глубоко погружается в себя, в свои мысли и вместе с этим как будто сливается с окружающим его миром. *«Казалось, тише, чем было, и быть уже не могло, но не слухом, не телом, а душою природы, присутствующей и во мне, я почувствовал вершину тишины, младенчески пульсирующее темечко нарождающегося дня – настал тот краткий миг, когда над миром парил лишь Божий дух един, как рекли в старину»* (Астафьев, 2007, с. 48). Детское чувство радости жизни, кажется, заглушило в нем боль войны (из контекста повествования становится ясно, что автор был ее участником), именно созерцание (ощущение) совершенства Божьего мира вернули ему это чистое, светлое мировосприятие. Но травматический опыт заставляет тут же вспомнить о хрупкости жизни и мира: *«На заостренном конце продолговатого ивового листа набухла, созрела продолговатая капля и, тяжелой силой налитая, замерла, боясь обрушить мир своим падением. И я замер»* (Астафьев, 2007, с. 48). Семантика образа капли многослойна, не случайно он вынесен в заглавие. По утверждению Т.Н. Садыриной, капля – это *«символ хрупкой гармонии мира, зависимости судьбы (мира, планеты, вселенной) от единичного, незаметного, но сущностного <...> Герой-повествователь метафорически сближает образ висящей капли росы с образом планеты, как бы всегда висящей на краю гибели»* [Садырина, 2019, с. 25].

Действительно, при виде готовой упасть и обрушить гармонию мироздания капли – символа хрупкости, красоты и величия природы, герой-рассказчик размышляет на тему смысла человеческого существования, смысла бытия. Постепенно он развивает мысль, что человек не может существовать сам по себе, быть самодостаточным. *«Мы внушаем себе, будто управляем природой и что пожелаем, то и сделаем с нею. Но обман этот удаётся до тех пор, пока не останешься с тайгой с глазу на глаз, пока не побудешь в ней и не повращуешься ею, тогда только воньмешь ее могущество, почувствуешь ее космическую пространственность и величие»* (Астафьев, 2007, с. 50). Неслучайно и употребление автором старославянизмов. Также как ребенок не может без родителя, мир не может существовать без поддержки Творца. *«И как подумаешь: вот скоро умирать, а они (дети) тут останутся одни, кто их, кроме отца»*

и матери, знает такими, какие они есть? Кто их примет со всеми изъяснами? Кто поймет? Простит?

И эта капля!

Что, если она обрушится наземь? Ах, если б возможно было оставить детей со спокойным сердцем, в успокоенном мире! Но капля, капля!..» (Астафьев, 2007, с. 50). Мысль о возможной вселенской катастрофе не дает покоя рассказчику, так как он был участником Великой Отечественной войны, а значит, очевидцем мирового преапокалипсиса, Астафьеву важно передать чувство тревоги за планету, предупредить, выразить нравственное поучение. Астафьев следует традиции русской классики (Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский), в которой доминирует комплекс философско-религиозных, христианских идей.

Исходя из цели нашего исследования, обратимся к выявлению признаков исповеди и проповеди, проявляющихся на уровне авторских интенций.

Покаяние / исповедь в теологии понимается как примирение грешника с Богом через исповедание и последующее отпущение грехов. Как следствие, за этим идет потребность очистить душу, получить моральное облегчение. Если говорить не о канонической исповеди, а об исповедальной интенции, то она отличается тем, что носит имплицитный характер. *«У каждого человека в сознании существует некий кодекс правил и норм поведения, которым он следует. Каждый, так или иначе, оценивает совершенные им действия, а любая оценка порождает определенное отношение. В том случае, если совершенные поступки оцениваются как положительные, возникает чувство самоудовлетворенности. В случае же совершения неверного действия человек ощущает неудовлетворенность, эмоциональную нестабильность, что в итоге вызывает желание выговориться, объяснить причины совершенного поступка, найти понимание и одобрение окружающих, а все это – не что иное, как определенные исповедальные интенции»* [Пригарина, 2011].

Исповедальная интенция обнаруживает себя в тех текстовых фрагментах, когда герой литературного произведения пытается выговориться и осознать, осмыслить свои чувства, отношение к кому-либо или чему-либо и прийти к мысли о покаянии.

В астафьевском тексте герой-повествователь осознает себя частью человечества и говорит не столько о своей личной вине (как в исповеди), но о коллективной вине людей за недостойное поведение – это и война, и нарушение экологического равновесия, и безнравственные поступки людей: *«Но при чем тут небо, звезды, ночь,*

таежная тьма? Это она, моя душа, наполнила все вокруг беспокойством, недоверием, ожиданием беды. Тайга на земле и звезды на небе были тысячи лет до нас. Звезды потухали или разбивались на осколки, взамен их расцветали на небе другие. И деревья в тайге умирали и рождались, одно дерево сжигало молнией, подмывало рекой, другое сорило семена в воду, по ветру, птица отрывала шишку от кедра, клевала орехи и сорила ими в мох. Нам только кажется, что мы преобразовали все, и тайгу тоже. Нет, мы лишь ранили ее, повредили, истоптали, исцарапали, ожгли огнем. Но страху, смятенности своей не смогли ей передать, не привили и враждебности, как ни старались. Тайга все так же величественна, торжественна, невозмутима» (Астафьев, 2007, с. 50).

Исповедуясь таким образом, герой апеллирует к человеческому разуму, инстинкту самосохранения, органическому чувству родства, сопричастности всему живому. Призывает следовать принципам высокой человечности во имя всего живого. Так постепенно исповедь перетекает в проповедь, «вбирая в себя антивоенный пафос, христианскую убежденность в силе слова, в первичности духовного начала жизни, апокалиптический мотив и предупреждение о возможной катастрофе» [Садырина, 2019, с. 25].

После того, как «опал, истаял морок», герой свидетельствует о своем внутреннем облегчении, что и должно следовать после чистосердечного и искреннего покаяния: «*Все было как надо! И я не хочу, не стану думать о том, что там, за тайгой? Не желаю! И хорошо, что северная летняя ночь коротка, нет в ней могильной тьмы. Будь ночь длинна и темна, и мысли б темные, длинные в башку лезли, и успел бы я воссоединить вместе эту девственную, необъятную тишину и клокочущий где-то мир, самим же человеком придуманный, построенный и зажавший его в городские щели. Хоть на одну ночь да отделился я от него, и душа моя отошла, отдохнула, обрела уверенность в нескончаемости мироздания и прочности жизни» (Астафьев, 2007, с. 51).*

Образ капли получает новую коннотацию, придающую жизнеутверждающий смысл финалу рассказа. В свете восходящего солнца капля из угрозы превращается в сияние торжествующей жизни вокруг. «*Я оглянулся и от серебристого крапа, невдали переходящего в сплошное сияние, зажмурил глаза. Сердце мое трепыхнулось и обмерло от радости: на каждом листке, на каждой хвоинке, травке, в венцах соцветий, на дудках дедулек, на лапах пихтарников, на необгорелыми концами высунувшихся из костра дровах, на одежде, на сухостоинах и на живых стволах деревьев, даже на сапогах спящих ребят мерцали,*

светились, играли капли, и каждая роняла крошечную блеску света, но, слившись вместе, эти блески заливали сиянием торжествующей жизни все вокруг, и вроде бы впервые за четверть века, минувшего с войны, я, не зная, кому в этот миг воздать благодарность, пролепетал, а быть может, подумал: «Как хорошо, что меня не убили на войне и я дождал до этого утра...» (Астафьев, 2007, с. 52).

Мотив благодарности и радостного приятия жизни является одним из доминирующих в христианском мироощущении, а в данном тексте является доказательством философско-религиозной авторской идеи. Элементы исповедально-проповеднического нарратива проявляются как «память жанра», как направленность творческого сознания Астафьева на постижение законов существования жизни.

Литература

Дегтярева В.В. Виктор Астафьев в европейском литературоведении // Юбилейные Астафьевские чтения «Писатель и его эпоха». Красноярск, 2009.

Золотухина О.Ю. Религиозный поиск В.П. Астафьева в контексте творческой эволюции писателя. Красноярск, 2015.

Меньших А.В. Художественное пространство как способ отражения идеи (по рассказу В.П. Астафьева «Капля») // Астафьевские чтения. Пермь, 2005. Вып. 3.

Пригарина А.С. Исповедь как жанр и интенция. Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 2.

Садырина Т.Н. «Царь-рыба» В.П. Астафьева как духовно-нравственное, экологическое, онтологическое поучение // Христианство и литература. Красноярск, 2019. Вып. 4.

Тимофеева Н.В. Философская концепция мира и человека в повести Виктора Астафьева «Царь-рыба» // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2017.

Nivat G. Chapitre XLI. Le «Tsar-Poisson» D'Astafiev // Vers la fin du mythe russe; Essai sur la culture russe de Gogol à nos jours: Collection Slavica dirigée par Jacques Catteau, Georges Nivat et Vladimir Dimitrijevi. Lausanne, Suisse, Édition L'âge de l'homme, 1982.

Список источников

Астафьев В.П. Царь-рыба: Повествование в рассказах. Иркутск, 2007.

References

Degtjareva V.V. *Viktor Astafjev v evropejskom literaturovedenii* [Victor Astafiev in European Literary Criticism]. *Jubilejnye Astafjevskie chtenija «Pisatel' i ego jepoha»* [Anniversary Astafiev Readings «The Writer and His Era»]. Krasnojarsk, 2009.

Zolotuhina O.Ju. *Religioznyj poisk V.P. Astafjeva v kontekste tvorcheskoj jevolucii pisatelja* [V.P. Astafiev's Religious Search in the Context of the Writer's Creative Evolution]. Krasnojarsk, 2015.

Men'shih A.V. *Hudozhestvennoe prostranstvo kak sposob otrazhenija idei (po rasskazu V. P. Astaf'eva «Kaplja»)* [Artistic Space as a Way of Reflecting an Idea (based on the story of V.P. Astafiev «A Drop»)]. *Astaf'evskie chtenija* [Astafiev Readings]. Perm', 2005. Iss. 3.

Prigarina A.S. *Isposed' kak zhanr i intencija* [Confession as a Genre and Intention]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University]. 2011. No. 2.

Sadyrina T.N. «*Car'-ryba*» V.P. Astaf'eva kak duhovno-nravstvennoe, jekologicheskoe, ontologicheskoe pouchenie [V.P. Astafiev's «Tsar-fish» as a Spiritual, Moral, Ecological, Ontological Teaching]. *Hristianstvo i literature* [Christianity and Literature]. Krasnojarsk, 2019. Iss. 4.

Timofeeva N.V. *Filosofskaja koncepcija mira i cheloveka v povesti Viktora Astaf'eva «Car'-ryba»* [Philosophical Concept of the World and Human in the Story «Tsar-fish» by Viktor Astafiev]. *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Bulletin of the Astrakhan State Technical University]. 2017.

Nivat G. *Chapitre XLI. Le «Tsar-Poisson» D'Astafiev. Vers la fin du mythe russe; Essai sur la culture russe de Gogol à nos jours: Collection Slavica dirigée par Jacques Cateau, Georges Nivat et Vladimir Dimitrijevi. Lausanne, Suisse, Édition L'âge de l'homme, 1982.*

List of sources

Astaf'ev V.P. *Car'-ryba: Povestvovanie v rasskazah* [The Tsar Fish: Narrative in Stories]. Irkutsk, 2007.

Еще одна семейная тема – художественное моделирование: бабушка и мама Т.И. Плотниковой красиво шили, сама она работала директором Алтайского краевого общественного учреждения «Мода», на протяжении ряда лет руководит студией сценического костюма «Арт-декор» Детско-юношеского центра Железнодорожного района г. Барнаула, ее дочь Василина Киселева работает модельером.

Неслучайно в изображении лирических героинь Т. Плотникова прибегает к мотиву переодевания как к способу раскрытия их душевного состояния: «Я, теплую шаль надевая, / Глядела на темную жуть» (с. 32), «Приду с печального свиданья, / Сниму рассеянно берет...» с. 13).

Тема моды «вплетается» в тему войны, придавая ей романтический флер и соединяя с пронизывающей все творчество темой любви – любви всеобъемлющей – к Отечеству, родной природе, женщины к мужчине:

*Разрешили военное снять
И гражданское платье примерить –
Нам не надо теперь воевать!..
Вот и двери.
Словно я – это вовсе не я,
А невеста – как яблоня в платье!
Он, конечно, увидит меня
И – в объятья! (с. 64).*

Сочетание подлинного реализма с волшебством романтических ощущений придает творчеству Т. Плотниковой особую выразительность, а некоторая наивность в поэтических, графических образах делают ее художественную стилистику своеобразной и поистине неповторимой. Увлечение моделированием одежды привело Т. Плотникову к знакомству с известным российским модельером Александром Васильевым, их совместное фото – на обложке книги Т. Плотниковой с образцами ее моделей. Книга посвящена ее дочери Василине Киселевой, заместителю директора АКОУ «Мода», и называется «Королева подросла». Ниже, на обложке, еще одно название: «Как стать модной, стильной и красивой. Пособие по стилистике и дефиле для учащихся школ и вузов» (Плотникова Т.И., 2009¹). И здесь обращение к молодежи, просветительский пафос и прививка хорошего вкуса к моде. Так, в книге отмечается, что мода в течение многих столетий брала идеи из

¹ Здесь и далее ссылки даны по изданию: Плотникова Т.И. Королева подросла. Как стать модной, стильной и красивой. Барнаул, 2009.

архитектурных стилей барокко, готики, модерна, рококо. Мода использует фольклорные мотивы, орнаменты Востока, Испании, Мексики, мотивы в манере художников XX века: Врубеля, Васнецова, поэтизирующих русскую природу. Сказки всегда вдохновляли художников-модельеров. «В каждом случае выразительность достигается выбранной композицией, колоритом, пропорциями, динамикой и какой-то запоминающейся изюминкой, вносящей неподдельное удивление и чувство восторга» (с. 18). В этой же книге, обращаясь к дочери, она объясняет, что творческий процесс, в который они вовлечены, есть вещь и сложная, и простая одновременно: «В творчестве заложено желание, любовь, стремление, вдохновение, труд, знание, умение. Можно, например, заняться любимым делом, допустим, рисованием. Можно изрисовать груды бумаги, но не суметь выразить то, что хочешь сказать. Для того чтобы понятно излагать свои мысли, в любом деле требуются определенные знания, которые, как ты сама знаешь, – сила» (с. 17).

Образы моды Т. Плотникова ассоциирует с временами года. С особой любовью она описывает краски осени, отмечает: «Когда засыпает природа – просыпается грусть и нежность, ветер уносит прекрасные листья, расчищая путь для любви и творчества...» (с. 16). Заметим, тема любви – стержневая тема творчества Т. Плотниковой, по мнению которой преобразование – не только в природе, но и в душе, и в поступках, словах, движениях: «Ты замечаешь, застывают озера, но в прозрачной глубине глаз разгорается огонь желаний для прекрасных осенних вечеров, где ждут одежды из мягких трикотажных полотен и шерстяных нитей, свободные, мягкие, большие и пушистые, они, кстати, для отдыха у камина при потрескивании дров, при отблесках огня, при распущенных пышных волосах. Натуральные цвета, отсутствие лишних деталей, спокойный, умеренный крой, мягкие теплые натуральные ткани, естественность, простота – такова мода осени. Вслушаемся в музыку дождя и ветра, в поэзию несмелого морозца, в символичность танцующих линий ветвей, и нам откроется мода осени. Перелистав дни, мы с тобой поймем, что лучшего художника-модельера, чем осень, не было на свете» (с. 16).

Образ осени включен, например, в лирические стихи, помещенные в сборник «Предчувствие...» (Плотникова Т.И., 2000). В этом художественно-поэтическом сборнике – стихи Тамары Плотниковой и Лизы Ви, двух поэтесс, описавших искушения любви в стихах, оригинальная точечная графика Тамары Плотниковой, иллюстрировавшей этот сборник. Художник демонстрирует в книге

два своих творческих дара – поэзию и рисунок, синтезируя их в едином понятии – искусстве.

Органично, через любовь к ним авторов, переплетаются в поэтической ткани стихотворений образы моды и природы:

*Бродит в осени дух совершенства,
В желтый глаз ее пущена страсти стрела!
(с. 23¹).*

*Брожу средь осенних дубрав.
Растратив покой изначальный,
У леса его попрошу... (с. 2).*

Есть в осени мудрость своя... (с. 19).

*Нет Песни красивой,
Поэзии - тоньше,
Чем
осень,
нашедшая
в лете приют (с. 13).*

Т. Плотникова работает в особой технике точечной графики с 1970-х годов по настоящее время. Эта изобразительная техника основана на оставлении на какой-либо основе – холсте, бумаге, дереве – следа от точечного прикосновения пером, кистью и другими художественными инструментами к поверхности основы. В истории искусства подобная техника чаще всего применялась в офорте. Художница применяет ее в графике и живописи. Представляя собой весьма трудоемкий процесс, техника точечной графики, благодаря зернистой фактуре изображения, позволяет ей создавать интересные по эмоциональной окраске образы.

Графика Т. Плотниковой всегда легка и прозрачна. Мягкость и размытость точечной техники органично воплощает сюжеты и образы рисунков, которые носят обобщенный и символический характер. Детали метафоричны и служат наиболее полному воплощению идеи, заключенной в образе. Это преимущественно образы-воспоминания, впечатления, визуализация эмоциональных порывов. Такое можно видеть в ее изображении старой деревянной архитектуры Барнаула, многолетних деревьев, юной морячки. Образы художницы проступают сквозь явь как впечатление, как воспоминание или мечта. Это качество роднит графику

---

¹ Здесь и далее ссылки даны по изданию: Плотникова Т.И. Предчувствие... Барнаул, 2000.

Т. Плотниковой с поэзией. Неслучайно, как нам представляется, и первая работа в ее книжной иллюстрации, и впоследствии большинство поэтических сборников было проиллюстрировано в этой технике: Т. Плотникова «Чайка на лету» (Плотникова Т.И., 1994; Плотникова Т., 2000, Колтун А., 2013; Изотова Я. «Обнаженные берега», 2019).

Кроме того, Т. Плотникова иллюстрирует поэтические сборники серии «Библиотека журнала “Встреча”» и книги, выходящие отдельными изданиями, поэтов-соотечественников И. Пантюхова, Н. Бажана, Е. Рябовой и других; сборники «Отражение» и «Через тернии»; собственные книги. Иллюстрации поэтических сборников выполнены преимущественно в точечной технике. Для вышедшего в 2011 году поэтического жизнеописания И.И. Ползунова (Пасынков Б.И., 2011) Т. Плотникова выполнила одиннадцать иллюстраций в точечной графике, стилистически напоминающей популярный в XVIII столетии офорт.

Отдельным пластом творчества Т. Плотниковой является детская книжная иллюстрация. Будучи по образованию художником-педагогом, Т. Плотникова на протяжении всей ее творческой жизни прямо или косвенно обращается к детской аудитории. Адресует юношеству свои книги и публикации в газетах о моде и стиле. Обращением к самым маленьким становятся ее иллюстрации в детских книгах.

В 1990-е годы в Барнауле состоялось издание русских сказок в серии «Мама, почитай!» с иллюстрациями Т. Плотниковой: «Волшебное кольцо», «Пойди туда – не знаю куда», «Сказка о молодильных яблоках», «Кот-космонавт». Иллюстрации к этим книгам выполнены акварелью, в реалистической манере, с легкой стилизацией под детское творчество. В этот же период начинается сотрудничество с алтайскими детскими писателями. Т. Плотникова оформляет сборники детских стихов В. Новичихиной «Откуда берутся дети» (Новичихина В.А., 1995), А. Шутова «Удивительный сон» (Шутов А.П., 2015), Г. Чарикова «Аленка и котенок» (Чариков Г., 1996). Позже выходят книги В. Новичихиной «Давайте познакомимся!» (Новичихина В.А., 2007), «Планета детства» (Новичихина В.А., 2010), Н. Батаевой «Бабушкины сказки» [Батаева Н., 2009]. Детские образы, созданные в иллюстрациях к этим детским книгам, светлы и трогательны. Знание детской психологии в сочетании с легкой манерой письма позволило ей создать достоверные рисунки, вызывающие впечатление зарисовок с натуры и тактично иллюстрирующие тексты.

Точны и реалистичны натурные наброски Т. Плотниковой. Написанный ей еще в юности «Портрет бабушки» отмечен, по мнению критиков, зрелым мастерством художницы: тонкая колористика, умелое использование игры света и тени для создания объемов, глубокое чувство натуры, умение увидеть и отразить характер модели.

Безусловно, в живописном творчестве Т. Плотниковой преобладают жанры пейзажа и портрета. И это вполне закономерно для сильной школы алтайского пейзажа. Как отмечает сама художница, пейзаж остается ее приоритетным жанром. Искусство пленэрной живописи возвращает человека к самому себе и природе, выполняя коммуникативную и гармонизирующую функции искусства. Пейзажные полотна Т. Плотниковой выполнены в традициях русской реалистической пейзажной живописи. Для них характерны устойчивая композиция, целостность, единство формы и содержания, выраженное в цветовом и ритмическом построении. Несколько небрежная манера письма, характерная для пленэрной живописи, придает картинам живость и достоверность, сообщая зрителю эффект присутствия и сотворчества. Таковы, например, «Июль», «Деревушка в Горном», «Август».

Во всех книгах Т. Плотниковой, кроме детских, присутствует одна из вечных тем женской поэзии – тема любви. Т. Плотникова из тех поэтов, которые воспевают красоту отношений мужчины и женщины, их притяжение друг к другу, духовное единство и сакральную близость, возвышающие людей.

К теме любви она обращается на протяжении всего творчества: в юности, в более зрелые годы, воспевая это чувство в живописных работах, стихотворениях, прозаических произведениях. Так, сборник Т. Плотниковой «Ветви судьбы» (Плотникова Т.И., 2018) и раздел стихов автора в книге «Зерна любви» (Колтун А.Х., 2013), куда вошли стихи разных лет, пронизаны образами любви. Это томительная любовь к мужчине, любовь к жизни, природе и отчужденности.

Она пишет в русле любовной поэзии, традиции которой богаты и многообразны. Образ возлюбленного в ее произведениях, как правило, лишен конкретных черт: автор наделяет его чертами, заменяющими индивидуальность.

Любовь как предмет поэтического изображения в стихах Т. Плотниковой «космична»: заряжается энергией космоса и живет по законам вселенной. Так, в то время *«как хвостом заснеженной кометы, / Пролетную осень занесло...»* (с. 37¹) происходит окончательное расставание некогда любящих людей: *«Перестали мы друг другу сниться»* (с. 37), *«Мы не сможем присниться друг другу, / Затерявшись в осенних мирах...»* (с. 38), *«Времени для счастья слишком мало, / И судьба, как звездочка, мала»* (с. 34), *«В новый безветренный вечер / Выйдут созвездия. Два»* (с. 35).

---

¹ Здесь и далее ссылки даны по изданию: Колтун А.Х. Зерна любви. Барнаул, 2013.

«Шепот» (Плотникова Т.И., 2018, с. 35).

В творчестве Тамары Плотниковой транслируются всепоглощающие образы любви в стремлении друг к другу, чем передается авторское уважение к человеку, выявляется его достоинство, благоговение перед природой. В ее стихах, графике и живописи образы любви высвечивают ценность личности любящего, ибо любящий дает любимому новое измерение своей сущности – быть «для него». Любовь для личности является дополнением к ее ценности, приданием смысла ее бытию.

«Рисунки, художественные полотна, стихи Т. Плотниковой требуют усилий всматриваться, вчитываться, перечитывать, сверяя свою жизнь с ее стихотворениями – как время по часам <...> При этом образы, размышления и ощущения вы услышите-увидите в разных ракурсах как камерную музыку, как живописную картину...» – так оценивает творчество Т. Плотниковой член Союза писателей России В. Тихонов (цит по: Плотникова Т.И., 2018, с. 4). Это действительно поэтическая встреча, радующая современников гармонией и лиризмом.

Источники

- Батаева Н.Ф. Бабушкины сказки. Барнаул, 2009.
 Изотова Я.П. Обнаженные берега. Барнаул, 2019.
 Колтун А.Х. Зерна любви. Барнаул, 2013.
 Новичихина В.А. Откуда берутся дети. Барнаул, 1995.
 Новичихина В.А. Давайте познакомимся. Барнаул, 2007.
 Новичихина В.А. Планета детства. Барнаул, 2010.
 Пасынков Б.И. Огонь дерзаний (поэтическое троечастие о И.И. Ползунове). Барнаул, 2011.
 Плотникова Т.И. Чайка на лету. Барнаул, 1994.
 Плотникова Т.И. Предчувствие... Барнаул, 2000.
 Плотникова Т.И. Королева подросла. Как стать модной, стильной и красивой. Барнаул, 2009.
 Плотникова Т.И. Ветви судьбы. Барнаул, 2018.
 Тихонов В.Е. Все ради добрых встреч // Ветви судьбы. Барнаул, 2018.
 Чариков Г.В. Аленка и котенок. Барнаул, 1996.
 Шутов А.П. Удивительный сон. Барнаул, 2015.

List of sources

- Bataeva N.F. *Babushkiny skazki* [Grandma's Tales]. Barnaul, 2009.
 Izotova Ya.P. *Obnazhennyye berega* [Naked Shores]. Barnaul, 2019.
 Koltun A.Kh. *Zerna lyubvi* [Grains of Love]. Barnaul, 2013.
 Novichikhina V.A. *Otkuda berutsya deti* [Where Do the Children Come From]. Barnaul, 1995.
 Novichikhina V.A. *Davayte poznamomysya* [Let's Meet]. Barnaul, 2007.

- Novichikhina V.A. *Planeta detstva* [Planet of Childhood]. Barnaul, 2010.
- Pasynkov B.I. *Ogn' derzaniy (poeticheskoe troechastie o I. I. Polzunove)* [Fire of Daring (poetic three-part about I.I. Polzunov)]. Barnaul, 2011.
- Plotnikova T.I. *Chayka na letu* [Seagull on the Fly]. Barnaul, 1994.
- Plotnikova T.I. *Predchuvstvie...* [Foreboding]. Barnaul, 2000.
- Plotnikova T.I. *Koroleva podrosła. Kak stat' modnoy, stil'noy i krasivoy* [Queen Has Grown. How to Become Fashionable, Stylish and Beautiful]. Barnaul, 2009.
- Plotnikova T.I. *Vetvi sud'by* [Branches of Fate]. Barnaul, 2018.
- Tikhonov V.E. *Vse radi dobrykh vstrech* [All for Good Meetings]. *Vetvi sud'by* [Branches of Fate]. Barnaul, 2018.
- Charikov G.V. *Alenka i kotenok* [Alyonka and Kitten]. Barnaul, 1996.
- Shutov A.P. *Udivitel'nyy son* [Amazing Dream]. Barnaul, 2015.

**РЕЛИГИОЗНЫЕ АЛЛЮЗИИ В РОМАНЕ ЭРИКА-ЭММАНЮЭЛЯ ШМИТТА
«ПОПУГАИ С ПЛОЩАДИ АРЕЦЦО»**

Е.А. Вдовиченко, Г.И. Лушникова

Ключевые слова: постмодернизм, интертекстуальность, художественная литература, религиозные аллюзии, Эрик Шмитт.

Keywords: postmodernism, intertextuality, fiction, religious allusions, E.-E. Schmitt.

DOI 10.14258/filichel(2020)4-13

В настоящее время постмодернизм занимает значительное место в современной литературе. Постмодернизм – это направление в художественной литературе и искусстве XX-XXI веков. Характерными чертами постмодернизма считают фрагментарность, интертекстуальность, жанровый и стилевой синкретизм [Чотчаева, Сосновский, 2017, с. 180-181], большое разнообразие типов повествования, иронию [Лушникова, 2018, с. 348], магический реализм, временное искажение, пастиш и др. [Кривоносова, 2016, с. 160]. Современный роман «Попугаи с площади Ареццо», написанный Эриком-Эмманюэлем Шмиттом, философом, драматургом, принадлежит постмодернистскому течению. Он объединяет в себе некоторые из вышеперечисленных особенностей:

- фрагментарность. Данный роман состоит из 4 частей, каждая из которых содержит 15 глав. В них описаны семейные и любовные отношения 37 персонажей, живущих на площади Ареццо. Повествование в романе переключается с одних героев на других: каждая глава романа посвящена описанию жизни разных персонажей, которые объединены одной сюжетной линией. К концу романа читателю становится понятно, как взаимосвязаны герои и что их объединяет не только единое место проживания;

- жанровый синкретизм. С первых глав романа идет описание 16 любовных линий героев, сюжеты которых развиваются на протяжении всего произведения. В первой части романа в конце каждой главы персонажи получают анонимные конверты со словами: «*Ce mot simplement pour te signaler que je t'aime. Signé: tu sais qui*»

(Schmitt, 2013, p. 21)¹ / «Просто знай, что я тебя люблю. Подпись: ты угадаешь кто» (Кончаловская, URL). Каждый герой делает свои догадки об адресате письма. Только Том и Натан решают выяснить, кто является настоящим автором этих записок, и ведут свое расследование. Как мы видим, в одном произведении присутствуют черты любовного и детективного романов;

- разные типы повествования. Каждая часть романа начинается с прелюдии, в которой автор описывает площадь Ареццо, ее пернатых обитателей – попугаев и размышляет о жизни этих птиц. В самих главах жизнь героев повествуется от третьего лица, но также встречается и повествование от первого лица персонажей (например, когда Батист, известный писатель, задумался над тем, что такое «верность»). В конце произведения мы узнаем, что маленькая девочка является автором данного «романа»: «*Une partie de mon roman... Celui que je compose... Elle désigna le monde alentour, les façades... J'arrête ton roman*» (Schmitt, 2013, p. 729) / «*Часть моего романа... который я сочиняю... Она обвела рукой мир вокруг, фасады домов... Я заканчиваю свой роман*» (Кончаловская, URL). Она хотела воплотить «роман» в реальной жизни с настоящими людьми, чтобы они были счастливы. Тем самым автор как бы перевоплощается в персонажа романа;

- интертекстуальность – неотъемлемая черта постмодернизма, играющая особую роль в романе. В зависимости от того, код какой системы актуализируется в художественном тексте – системы иного текста литературы, иного вида искусства или иного дискурса, в современной литературе выделяются разные виды связей такого рода: интертекстуальность (связь текста с другими текстами литературы); интерсемиотичность (связь текста с произведениями других видов искусства); интердискурсивность (связь текста с текстами других дискурсов) [Лушникова, Осадчая, 2018, с. 82].

Данная статья посвящена изучению интертекстовых включений из библейского текста в романе бельгийского писателя Эрика-Эмманюэля Шмитта «Попугай с площади Ареццо» (2013).

«Интертекст трактуется как текстовая семиотическая культуросфера, характеризующаяся процессами порождения, понимания, интерпретации и взаимодействия текстов» [Кузьмина, 1999, с. 2]. Он является основным видом и способом построения художественного текста в искусстве постмодернизма, состоящим в том, что текст строится из цитат и реминисценций. Большое значение в

---

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

постмодернистской литературе имеют отсылки к сказкам, мифам, научной фантастике, детективам и другим популярным жанрам. Наличие художественных деталей позволяет усмотреть интертекстуальность в постмодернистской литературе, определить, с каким произведением интерпретируемый текст вступает в диалогическое взаимодействие [Кривоносова, 2016, с. 160]. Исследуемый нами сюжет романа Эрика-Эмманюэля Шмитта «Попугаи с площади Ареццо» сопоставляется с сюжетом Библии. Название каждой части содержит религиозные аллюзии: L'Annonciation (Благовещение), Magnificat (Магнификант), Répons (Респонсорий), Dies irae (Судный день), Lux perpetua (Свет вечный). Согласно А.В. Кремневой, «аллюзивное заглавие создает образ и дает толчок для соположения, сопоставления двух сюжетов, библейского и авторского» [Кремнева, 1997, с. 124-125]. «Оно приглашает читателя восстановить прецедентный текст, нашедший отражение в заглавии, и прочитать новый текст, чтобы понять тот смысл, который прецедентное высказывание получает в новом контексте» [Кремнева, 2019, с. 208].

Рассмотрим, как значение религиозных аллюзий отражается в романе.

Первая глава называется «Благовещение». Согласно Евангелию, «Благовещение» – это день, когда Архангел Гавриил явился к Деве Марии и сообщил ей благую весть: быть ей матерью Сына Божья (Лук., 1:26-38). В первой части романа 16 героев получают желтые конверты со словами: «*Ce mot simplement pour te signaler que je t'aime. Signé: tu sais qui*» (Schmitt, 2013, p. 21) / «*Просто знай, что я тебя люблю. Подпись: ты угадаешь кто*» (Кончаловская, URL). Данные записки символизируют благую весть, что вскоре подтверждают слова Натана: «*J'en conclus que cette personne souhaitait notre bien. Elle devait savoir que nous interpréterions sa phrase comme venant de l'autre, donc que ça nous rapprocherait <...> Dieu lui-même nous l'a transmis pour nous confirmer dans l'amour*» (Schmitt, 2013, p. 313, 315) / «*И я делаю вывод, что этот человек хотел нам добра. Он, должно быть, знал, что каждый из нас подумает, что записку написал второй, и это нас сблизит <...> Сам Бог дал их нам, чтобы мы укрепились в своей любви*» (Кончаловская, URL). Но не для всех героев данный конверт стал благой вестью, только для 7 персонажей (например, для Ипполита, садовника площади, тайно любившего Патрисию: «*Il n'avait jamais espéré qu'une telle histoire serait possible. Il n'avait jamais cru que l'inclination qu'il éprouvait trouverait un répondant en elle. Quelle magnifique matinée! La vie le gâtait, décidément*» (Schmitt, 2013, p. 154) /

«Никогда он не думал, что такое возможно. Удивительно, что влечение, которое он к ней испытывал, нашло в ней отклик. Какое дивное утро! Жизнь решительно баловала его» (Кончаловская, URL). У 9 персонажей эта записка вызвала разные чувства. Ниже представлены реакции некоторых героев:

- ярость: Захарий Бидерман, известный политик: «*Il se prit le crane dans les mains, furibond. Quelle idiote lui envoyait ça*» (Schmitt, 2013, p. 21) / «Он в ярости сдавливал голову руками. Какая идиотка отправила ему это послание?» (Кончаловская, URL); Бовер, незамужняя женщина: «*Agacée, elle balançait la lettre dans son tiroir à brouillons, enfin de pouvoir réutiliser le papier*» (Schmitt, 2013, p. 82) / Она раздраженно бросила письмо в ящичек с обрывками бумаги, которые еще можно использовать для записей (Кончаловская, URL);

- страх: Патрисия, мать одиночка: «*Cette lettre l'horrifiait... Je ne veux plus. Plus du tout*» [Schmitt, 2013, с. 61] / «Письмо повергло ее в ужас... Я больше не хочу. Совсем» [Кончаловская, URL];

- страдание: Виктор, студент: «*Aucun message ne pouvait autant le faire souffrir. Peu importait qui le lui envoyait, oui, peu lui importait: il ne voulait pas entendre une déclaration*» (Schmitt, 2013, p. 115) / «Никакое иное сообщение не могло причинить ему такого страдания. И не важно, кто автор этих слов, да, не важно: он не хочет их слышать» (Кончаловская, URL).

Согласно названию первой части романа читатель ожидает радостную реакцию от героев в момент получения анонимного письма, но как мы видим из примеров, у большинства адресатов письмо вызвало противоположные чувства, что не соответствует сюжетной линии Библии. Таким образом, автор показывает читателю, что не всегда хорошая новость для одних людей может стать таковой и для других.

Вторая часть романа названа «Магнификант», так называется церковное песнопение, хвалебная песня Девы Марии за то, что Елизавета признала ее Богородицей и пустила к себе в дом (Лук., 1:46-55). В этой части романа читатель ожидает положительные поступки со стороны героев, которые получили признания в любви. Как видно, только у троих героев события развиваются благоприятно: Ипполит признается в любви Патрисии; Франсуа-Максим дарит своей жене Северине дорогой подарок; Квентин, будущий студент, дарит большой букет цветов Альбана. Остальные персонажи романа не воспользовались благой вестью, «знаком свыше», чтобы наладить свои любовные, семейные отношения. Некоторые из них продолжают свою грешную жизнь: Захарий Бидерман посещает закрытые публичные

клубы втайне от жены; Диана и Жан любят отдыхать в публичных заведениях; Квентин изменяет Альбане и обманывает ее; Филипп изменяет своей жене с Евой, а Франсуа-Максим с мужчинами; две подруги, Ксавьера и Северина изменяют мужьям друг с другом; Том и Натан – двое любящих друг друга мужчин; госпожа БOVER проигрывает свое состояние в казино. Другие герои романа не готовы примириться со своей судьбой, они бегут от самих себя: художник Вим окружает себя красотой для общественного мнения; Виктор бежит от серьезных любовных отношений из-за смертельной болезни; Людовик из-за детской травмы не испытывает чувства любви ни к женщинам, ни к мужчинам.

С помощью библейской аллюзии во второй части романа Эрик Шмитт напоминает читателю, что судьба благосклонна ко всем людям и посылает знаки, которые им следует принять с благодарностью, но согласно сюжету романа не все готовы воспользоваться хорошими новостями, чтобы изменить свою жизнь к лучшему.

Третья часть романа имеет название «Респонсорий». В церковном песнопении респонсорий – это ответ общины на строфу, исполненную солистом. Респонсорий используется в ответ на хвалебную песню – псалом, который содержит описание жизни разных людей. Следовательно, в третьей части романа читатель ожидает ответную реакцию персонажа на действия, совершенные партнером. Но, как видно из событий романа, у всех героев, кроме Ипполита и Патрисии, происходит разлад в любовных, семейных отношениях, прежняя жизнь рушится: Диана уходит от мужа к любовнику Фредерику; Ева расстается с Квентином; Жозефина уходит от Батиста; Оксана сбегает и скрывается от Виктора; госпожа БOVER продает свою квартиру из-за долга в казино; Клодина, мать Людо, признается сыну в том, что это она переписывалась с ним от лица молодой девушки; Северина покончила с жизнью из-за ссоры с Ксавьерой; Альбана разрывает свои отношения с Квентином и пытается покончить с собой; Том застал Натана в момент измены; Бидермана осудили за насилие.

Подтекст религиозной аллюзии и события в третьей части романа подчеркивают мысль о том, что если человек отказывается от «знаков свыше» и при этом не благодарен судьбе, его жизнь изменяется к худшему.

Четвертая часть романа – «Судный день». Судный день по Евангелию – это день, когда наступает конец света и начало новой жизни. В этот день начинаются природные катаклизмы (наводнение, засуха, землетрясение), грешники раскаиваются в своих грехах и получают свое наказание, праведники начинают новую жизнь. В

четвертой части исследуемого романа Эрика Шмитта жизнь героев налаживается, приобретает новый смысл, за исключением одного персонажа – Захария Бидермана, который лишается поста министра и погибает в автокатастрофе. Что касается других героев романа, то с ними происходит следующее. Диана решает навсегда отказаться от публичных клубов и быть только с мужем Жаном. Франсуа-Максим, муж умершей Северины, рассказывает семейную тайну своему сыну о переодевании его деда и его самого в женщин, а также про свои бывшие пристрастия к мужчинам. Батист с Изабелой, из-за которой ушла Жозефина, возвращают ее домой, и решают жить втроем. Людовик осознает, что мать – это единственная женщина, которую он любит. Том и Натан решают жить отдельно, чтобы их отношения были крепче. Госпожа Бовер понимает, что ее попугай является единственным сокровищем в ее жизни. Квентин уезжает учиться в Лондон, чтобы сохранить отношения с Альбаной. Филипп возвращается к своей любовнице Еве. Виктор находит Оксану, и они решают быть вместе. Ксавьера признается мужу в беременности, и их семейные отношения получают новое развитие. Художник Вим продолжает встречаться с секретаршей Мег. Патрисия сначала выгоняет Ипполита из дома, а потом сама приходит к нему и признается в любви.

Из перечисленных событий мы видим, что почти у всех героев начинается новый этап в жизни, ради которого некоторым героям пришлось искупить свои грехи, переосмыслить жизненные ценности.

Роман Эрика Шмитта на этом не заканчивается, он имеет еще один раздел, постлюдию – «Свет вечный». Евангелие гласит, что свет дает жизнь тем, кто верит в него (Матф., 8:12). В этой части романа описан праздник – день солнцестояния (день соседей), когда все жители площади собираются вместе. События этой части романа подчеркивают идею автора: кто принимает знаки судьбы и переосмысливает жизненные ценности, тот заслуживает счастливой жизни. Данная часть произведения является началом нового романа, новой праведной жизни героев, что полностью совпадает с библейской идеей.

Среди множества любовных линий можно выделить одну, которая имеет особенно явное соответствие в развитии событий представленным в названиях религиозным аллюзиям. Речь идет о любовных отношениях между садовником Ипполитом и Патрисией, которые давно восхищались друг другом, но боялись признаться в этом. Если внимательно просмотреть снова весь роман, то мы видим, что Изис, дочь Ипполита, является автором «романа» своего отца и

Патрисии. Она, как Архангел, сообщает благую весть Ипполиту и Патрисии, подбросив конверты с признанием. Ипполит признается Патрисии в любви, восхваляя ее. Жерман, близкий друг Ипполита, принимает его решение встречаться с Патрисией. Вскоре Патрисия выгоняет Ипполита из дома, но потом понимает, что очень его любит и возвращается к нему. У них начинается новая совместная жизнь.

Итак, интертекстуальность является неотъемлемой чертой постмодернистского романа, которая побуждает читателя по-иному осмыслить идею текста. Религиозные аллюзии заглавий частей романа Эрика-Эмманюэля Шмитта играют важную роль в его произведении «Попугай с площади Ареццо». Их основная функция заключается в том, чтобы напомнить читателю о благой вести, знаках судьбы, праведной жизни. Взаимодействие религиозных аллюзий и текста романа подталкивает читателя задуматься над тем, что не каждый готов принять этот знак, чтобы изменить свою грешную жизнь, которая кажется ему правильной. Только когда прежняя жизнь начинает рушиться, тогда человек переосмысливает свои жизненные ценности, искупая свои грехи, и благосклонная судьба дает ему начало новой жизни.

Литература

Кремнева А.В. Библиейские мотивы в произведении Д. Стейнбека «На восток от Эдема» // Культура и текст. Барнаул, 1997. Вып. 2.

Кремнева А.В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия: когнитивно-семантический аспект (на материале английского языка): дис. ... док. филол. наук. Барнаул, 2019.

Кривоносова А.И. Художественная деталь в постмодернистской литературе // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Тверь, 2016. Вып. 36.

Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Омск, 1999.

Лушникова Г.И. Постмодернистский художественный текст и прагматика его перевода // Переводческий дискурс: Междисциплинарный подход. Симферополь, 2018.

Лушникова Г.И., Осадчая Т.Ю. Современная англоязычная литература: традиции и эксперимент. М., 2018.

Чотчаева М.Ю., Сосновский В.Т. Постмодернизм в культуре и литературе современности // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2017. Вып. 2.

Список источников

Кончаловская Н. Попугай с площади Ареццо [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=232160&p=1>.

Святое Евангелие от Луки [Электронный ресурс]. URL: <https://religion.wikireading.ru/194363>.

Святое Евангелие от Луки [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bible-center.ru/ru/bibletext/lu/1:46-55>.

Святое Евангелие от Матфея [Электронный ресурс]. URL: <https://bible.by/verse/40/8/12/>.

Schmitt E.-E. *Les perroquets de la place d'Arezzo*. Paris, 2013.

References

Kremneva A.V. *Bibleyskie motivi v proizvedenii D. Steinbeka «Na vostok ot Edema»* [Biblical Motifs in D. Steinbeck's «East of Eden»]. *Kultura I tekst* [Culture and Eext]. Barnaul, 1997. Iss. 2.

Kremneva A.V. *Intertekstualnost' kak odna iz form mejtekstovogo vzaimodeystviya: kognitivno-semanticheskiy aspekt (na materiale angliyskogo yazika)* [Intertextuality as a Form of Intertextual Interaction: Cognitive and Semantic Aspect (based on the English language)]. *Doct. of Philol. Diss.* Barnaul, 2019.

Krivososova A.I. *Hudojestvennaya detal' v postmodernistkoy literature* [Artistic Detail in Postmodern Literature]. *Inostraniye yaziki: lingvisticheskiye I metodicheskiye aspekti* [Foreign Languages: Linguistic and Methodological Aspects]. Tver', 2016. Iss. 36.

Kuz'mina N.A. *Intertekst I ego rol' v processah evolucii poeticheskogo yazika* [Intertext and Its Role in the Evolution of Poetic Language]. Omsk, 1999.

Lushnikova G.I. *Postmodernistkiy hudojestveniy tekst I pragmatika ego perevoda* [Postmodern Literary Text and the Pragmatics of Its Translation]. *Perevodcheskiy diskurs: Mejdisciplinarniy podhod* [Translation Discourse: an Interdisciplinary Approach]. Simferopol', 2018.

Lushnikova G.I., Osadchaya T.U. *Sovremennaya angloyazichnaya literature: tradicii i eksperiment* [Modern English Literature: Traditions and Experiment]. Moscow, 2018.

Chotchaeva M.U., Sosnovskiy V.T. *Postmodernizm v kul'ture I literature sovremenosti* [Postmodernism in Modern Culture and Literature]. *Vestnik adigeyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Adygeya State University]. Maykop, 2017. Iss. 2.

List of sources

Konchalovskaya N. *Popugai s ploshadi Areco* [Parrots From the Square of Arezzo]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=232160&p=1>.

Svatoye Evangelie ot Luki [The Holy Gospel of Luke]. URL: <https://religion.wikireading.ru/194363>.

Svatoye Evangelie ot Luki [The Holy Gospel of Luke]. URL: <https://www.bible-center.ru/ru/bibletext/lu/1:46-55>.

Svatoye Evangelie ot Matfeya [The Holy Gospel of Matthew]. URL: <https://bible.by/verse/40/8/12/>.

Schmitt E.-E. *Les perroquets de la place d'Arezzo*. Paris, 2013.

ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМИЗАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ О ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЕ)¹

Н.В. Мельник, К.А. Артемова

Ключевые слова: легитимность, легитимизация, политический дискурс, стратегии, тактики, пенсионная реформа.

Keywords: legitimacy, legitimization, political discourse, strategies, tactics, pension reform.

DOI 10.14258/filichel(2020)4-14

В условиях глобального расширения информационного пространства в соответствии с общей тенденцией к синтезу разных областей научного знания и с развитием таких интегрированных научных направлений, как лингвополитология, лингвокультурология, социолингвистика все большую актуальность приобретают исследования дискурса и текста в аспекте лингвоперсонологического взаимодействия.

В статье представлено лингвоперсонологическое осмысление понятия легитимизации, производного от «легитимность». Наша цель – раскрытие языкового механизма легитимизации и доказательство влияния персонных факторов на ее реализацию. Актуальность постановки и решения данной проблемы обусловлена потребностью современного общества в эффективных средствах речевой коммуникации, в необходимости сотрудничества в условиях плюрализма мнений, в использовании эффективных методик урегулирования конфликтов разного уровня, применении кооперативных стратегий и тактик речевого поведения.

Для того чтобы разобраться с понятием «легитимность», мы проанализировали определения, данные в энциклопедических словарях [Терминологический словарь..., URL], [Политическая наука..., URL], [Додонов, 1998], [Новая философская энциклопедия..., 2000], [Энциклопедия социологии..., URL] и научных исследованиях [Соловьев, 2009]. Так, в каждом определении «легитимность» – это поддержка и оправдание законности, правомерности «применения власти и осуществления (конкретной формы) правления либо

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00522.

государством в целом, либо его отдельными структурами и институтами» [Соловьев, 2009, с. 75].

Под легитимизацией мы понимаем, вслед за Л.Н. Синельниковой, «свойство власти, означающее признание большинства граждан правильности и законности формирования и функционирования ее органов; противопоставляется незаконному захвату власти, ее узурпации» [Синельникова, 2015, с. 243].

В условиях глобального расширения информационного пространства возникает проблема существования языковой личности в информационной среде (в частности, в сфере политики) в аспекте формирования политической картины мира, влияния на общественное сознание через воздействие (манипуляцию) [Иссерс, 2019; Голянская, 2019]. В связи с этим проблема легитимизации начинает исследоваться в современной лингвистике (см., например: [Савельева, 2019], а способы ее решения становятся центральными для политического дискурса, так как отношения между представителями власти и гражданами государства являются важнейшими в жизни социума. Проблема, поставленная в данном исследовании, заключается в том, что из-за подбора недейственных коммуникативных стратегий и тактик, из-за недостаточного обоснования необходимости совершения действий государственной или региональной важности народ может не признавать власть.

Источниками легитимности являются население, правительство, внешнеполитические структуры (дружественные государства, международные организации) и средства массовой информации.

В связи с тем, что существуют различные возможности политических субъектов поддерживать систему правления, предполагаются разнообразные типы легитимности.

В политологии наиболее популярна классификация М. Вебера [Вебер, 1990, с. 636-643], который с точки зрения мотивации подчинения выделял следующие типы:

1) *традиционная легитимность* формируется на основе веры людей в необходимость и неизбежность подчинения власти, которая закрепляется в обществе как обычай. Эта разновидность легитимности часто встречается в монархических государствах. Долгая привычка к оправданию той или иной формы правления создает эффект ее справедливости и законности, это придает власти высокий уровень стабильности и устойчивости;

2) *рациональная (демократическая) легитимность* возникает в результате признания людьми справедливости тех рациональных и демократических процедур, на основе которых формируется система

власти. Такой тип поддержки складывается благодаря пониманию гражданином наличия других интересов, что предполагает необходимость выработать правила общего поведения, следование которым и создает возможность для реализации его собственных целей. *«Иначе говоря, рациональный тип легитимности имеет по сути дела нормативную основу, характерную для организации власти в сложноорганизованных обществах. Люди здесь подчиняются не столько олицетворяющим власть личностям, сколько правилам, законам, процедурам, а следовательно, и сформированным на их основе политическим структурам и институтам. При этом содержание правил и институтов может динамично меняться в зависимости от изменения взаимных интересов и условий жизни»* [Вебер, 1990, с. 636-643];

3) *харизматическая легитимность* складывается в результате веры людей в выдающиеся качества политического лидера и признание их. «Этот образ непогрешимого, наделенного исключительными качествами человека (харизма) переносится общественным мнением на всю систему власти. Безоговорочно веря всем действиям и замыслам харизматического лидера, люди некритически воспринимают стиль и методы его правления» [Вебер, 1990, с. 636-643].

В исследовании рассмотрено взаимодействие двух источников легитимности – власти и населения. В данной статье будут представлены выделенные нами на материале высказываний о пенсионной реформе В.В. Путина, В.В. Жириновского, С.М. Миронова и Г.А. Зюганова стратегии и тактики, которые политики выбирают для достижения поставленной государством цели, а также показано, как на это реагирует общественность. Языковая личность и ее риторический стиль активно изучается (например: [Литвишко, 2019]), наша же цель – выяснить, какие стратегии и тактики по отношению к гражданам используют представители власти в речевой коммуникации для успешной реализации государственной деятельности (проведения пенсионной реформы).

Цель пенсионной реформы, законопроект которой был внесен 16 июня 2018 года Д.А. Медведевым, – повышение возраста выхода на пенсию у женщин до 63 лет, у мужчин – до 65. В связи с этим в обществе возникли разногласия, которые подрывают легитимность власти.

Реакция В.В. Путина как Президента РФ на принятие данного законопроекта является авторитетной для людей. Проанализировав выступления В.В. Путина по поводу изменений в пенсионном законодательстве, его комментарии, можно выделить объединяющую

все его высказывания **стратегию отрицания**, в частности, как определяет один из «видов отрицания» Тён ван Дейк [ван Дейк, 2013, с. 155], **стратегию отрицания негативных намерений**, а также **тактику самопрезентации** [Михалева, 2009, с. 54]. Обе они могут быть объединены в общую **стратегию разговора о меньшинствах** [ван Дейк, 2013, с. 138]. Продемонстрируем на материале цитат выступлений В.В. Путина как используются данные стратегии, с помощью каких тактик они реализуются.

В мае 2016 года на портале «ВВС. News | Русская служба» появилась статья, прогнозирующая повышение пенсионного возраста в ближайшее время, исходя из показателей роста продолжительности жизни населения. В данном источнике приводится комментарий Президента РФ В.В. Путина, прозвучавший на ежегодной пресс-конференции в декабре 2015 года: **«Вы знаете мою позицию, я всячески сопротивляюсь повышению пенсионного возраста. Я считаю, что время еще не настало. Но многие эксперты-практики говорят, что, откладывая это решение, мы можем нанести вред»**. Суть стратегии меньшинств заключается в противопоставлении таких категорий, как «я» и «они», при этом категорию «они» стараются показать в нежелательном свете, но это компенсируется положительной самопрезентацией. В данном случае **«они»** – это **«многие эксперты-практики»**, те, кто разбирается в системе и цифрах лучше, чем глава государства, все это наводит на мысль, что сам Президент действительно не хочет проводить реформу, которую народ примет негативно, но это необходимо сделать, потому что так сказали «они». Так мы можем увидеть, как стратегии отрицания и самопрезентации сливаются в единую стратегию разговора о меньшинствах.

На декабрьской пресс-конференции в 2018 году, после официального заявления о пенсионной реформе, Президент остается на своей позиции: **«В начале 2000-х годов, в середине, вы знаете, наверняка, мою позицию: я говорил, что категорически против всякого изменения, повышения пенсионного возраста. Тогда невозможно было это делать. Я и сейчас считаю, что это правильная была позиция выбора <...> Дело в том, что тенденции такие, что количество работающих становится все меньше и меньше, а количество нерабочих из РФ увеличивается <...> 5-7 лет будем жить спокойно, но пройдет эти 5-7 лет, и придется все равно, страна вынуждена будет это сделать, но уже придется делать это резко и без всяких переходных периодов, без всяких льгот, в том числе для женщин. Придется сделать это резко. Вот в чем все дело. Если**

бы не было понимания этих всех тенденций, я никогда бы не разрешил этого сделать, но это объективные тенденции, от этого никуда не деться».

Можно увидеть, что спустя три года стратегия не меняется: в представленных ситуациях В.В. Путин показывает свое нежелание проводить пенсионную реформу, но объясняет ее необходимость тенденциями в развитии общества и экономики государства, в связи с которыми это нужно сделать, указывая на то, что непринятие им самим реформы еще в 2000-х *«правильная была позиция выбора»* – преобладание категории «я» над «они», снова мы можем видеть реализацию стратегии разговора о меньшинствах, где объединены стратегии отрицания и самопрезентации. В данном случае используется тактика самооправдания и своеобразного отвода критики с представлением фактов и цифр, в связи с которыми необходимо совершить изменения в конкретном законодательстве.

В видеообращении «по поводу изменения пенсионного законодательства» В.В. Путин говорит следующее: *«<...> не менее важно чувствовать и учитывать, что за предлагаемыми изменениями стоят жизненные интересы, планы сотен тысяч, миллионов людей. Кто-то уже думает уйти на заслуженный отдых, посвятить больше времени семье, детям, внукам; кто-то планирует продолжать трудиться и рассчитывать на пенсию как на дополнительное подспорье и имеет на это право, конечно. И, вдруг, такие перспективы отдаляются. Все это воспринимается многими людьми болезненно. Я хорошо это понимаю и разделяю эту озабоченность. Но давайте посмотрим на то, какие у нас есть варианты. Смириться с низкими доходами пенсионеров и ждать, когда пенсионная система затрещит и окончательно развалится? Переложить непопулярные, но необходимые решения на плечи следующего поколения? Или, понимая, что ждет страну через 15-20 лет, учитывая реальную ситуацию, – действовать».* В процитированном фрагменте проявлена тактика солидаризации. Президент говорит о том, что понимает народ, его цели, желания, но намекает на то, что в дальнейшем все экономические проблемы могут *«лечь на плечи следующего поколения»* из-за не предпринятых ранее мер.

Тем не менее общественность негативно относится к пенсионной реформе. Портал «Meduza» на своем канале в YouTube разместил видео с краткими положениями обращения Президента РФ по поводу пенсионной реформы и предоставил пользователям возможность высказаться при помощи комментариев. Проанализировав все комментарии участников дискуссии, мы увидели, что ни одно из

представленных 393-х высказываний нельзя отнести к положительной реакции. Все комментарии пользователей можно разделить на несколько групп: 1) сопоставляют главу государства с «царем», «хозяином», проводя параллель с абсолютной властью и пытаются показать, что народ ничего не решает; 2) пишут о том, что «у власти воры»; 3) призывают граждан ходить на митинги, сравнивают их с «рабами», проявляя давление на общество; 4) выражают недовольство властью, не конкретизируя причин либо говоря об импичменте; 5) указывают на последствия – социальные проблемы, которые могут последовать за принятием закона, или проводят исторические параллели. В результате анализа реакций на выступление Президента РФ можно увидеть, что примененные стратегии не имеют ожидаемого эффекта, так как люди охвачены негативными эмоциями: это можно определить по большому количеству восклицательных знаков, предложениям, полностью написанным заглавными буквами, чрезмерному использованию нецензурных выражений.

Лидер партии ЛДПР В.В. Жириновский также в своих высказываниях в общем прибегает к *стратегиям отрицания и самопрезентации* для укрепления своих позиций в социальной сфере. 17 июля 2018 года на портале REGNUM появилась статья с высказыванием В.В. Жириновского о пенсионной реформе: *«ЛДПР не будет голосовать по закону повышения пенсионного возраста»*, он продолжает свой комментарий следующими словами: *«Наши люди ждут возможности отдохнуть много-много лет, а теперь им нужно ждать – женщинам еще восемь лет, мужчинам еще пять лет. При этом размер пенсии очень низкий, теряется стимул, чтобы продолжать работать и достигать пенсионного возраста»*. В статье на портале ТАСС от 14 июня В.В. Жириновский говорит: *«Большинство наших граждан недовольно перспективами повышения пенсионного возраста <...> Поэтому мы инициативу поддерживать не хотим. Но вместе с тем нужно объяснять избирателям, что в перспективе это все равно неизбежно»*. Здесь мы, как у В.В. Путина, можем увидеть реализацию тактики оправдания. На портале Pravda.ru цитируются слова В.В. Жириновского в РБК: *«Если сохранять низкий порог выхода на пенсию, то рано или поздно некому будет формировать фонд, из которого выплачиваются пенсии нынешним пенсионерам. Но если на Западе постепенно, безболезненно повышали пенсионный возраст, то у нас этот вопрос слишком затянули. Повышать нужно было еще со времен советской власти, тогда граждане это не ощутили бы так остро»* – данное высказывание также является результатом применения тактики оправдания.

Действие *стратегии отрицания* мы можем проследить у лидеров партий КПРФ и «Справедливая Россия» – Г.А. Зюганова и С.М. Миронова, но они используют иные тактики для достижения другой цели – не допустить повышения возраста выхода на пенсию.

Работа по изменениям в пенсионном законодательстве совпала с чемпионатом мира по футболу 2018 года, который проходил в России. В связи с этим Г.А. Зюганов дал следующий комментарий: *«Пока мы радовались успехам наших футболистов, правительство решило забить гол всей стране, и одновременно забили два гола президенту. Это удар под дых стабильности <...> Впервые в истории вносится закон, против которого выступают от 90 до 100% избирателей. “Единая Россия”, вы навсегда рушите путинское большинство. А вы все на нем сидите»* – в этом высказывании используется тактика обвинения партии, которая находится у власти. Подобные высказывания часто встречаются как у лидера КПРФ, так и у лидера «Справедливой России». Например, на заседании Госдумы С.М. Миронов прочитал стихотворение Вячеслава Иванова со следующим содержанием:

*«Послушай, если сам не шаршишь,
Какие люди нам нужны:
Умри до пенсии, товарищ,
Спаси бюджет своей страны!
Паши, как вол, пока не сдохнешь,
Плати налоги и кредит.
Терпи, молчи.
Ну, что ты стонешь?
Стонать Россия не велит!
Согнись под грузом неотложных
И для державы важных дел.
Тебе и сдохнуть, что ли, сложно,
Чтоб стать обузой не успел?
Умри, товарищ, не сучая,
На стройке или в борозде,
Запомни: отдых развращает,
А смерть достойная – в труде!»*

Подкрепляет он это стихотворение своим высказыванием – *«Горькие слова, но правдивые слова. Спасибо»*. С.М. Миронов также использует тактику обвинения, но безличного, не указывается никто конкретно.

На сайте КПРФ есть обращение по поводу пенсионной реформы к основным телевизионным СМИ, в котором говорится, что народ

недостаточно обеспечен информацией об изменении в пенсионном законодательстве, что ведущими СМИ эта тема *«подавалась в крайне урезанном виде и искажалась»* – продолжает работать тактика обвинения, но теперь КПРФ задействует СМИ (в обращении также есть подписи В.В. Жириновского и С.М. Миронова). *«Более того, в день рассмотрения вопроса в Государственной Думе телезрители не были детально ознакомлены с ходом его обсуждения, истинная позиция фракций изложена не была. Даже результаты голосования по законопроекту не были представлены гражданам»* – лидеры оппозиционных партий показывают свое беспокойство о том, что граждане РФ не были достаточно проинформированы о результатах рассмотрения вопроса, был представлен только сам факт – закон.

Таким образом, мы видим, что стратегия у всех представителей власти одна – это стратегия отрицания, но реализуется она с помощью разных тактик, так как направлена на реализацию разных целей: В.В. Путин использует названную стратегию для того, чтобы показать, что данное решение зависит от времени, от экономической возможности государства, а не от власти, доказывая, что рано или поздно изменения в пенсионной реформе произошли бы, то же самое делает В.В. Жириновский. Г.А. Зюганов и С.М. Миронов используют ту же стратегию, но она действительно направлена на отрицание этой реформы: политические лидеры становятся на позицию народа, который не понимает реальных причин принятия такого решения, по-прежнему все отрицает и обвиняет власть и СМИ.

Литература

- Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
- Голянская В.А., Мельник Н.В. Стратегии и тактики политической манипуляции в СМИ // Филология и человек. Барнаул, 2019. № 3.
- Дейк Тён ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.
- Додонов В.Н., Ермаков В.Д., Крылова М.А. Большой юридический словарь. М., 1998.
- Иссерс О.С. Массовая речевая культура в аспекте медиатизации социальных коммуникаций // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. № 6.
- Литвишко О.М. Дискурсивные маркеры в государственных политико-правовых документах (на материале Ежегодного послания Президента Федеральному собранию РФ и Ежегодного послания Президента США Конгрессу) // Филология и человек, 2019. № 1.
- Михалева О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М., 2009.
- Новая философская энциклопедия: в 4-х тт. М., 2000.

Политическая наука: Словарь-справочник [Электронный ресурс]. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/political-science/index.htm>.

Савельева И.В. Механизмы легитимизации в медиадискурсе (на материале интернет-СМИ) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. № 6.

Синельникова Л.Н. Семантика и стилистика языковых корреляций дискурса власти // Дискурсы власти. Орел, 2015.

Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2009.

Терминологический словарь библиотекаря по социально-экономической тематике [Электронный ресурс]. URL: <http://nlr.ru/cat/edict/EcoDict/index1.htm>.

Энциклопедия социологии [Электронный ресурс]. URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/index.htm>.

References

Veber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, 1990.

Golyanskaya V.A., Mel'nik N.V. *Strategii i taktiki politicheskoy manipulyatsii v SMI* [Strategies and Tactics of Political Manipulation in the Media]. *Filologiya i chelovek* [Filology & Human]. Barnaul, 2019. No. 3.

Dijk Teun van. *Diskurs i vlast': Reprezentaciya dominirovaniya v yazyke i kommunikacii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. Moscow, 2013.

Dodonov V.N., Ermakov V.D., Krylova M.A. *Bol'shoj yuridicheskij slovar'* [Big Law Dictionary]. Moscow, 1998.

Issers O.S. *Massovaya rechevaya kul'tura v aspekte mediatizacii social'nyh kommunikacij* [Mass Speech Culture in the Aspect of Mediatization of Social Communications]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History, Philology]. 2019. Vol. 18. No. 6.

Litvishko O.M. *Diskursivnye markery v gosudarstvennyh politiko-pravovykh dokumentah (na materiale Ezhegodnogo poslaniya Prezidenta Federal'nomu sobraniyu RF i Ezhegodnogo poslaniya Prezidenta SSHA Kongressu)* [Discursive Markers in State Political and Legal Documents (based on the Annual Message of the President to the Federal Assembly of the Russian Federation and the Annual Message of the President of the United States to Congress)]. *Filologiya i chelovek* [Filology & Human]. 2019. No. 1.

Mikhailova O.L. *Politicheskij diskurs: Spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya* [Political Discourse: Specificity of Manipulative Influence]. Moscow, 2009.

Novaya filosofskaya entsiklopediya [New Philosophical Encyclopedia]. In 4 vols. Moscow, 2000.

Politicheskaya nauka: Slovar'-spravochnik [Political Science: Reference Dictionary]. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/political-science/index.htm>.

Savel'eva I.V. *Mekhanizmy legitimizacii v mediadiskurse (na materiale internet-SMI)* [Mechanisms of Legitimization in Media Discourse (based on the material of online media)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History, Philology]. 2019. Vol. 18. No. 6.

Sinel'nikova L.N. *Semantika i stilistika yazykovykh korrelyatsiy diskursa vlasti* [Semantics and Stylistics of Linguistic Correlations of the Discourse of Power]. *Diskursy vlasti* [Discourses of Power]. Orel, 2015.

Solov'yev A.I. *Politologiya: Politicheskaya teoriya, politicheskiye tekhnologii* [Political Science: Political Theory, Political Technologies]. Moscow, 2009.

Terminologicheskiy slovar' bibliotekarya po sotsial'no-ekonomicheskoy tematike [Terminological Dictionary of a Librarian on Socio-economic Topics]. URL: <http://nlr.ru/cat/edict/EcoDict/index1.htm>.

Entsiklopediya sotsiologii [Encyclopedia of Sociology]. URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/index.htm>.

**МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ, ВЕРБАЛИЗУЕМЫЕ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ
РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ:
АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ**

С.Б. Цолоева

Ключевые слова: профессиональный рекламный дискурс, метафорическая модель, антропоморфная метафора, метафорическое ядро / метафорическая периферия, дизайн и архитектура, английский язык.

Keywords: professional advertising discourse, metaphorical model, anthropomorphic metaphor, metaphorical core / metaphorical periphery, design and architecture, English.

DOI 10.14258/filichel(2020)4-15

Антропоцентрическая парадигма, прочно вошедшая в отрасль гуманитарных наук, предопределила вектор развития современных исследований в лингвистике, в соответствии с которым одними из приоритетных направлений выступают изучение человека в языке и языка – мерила человека [Бекасова, 2017, с. 19] в контексте его взаимодействия в различных типах дискурса, а также анализ профессиональной коммуникации во множестве ее аспектов. При этом среди языковых явлений, вызывающих постоянный интерес ученых, метафора занимает особое место [Скляревская, 1993; Ширяева, 2007 и др.].

Следует сказать, что сегодня при описании метафоры применяются различные подходы и концепции. Сразу сделаем оговорку о том, что позиция представителей когнитивного направления в лингвистике признается универсальной многими учеными как наиболее актуальная и полноценная, позволяющая при помощи ментальных операций познать, структурировать и объяснить явления и процессы, бытующие в окружающем нас мире [Панкратова, 2009; Куликова, 2012; Black, 1993; Lakoff, 1993; Steen, 2002 и др.].

Весомый вклад в исследование метафоры внесли работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в которых авторы подчеркивают колоссальную роль и уникальность феномена метафоры, утверждая, что «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 25]. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафора

реализуется при наличии ассоциативной связи между элементами, входящими в ее состав. В трактовке представителей когнитивной лингвистики две структуры знаний, положенные в основу той или иной ассоциации, получили название – «источник» / «source domain» и «цель» / «target domain» [Lakoff, 1993 и др.]; у других авторов указанные области именуются как «donor domain» / «донорская» зона и «recipient domain» / «реципиентная» зона [Чудинов, 2001 и др.].

В рамках настоящего исследования мы придерживаемся позиции А.П. Чудинова, представляющего метафорическую модель в виде формулы «X – это Y» [Чудинов, 2003, с. 64], где X – существующая понятийная сфера, а Y – складывающаяся / новая понятийная сфера. Модели подобного рода содержатся и в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона, например, «Спор – это Война» [Лакофф, Джонсон, 2004].

Кроме этого, в процессе рассмотрения теоретических аспектов теории метафоры и метафорического моделирования представляет интерес концепция О.А. Алимурادова, Е.В. Милетовой, затрагивающая вопрос структурных особенностей метафоры. Согласно авторам, в структуре метафоры присутствуют «метафорическое ядро» (ключевой элемент метафоры) и «метафорическая периферия» (дополнительный элемент метафоры) [Алимуратов, Милетова, 2013].

Взяв за основу упомянутую выше концепцию, в нашем исследовании «метафорическим ядром» будем считать отдельную лексему или лексическую комбинацию (2-3 языковые единицы), которые на семантическом уровне реализуют в контексте определенную ассоциацию, яркую и экспрессивную по своей природе, то есть несут основную метафорическую нагрузку. В свою очередь, в состав периферийной области входят элементы метафоры, не относящиеся к ядерной ее области. Элементы подобного рода условно трактуются нами как «второстепенные», поскольку они, как правило, передают дополнительную информацию, однако имеют свое предназначение в рамках каждой конкретной метафоры, сводящееся к обеспечению формирования оценки и осознания значения ассоциативной связи, то есть сути феномена метафоры.

Отметим, что когнитивный подход в осмыслении метафоры принимается нами в качестве доминантного, отражающего специфику, цели и задачи настоящей работы. В качестве объекта исследования в статье выступает англоязычный профессиональный рекламный дискурс, понимаемый нами как разновидность рекламного дискурса, адресованный конкретному профессиональному сообществу, в нашем случае – дизайнерам и архитекторам.

Материалом исследования в статье служат 500 англоязычных рекламных текстов, опубликованных в журнале *The Art of Design* и размещенных в сети Интернет. Приоритетными задачами исследования являются: а) рассмотрение англоязычного профессионального рекламного дискурса в контексте употребления в его пределах антропоморфной метафорической модели *Designer Product is Living Being* / Дизайнерский продукт – это Живое Существо (Человек), базирующейся на наличии ассоциативной связи между предметом / элементом дизайна и живым существом (человеком), то есть Дизайнерский продукт понимается как живое существо (человек), его описание осуществляется в терминах, используемых для характеристики человека; б) идентификация, интерпретация основных средств вербализации обозначенной метафорической модели; в) статистическая обработка данных относительно частотности того или иного метафорического переноса в масштабе выборки.

Далее перейдем к анализу фактического материала и продемонстрируем на конкретных примерах из выборки специфику вербализации антропоморфной метафорической модели *Designer Product is Living Being* в пределах англоязычных текстов рекламы, ориентированных, в первую очередь, на профессиональное сообщество дизайнеров и архитекторов, а также всех заинтересованных лиц. Рассмотрим наиболее частотные метафорические проекции, участвующие в реализации антропоморфной метафоры в тексте рекламы.

Целый ряд примеров в анализируемой нами выборке актуализирует метафорический перенос *Designer Product is Personality* (19,4% материала выборки), например:

1) *Our goal is to inject warmth and personality into the new build property that lack any personality* (*The Art of Design*, 2018)¹.

В примере (1) представлен фрагмент рекламы компании, занимающейся дизайном интерьеров. Очевидным преимуществом деятельности фирмы является ее уникальная способность *подчеркнуть индивидуальность нового дома*, безликого и непримечательного до этого момента. С точки зрения языкового оформления, отмечаем присутствие в контексте метафоры *our goal is to inject warmth and personality into the new build property*, в рамках которой конструкция *to inject warmth and personality*, выступая на семантическом уровне метафорическим ядром, передает основную метафорическую нагрузку.

---

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

Ассоциативная связь в метафорическом переносе Designer Product is Personality, основанная на идее уникальности и неповторимости элементов дизайна и человека, подтверждается словарными дефинициями лексемы *personality* – *the special combination of qualities in a person that makes that person different from others, as shown by the way the person behaves, feels, and thinks* (Cambridge Dictionary, URL).

В следующем фрагменте рекламного сообщения наличествуют сразу две метафорические проекции, репрезентирующие антропоморфную метафорическую модель Designer Product is Living Being:

2) *Vintage* – *a word that is usually associated with quality, antique furniture* – *is inspiring a unique style that adds character to any home* (The Art of Design, 2019).

В представленном примере фиксируем употребление метафоры *Vintage* <...> *is inspiring a unique style that adds character to any home*, в которой фирма-производитель мебели наделяется особыми свойствами, присущими человеку – *вдохновение* и *характер*. Полагаем, что глагольная форма *is inspiring* служит вербализатором метафорического ядра в проекции Designer Product is Inspiration (10,2% примеров в выборке), в свою очередь, существительное *character* – метафорическое ядро в модели Designer Product is Character (13,7% материала выборки). Вне всякого сомнения, анализируемый текст рекламы в прагматическом своем аспекте призван оказать должное воздействие на реципиента, а именно – заставить его воспользоваться услугами фирмы и приобрести ее уникальную продукцию.

Достаточно часто в англоязычных текстах рекламы встречается метафорическая проекция Designer Product is Job (8,6% рекламных текстов в выборке), посредством которой положительно характеризуются функциональные возможности товаров. Приведем пример:

3) *Not only do The Residence Collection windows look beautiful, they offer superior performance too* (The Art of Design, 2018).

В представленном фрагменте рекламы речь идет об окнах из серии The Residence Collection, обладающих рядом достоинств, в том числе – внешний вид (*look beautiful*) и главное – практичность. Отмечаем здесь использование метафоры *they offer superior performance too*, где существительное *performance* в связке с прилагательным в сравнительной степени *superior* актуализируют метафорическое ядро, передают аспект оценки, придавая особую экспрессию всему повествованию. При этом корреляцию с лексемой

Job подтверждают соответствующие словарные значения: *performance – how well someone does their job or their duties* (Cambridge Dictionary).

В следующем примере содержится идея о том, что смешение нескольких стилей дизайна в единое целое подобно брачным узам, заключенным между мужчиной и женщиной:

4) *Printed decorative glass <...> marries traditional styles with 3D printing technologies* (The Art of Design, 2019).

Очевидно, что ядром метафоры, несущим ключевую метафорическую нагрузку в контексте, выступает глагол *marry*, при помощи которого акцентируется внимание на наличии некой тесной связи, особо «теплых отношений» между предметами обсуждения в рекламе – элементами дизайна и современными техниками их изготовления. Тенденция подобного рода привела к возникновению метафорической проекции *Designer Product is Marriage*, имеющей показатель 2,1% от общего количества примеров в масштабе нашей выборки.

Подчеркнем вновь, что данными фрагментами рекламных текстов не исчерпывается материал выборки, в рамках статьи нами были представлены, на наш взгляд, наиболее значимые и интересные с точки зрения языкового воплощения метафорические трансформации, рекуррентно используемые в англоязычном профессиональном рекламном дискурсе сферы дизайна и архитектуры. Безусловно, реклама, как и искусство, во множестве проявлений представляет собой огромное исследовательское поле с богатейшими ресурсами и возможностями того или иного языка вербализовать ментальные процессы и различные когнитивные категории, репрезентируемые, в том числе, в форме метафоры и метафорических моделей.

Опираясь на результаты исследования, приходим к выводу о том, что в контексте англоязычного профессионального рекламного дискурса области дизайна и архитектуры частотно применение антропоморфной метафорической модели *Designer Product is Living Being*, передающейся посредством многочисленных метафорических проекций, прагматический потенциал которых сводится к ключевому мотиву рекламы и ее главной составляющей – оказанию воздействия на сознание, эмоционально-психическое состояние адресата [Грибак, 2001; Овчаренко, 2005; Бутакова, 2010], способствующего формированию у него положительного отношения и высокой оценки рекламируемого товара и его последующего приобретения, то есть продвижения на рынке.

Подводя некоторые итоги, отметим, что феномен метафоризации находит свою практическую реализацию во всех сферах

жизнедеятельности современного социума, выступая мощным инструментом осмысления, описания и вербализации ментальных процессов, функционирующих в когнитивном поле индивида. Безусловно, в силу открытости и динамичности метафорических моделей [Чудинов, 2001], изучение специфики их репрезентации в языке всегда актуально и значимо. Именно динамичная природа метафоры, а также факт ее зарождения в сознании человека в качестве некоего результата творчества [Козлова, Буланова, 2018] во многом определяют неиссякаемое стремление исследователей вновь и вновь обращаться к проблеме рассмотрения метафоры и метафорических моделей, а также условий и языковых механизмов их актуализации в различных типах дискурса.

Литература

- Алимурадов О.А., Милетова Е.В. Метафорические модели, вербализующиеся с участием имен прилагательных и реализуемые в современном англоязычном искусствоведческом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 4.
- Бекасова Е.Н. Антропоморфная метафора в осмыслении генезиса языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 6 (402).
- Бутакова Л.О. Коммуникативная специфика рекламного дискурса компании как проявление регулятивной природы коммуникации (на примере компании «Columbia» в России) // Филология и человек. 2010. № 2.
- Гримак Л.П. Гипноз рекламы // Реклама: внушение и манипуляция. Самара, 2001.
- Козлова Л.А., Буланова Е.В. Национально-культурная специфика морской метафоры и ее реализация в процессе перевода // Филология и человек. 2018. № 1.
- Куликова Л.В. Метафоризация констант «милосердие» / «жестокость» в английском языковом пространстве // Филология и человек. 2012. № 3.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
- Овчаренко А.Н. Реклама как форма коммуникации влияния // Журнал прикладной психологии. 2005. № 6.
- Панкратова С.А. Когнитивно-семантические аспекты метафорического моделирования // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. СПб., 2009. № 87.
- Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб, 1993.
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). Екатеринбург, 2001.
- Чудинов А.П. Методика сопоставительного исследования метафорических моделей // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2003. Т. 9.
- Ширяева Т.А. Модель понимания метафоры в институциональном деловом дискурсе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 8. № 35.
- Black M. More about Metaphor // Metaphor and Thought. Cambridge, 1993.
- Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and Thought. Cambridge, 1993.
- Steen G. J. Identifying metaphor in language: a cognitive approach // Style. 2002. Vol. 36. № 3.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>
 The Art of Design [Электронный ресурс]. URL: <https://view.joomag.com/>

References

- Alimuradov O.A., Miletova E.V. *Metaforicheskie modeli, verbalizuyushchiesya s uchastiem imen prilagatel'nykh i realizuemye v sovremennom angloyazychnom iskustvovedcheskom diskurse* [Metaphorical Models Verbalized with the Participation of Adjectives and Implemented in Modern English-language Art Discourse]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics]. 2013. No. 4.
- Bekasova E.N. *Antropomorfnyaya metafora v osmyslenii genezisa yazyka* [Anthropomorphic Metaphor in Understanding the Genesis of Language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2017. No. 6 (402).
- Butakova L.O. *Kommunikativnaya specifika reklamnogo diskursa kompanii kak proyavlenie reguljativnoj prrody kommunikacii (na primere kompanii «Columbia» v Rossii)* [Communicative Specificity of Advertising Discourse of Companies Regulating Display of Communication (on Company «Columbia» Example in Russia)]. *Filologija i chelovek* [Philology & Human]. 2010. No. 2.
- Grimak L.P. *Gipnoz reklamy* [Hypnosis of Advertising]. *Reklama: vnushenie i manipulyatsiya* [Advertising: Suggestion and Manipulation]. Samara, 2001.
- Kozlova L.A., Bulanova E.V. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika morskoy metafory i ee realizatsiya v protsesse perevoda* [National-cultural Specificity of the Marine Metaphor and its Implementation in the Translation Process]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2018. No. 1.
- Kulikova L.V. *Metaforizacija konstant «miloserdie» / «zhestokost'» v anglijskom jazykovom prostranstve* [Metaphorical Representation of the Constants «Mercy»/«Cruelty» in the English Language]. *Filologija i chelovek* [Philology & Human]. 2012. No. 3.
- Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live by]. Moscow, 2004.
- Ovcharenko A.N. *Reklama kak forma kommunikatsii vliyaniya* [Advertising as a Form of Influence Communication]. *Zhurnal prikladnoy psikhologii* [Journal of Applied Psychology]. 2005. No. 6.
- Pankratova S.A. *Kognitivno-semanticheskie aspekty metaforicheskogo modelirovaniya* [Cognitive and Semantic Aspects of Metaphorical Modeling]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. St. Petersburg, 2009. No. 87.
- Sklyarevskaya G.N. *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the Language System]. St. Petersburg, 1993.
- Chudinov A.P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991 – 2000)* [Russia in a Metaphorical Mirror: a Cognitive Study of Political Metaphor (1991-2000)]. Ekaterinburg, 2001.
- Chudinov A.P. *Metodika sopostavitel'nogo issledovaniya metaforicheskikh modeley* [Methodology for the Comparative Study of Metaphorical Models]. *Lingvistika: Byulleten' Ural'skogo lingvisticheskogo obshchestva* [Linguistics: Bulletin of the Ural Linguistic Society]. Ekaterinburg, 2003. Vol. 9.
- Shiryayeva T.A. *Model' ponimaniya metafory v institutsional'nom delovom diskurse* [A Model for Understanding Metaphor in Institutional Business Discourse]. *Izvestiya Rossiyskogo*

gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. 2007. Vol. 8. No. 35.

Black M. More about Metaphor. *Metaphor and Thought*. Cambridge, 1993.

Lakoff G. The contemporary theory of metaphor. *Metaphor and Thought*. Cambridge, 1993.

Steen G.J. Identifying metaphor in language: a cognitive approach. *Style*. 2002. Vol. 36. No. 3.

List of sources

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>

The Art of Design. URL: <https://view.joomag.com/>

РЕЦЕНЗИИ

ИМПЕРАТИВЫ И ИДЕАЛЫ РЕДАКТОРА ЖУРНАЛИСТСКОГО ТЕКСТА

(рецензия на книгу С. Соколовой «Как стать лучшим редактором глянца и медиа: самоучитель от экс-редактора Vogue». М.: Эксмо, 2020)

Вышедшая в 2020 году в издательстве «Эксмо» книга Анастасии Соколовой «Как стать лучшим редактором глянца и медиа: самоучитель от экс-редактора Vogue» привлекает внимание и заслуживает его по нескольким причинам.

Во-первых, это содержащееся в названии обещание самостоятельно научиться тому, что, как известно, можно получить в результате большого практического опыта, творческих поисков, приобретения эстетического вкуса, проявления креативных способностей, особого чутья и широкой эрудиции в сфере производства, распространения и потребления медиапродукции.

Во-вторых, такой вид издания, называясь он хоть «Настольная книга редактора», вещь достаточно редкая, весьма полезная всей пишущей публике и всегда востребованная, ибо предполагает наличие сведений, указаний и предостережений, на которых следует заострить внимание каждому мастеру пера.

Третья причина привлекательности издания – высокий статус автора: это методическое пособие от редактора успешного и популярного издания Vogue, тем более редактора бывшего, успешность результатов деятельности которого известна и засвидетельствована предметно – в вышедших в свет журналах.

Четвертая явная причина привлекательности самоучителя С. Соколовой – в представленности в нем кумулятивного опыта не менее авторитетных и статусных персон, чем автор пособия. В книгу включены полные тексты интервью с редакторами журналов Glamour, Tatler, Cosmopolitan, Elle, JaLouse, Condé Nast Traveller, Condé Nast International, российского Condé Nast, портала о кино kbbbd.com, главного редактора портала об образовании мел.fm, преподавателя Швейцарской Школы Журналистики (MAZ). В них – воспоминания об истории и специфике глянцевого изданий, миссии журналистов и журналистики, экспертные суждения о критериях качества и

условиях успеха медийного продукта. Интервьюируемые буквально становятся полноценными соавторами книги.

Художественное оформление книги назовем пятой причиной, по которой данное издание привлекает внимание и, заметим, заслуживает его. Это, в первую очередь, оригинально выполненная обложка (в тексте названия книги «Как стать хорошим редактором глянца и медиа» слово «хорошим» перечеркнуто красной чертой и сверху написано «лучшим») и обилие иллюстраций в виде фотографий красочных обложек глянцевого журналов, иллюстрирующих историю Vogue в России или наглядно подтверждающих утверждения автора.

Выскажем несколько замечаний относительно содержания книги. Автор самоучителя адресует свое послание в первую очередь редакторам глянцевого изданий (печатных и электронных). Определяя мотивацию к написанию самоучителя, она отмечает: «Методология преподавания профессии “редактор глянцевого журнала” у нас еще не сложилась. Слишком недолго существует профессия, слишком мало в ней методистов. Поэтому большая часть профессиональных советов передается из уст в уста и на английском» (с. 10). Автор заявляет намерение заполнить эту лагуну.

Однако адресат книги С. Соколовой значительно шире редакторов глянца, ибо в ней идет серьезный разговор профессионала, касающийся всех журналистов. В латентно содержащейся интенции доказать, что глянцевого издание можно превратить в качественный журналистский продукт, автор дает рецепты создания хорошего журналистского текста, относящиеся к любому изданию. Речь идет о стиле, вкусе, приемах выражения мысли, изложения фактов и способах их интерпретации в журналистских текстах.

Авторское повествование исходит из идеализированного представления о глянцевого изданиях. С. Соколова определяет миссию глянца комплиментарно и возвышенно: «Журналы стремятся создать картину мира, в котором человек чувствует себя свободно и радостно, а вещи несут ценность и эстетическую, и этическую» (с. 10). По ее утверждению, «журналы разъясняют контексты, пытаются отразить дух времени и дать ощущение сопричастности ему» (с. 11). При этом она абстрагируется от того социального факта, что глянец потакает вождьленческим наклонностям аудитории, участвует в эскалации гонки потребления и в формировании искусственных потребностей.

Самоучитель «Как стать лучшим редактором глянца и медиа» содержит краткую историю западного глянца в России, в которой автор, критически отзываясь о массе глянцевого изданий, представляющих собой красивые картинки с подписями, настойчиво обосновывает мысль, что глянец – это тоже журналистика, а глянцевого журнал может быть качественным журналистским продуктом.

Главную роль в этом С. Соколова отводит редактору. Из контекста следует, что его главной профессиональной интенцией должен быть перфекционизм как «стремление к совершенству, пристальное внимание к мельчайшим деталям», стремление довести до высшей степени технического

совершенства любую изготавливаемую вещь¹. Она отмечает, что сегодня читают мало и невнимательно, но это не влияет на тщательность, с какой пишут в журналах: «свои статьи мы пишем и переписываем по сто раз» (с. 19-20).

Редакторская требовательность автора самоучителя проявляется в насыщенности текста учебника императивами: «общие слова, забудьте их навсегда», «проверяйте себя», «проверяйте других», «играйте с форматами!», «скажите нет бессовестным англицизмам!», «разбивайте большие тексты на блоки», «оттачивайте формулировки», «помни о том, кто твоя аудитория», «прячьтесь за фактами», «проведите мощный ресерч», «излагайте четко», «быстро переходите от одного факта к другому», «цитируйте экспертов», «приведите статистические данные», «не забудьте про взгляд сквозь радужную линзу». Обилие императивов производит эффект индивидуального лабораторного занятия под руководством профессионала.

Раздел прикладной или эмпирической части самоучителя – это по сути своей мастер-классы и практические занятия по научению «журналистскому ремеслу» (выражение автора). В них открывается творческая лаборатория опытного редактора и успешного журналиста, где не только рассказывается, но и весьма наглядно и предметно показывается, как писать и редактировать произведения различных медийных жанров. Представление об этом дают названия глав второй части самоучителя: «Как писать новость?», «Что такое композиция статьи?», «Как писать статью?», «Как брать интервью?», «Как писать фичер?», «Почему хорошая статья может быть плохой?», «Как писать в интернете?».

В качестве примеров приводятся полные тексты публикаций с редакторскими заметками-комментариями на полях. Оригинальный прием: для демонстрации роли редактуры в улучшении качества текста автор помещает для наглядного сравнения текст в исходном виде и его же после правки.

Требование тщательности работы с текстом и демонстрация таковой – в редакторских замечаниях и комментариях на полях по абзацам статей (в книге приведено более 180 редакторских замечаний и комментариев к текстам). Читатель видит текст, видит замечания и может сформулировать свое мнение.

Особо следует отметить оригинальное графическое и композиционное оформление текста. Автор активно использует боксы, то есть вставки в основной текст, выделяющиеся на странице и визуально, и по смыслу и содержащие дополнительную информацию по теме статьи или рассказ о чем-то совершенно другом, дополнительном, попутном в рамках рубрики². Кроме того, при изложении материала автор использует различные маркеры для привлечения внимания: цвет шрифта, стрелочки, сердечки, зачеркивания неправильного, по мнению редактора, выражения, заметки на полях типа «лучший вариант я отметила сердечком».

¹ См. Значение слова перфекционизм. Что такое перфекционизм? URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/перфекционизм>

² Из словаря самоучителя.

В дополнение к «практическим занятиям» автор прилагает список рекомендованной для дальнейшего чтения литературы и словарь.

Словарь включает расшифровку терминов, значение которых понятно широкому читателю и без дополнительных пояснений («бюджет», «обложка», «новые медиа», «джинса»), при этом целый ряд варваризмов остается без пояснений. Хотя, справедливости ради, отметим, что дефиниции профессионализмов «каверстори», «пресс джанкет», «фичер», «advertorial», «blue print», «КПИ редактора» приведены.

Заметим кстати, что обилие английских слов и выражений в тексте противоречит собственному императиву автора «избегайте англицизмов» (с. 18). Помимо этого противоречия можно заметить в тексте самоучителя С. Соколовой спорные суждения и рекомендации. Например, ее императив «не цитируйте пословицы и поговорки», подкрепленный ссылкой на высказывание Пелама Г. Вудхауса¹ «если есть в мире что-то заунывнее русской пословицы, прошу мне об этом сообщить» (с. 21). Истинность утверждения, как минимум, сомнительна. Другой пример «Никогда не используйте журнальные заголовки на сайте» (с. 156), хотя практика интернет-изданий и социальных медиа показывает достаточную успешность и популярность их использования.

Заслуживают серьезного размышления прогнозы автора книги. Один – пессимистический: «А может быть, диджитал-евангелисты правы и скоро <...> останутся только журналы, похожие на арт-альбомы, на дорогой бумаге с большими красивыми картинками и почти без текстов». Другой прогноз – оптимистический: «Умение ясно мыслить и точно выражать свои мысли будет становиться важнее с каждым днем» (с. 168), и его можно экстраполировать на всю современную публичную сферу.

Т.А. Семилет

---

¹ Вудхаус, Пелам Гренвилл (1881-1975) – популярный английский писатель, драматург.

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

А.В. Загуменнов. Риторические топы в смысловой организации полемического текста XVII века (на материале «Письма...» Федора Иванова). Цель настоящего исследования заключается в выявлении риторических топов, организующих смысловую систему текста эпохи раннего старообрядчества. Актуальность работы, во-первых, обусловлена недостаточной изученностью творчества Федора Иванова – одного из самых авторитетных богословов в среде раскольников; во-вторых – возрождающимся интересом к риторике, а в-третьих – парадигмальной необходимостью построения истории языка на антропоцентрических основаниях. К сожалению, теоретических трудов диахронического плана в указанном русле не так много, а инструментарий средств и разработок на базе современного состояния речевой культуры не адаптирован к специфике лингвистического материала XVII столетия. В качестве методов исследования применяются: описание, контекстный анализ, реконструкция, моделирование и компоненты филологической герменевтики. В статье обосновывается наличие разветвленных смысловых отношений, оформленных терминами соответствующих риторических топов в сочинении. В качестве вывода приводится тезис об оформленности в анализируемом сочинении особой коллективной нозматической структуры, объединявшей и сторонников, и противников церковного раскола. Результаты настоящего исследования могут быть полезны как факты исторической стилистики и как основа для последующих сравнительно-сопоставительных работ в области диахронической риторики, что может найти применение в соответствующих университетских курсах и спецкурсах.

A.V. Zagumennov. Rhetorical Tops in the Semantic Structure of a Polemical Text of the 17th Century (Based on the Material of *Letter...* by Fedor Ivanov). The purpose of this study is to identify rhetorical tops that organize the semantic structure of the text in the era of the early Old

Believers. The topicality of the work, firstly, is determined by insufficient knowledge of the works by Fedor Ivanov – one of the most prominent theologians among schismatics; secondly, an increasing interest in rhetoric, and thirdly, the paradigmatic necessity to develop the history of the language on anthropocentric grounds. There seem to be not so many theoretical works of diachronic aspect in this sphere, and the use of rhetoric based on the modern state of speech culture is not adapted to the peculiarities of the linguistic material of the 17th century. The research methods are: description, context analysis, reconstruction, modeling and components of philological hermeneutics. The author gives reasons for the existence of the diversity of semantic relations, designed in terms of corresponding rhetorical tops in the essay. In the conclusion, the author provides a thesis about the formalization of a special collective noematic structure in the analyzed work, which united both supporters and opponents of the church schism. The results of this study can be used in historical stylistics and as a basis for subsequent comparative studies in the field of diachronic rhetoric, which can be applied in university courses in this fields.

О.А. Колмакова. Н.В. Гоголь в художественном сознании М.М. Зощенко. Предмет исследования в данной статье – художественная рефлексия творческого наследия Н.В. Гоголя и его биографической личности в произведениях М.М. Зощенко. Создавая тексты в форме сказовой новеллы, Зощенко апеллирует к своему великому предшественнику, ставшему родоначальником русской сказовой традиции. Свой «диалог» классик XX столетия ведет и с отдельными гоголевскими произведениями, влияние которых обнаруживается в зощенковских текстах на мотивно-образном уровне. При этом уже в ранней прозе Зощенко текстуальные совпадения с Гоголем могут иметь пародийно-игровую направленность. Сама личность Гоголя становится для Зощенко как объектом полемики, так и образцом для неосознанного подражания. Полемическое отношение к Гоголю у Зощенко проявляется в таком приеме как демифологизация образа писателя-классика, превращенного из творца художественной реальности в ее часть – литературного персонажа. В зрелом творчестве Зощенко создает свой, во многом автопсихологический, миф о Гоголе, связанный с ощущением трагического разлада в собственной личности.

O.A. Kolmakova. N.V. Gogol in the Artistic Consciousness of M.M. Zoshchenko. The article studies literary reflection of N.V. Gogol's creative activity, his biography and his personality in M.M. Zoshchenko's works. Creating texts in the genre of a skaz novella, Zoshchenko appeals to his great predecessor, who became the founder of the Russian skaz tradition.

The classical writer of the 20th century has «a dialogue» with some Gogol works, and their influence can be seen in Zoshchenko's storylines and images throughout his texts. At the same time, in Zoshchenko's early prose, textual coincidences with Gogol can have a parody and playful effect. Zoshchenko views Gogol's personality both as an object of controversy and as a model for unconscious imitation. Zoshchenko's controversial attitude towards Gogol is manifested in demythologizing the classical writer who is transformed from a creator of artistic reality into its part - a literary character. In his late works, Zoshchenko creates his own, in many ways autopsychological myth about Gogol which is associated with a feeling of tragic discord in his own person.

В.Я. Иванова. Владимир Чивилихин в творческой судьбе Валентина Распутина. На основе воспоминаний Е. Чивилихиной, В. Чивилихина, В. Распутина, А. Вампилова, В. Шугаева, А. Овчаренко, а также писем, дневников и других документов, публикаций в газетах и журналах 1965–1970 годов, поздних интервью Валентина Распутина реконструируются обстоятельства заочного знакомства и первой встречи Владимира Чивилихина с красноярским журналистом Валентином Распутиным на Читинском семинаре молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, определившем выбор творческого пути будущего писателя. Восстанавливаются детали переписки и встречи, чувства, ожидания. Раскрывается роль произведений Владимира Чивилихина в выборе тематики статей журналиста Валентина Распутина за несколько лет до их знакомства, в том числе в период его работы в Красноярске. Рассматриваются общность судеб, особенности характеров, определивших внутреннее родство учителя и ученика, общность интересов и взглядов. Выделяется преэминентность гражданской позиции двух писателей, тематики их произведений, связи отдельных мотивов, образов.

V.Ya. Ivanova. Vladimir Chivilikhin in the Creative Destiny of Valentine Rasputin. Based on the memoirs of E. Chivilikhina, V. Chivilikhin, V. Rasputin, A. Vampilov, V. Shugaev, A. Ovcharenko, letters, diaries and other documents, publications in newspapers and magazines of 1965–1970, late interviews of Valentin Rasputin are reconstructed the situation of acquaintance and meeting of Vladimir Chivilikhin with Valentin Rasputin with the Krasnoyarsk journalist at the Chita seminar of young writers of Siberia and the Far East, which determined the choice of the creative way of the future writer. The details of correspondence and meetings, feelings, expectations are restored. The role of the work of Vladimir Chivilikhin in revealing the subject matter of articles

by journalist Valentin Rasputin is revealed several years before they met, including the period of his work in Krasnoyarsk. The common features of the destinies, characteristics that determined the inner similarity of the teacher and student, common interests and views are studied. The continuity of the civic position of the two writers, the themes of their works, the connection of individual motives, images are highlighted.

В.В. Дробан, Л.А. Исаева. Лексема «мир» в современном эргонимическом пространстве (на материале наименований коммерческих организаций Краснодарского края). Статья посвящена выявлению формального, семантического и прагматического потенциала лексемы «мир» в современном эргонимическом пространстве Краснодарского края, рассмотренном на материале эргонимов с данной единицей и ее производными. Материалом исследования послужили эргонимы, зафиксированные в период с 2017 по 2019 год в процессе наблюдения над объектами городской среды, а также анализа баз 2gis.ru и Google Maps.

Результатом исследования стала классификация эргонимов современного эргонимического пространства Краснодарского края с лексемой «мир», осуществляемая на основании их формальных, семантических, функциональных и прагматических особенностей.

В статье отмечено, что эргонимы с лексемой «мир» в современном эргонимическом пространстве, рассмотренном на примере наименований коммерческих организаций Краснодарского края, образовали активную модель нейминга, способствующую реализации аттрактивной функции рекламного текста. Частотность объясняется особенностями лексемы «мир», проявляющимися в ее семантическом наполнении, способности к выражению концептуализированных общезначимых смыслов, а также в ее высоком манипулятивном потенциале, predetermined structure of the ergonym.

V.V. Droban, L.A. Isaeva. The Lexeme «World» in the Modern Ergonomic Space (Based on the Names of Commercial Organizations in the Krasnodar Region). The article is devoted to the identification of the formal, semantic and pragmatic potential of the lexeme «world» in the modern ergonomic space of the Krasnodar region, which is considered on the basis of ergonyms with this unit and its derivatives. The material of the study was ergonyms recorded in the period from 2017 to 2019 during the observation of objects of the urban environment, as well as the analysis of databases 2gis.ru Krasnodar and Google Maps.

The result of the study was the first proposed classification of ergonyms of the modern ergonymic space of the Krasnodar region with the lexeme

«world», carried out on the basis of their formal, semantic, functional and pragmatic features.

The author stresses that ergonyms with the lexeme «world» in the modern ergonymic space, considered on the example of the names of commercial organizations in the Krasnodar region, formed an active naming model that contributes to the implementation of the attractive function of the advertising text. The frequency of usage is explained by the features of the «world» lexeme, which are manifested in its semantic content, the ability to express conceptualized common meanings, as well as in its high manipulative potential, predetermined by the structure of the ergonym.

С.В. Беликов, И.Ю. Качесова. Формирование коммуникативно-речевой компетентности в преподавании русского языка как иностранного (из опыта обучения русскому языку китайских студентов). В статье рассматривается коммуникативно-речевая компетентность как база преподавания русского языка как иностранного китайским студентам. Понятие коммуникативной компетентности связывается с формированием коммуникативной парадигмы РКИ. В статье в качестве базовых условий, определяющих коммуникативный подход к преподаванию русского языка как иностранного, выделяются дискурсивность и риторичность. Дискурсивные характеристики связываются с особыми этнопризнаками китайской культуры: влияние конфуцианской идеологии, целостность видения мира, специфический двигательно-зрительный тип памяти. Риторические характеристики определяются базовыми категориями риторической парадигмы. В качестве частного случая описывается речевая интенция.

S.V. Belikov, I.Yu. Kachesova. The Formation of Communicative and Speech Competence in Teaching Russian as a Foreign Language (from the Experience of Teaching Russian to Chinese Students). The article discusses communication and speech competence as a basis for teaching Russian as a foreign language to Chinese students. The concept of communicative competence is associated with the formation of the communicative paradigm of RCTs. In the article, discursiveness and rhetoric are highlighted as the basic conditions that determine the communicative approach to teaching Russian as a foreign language. Discursive characteristics are associated with peculiar ethnological features of the Chinese culture: the influence of Confucian ideology, the integrity of the vision of the world, a specific motor-visual type of memory. Rhetorical characteristics are determined by the basic categories of the rhetorical paradigm. Speech intention is described as a particular case.

О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина Литературно-диалектная языковая личность как выразитель народно-речевой культуры. В статье на примере конкретной литературно-диалектной творческой языковой личности (ЯЛ) жительницы станицы Старотитаровской Краснодарского края, обосновывается правомерность рассмотрения в качестве носителя традиционной народно-речевой культуры представителей сельской интеллигенции, испытавших влияние художественной литературы, текстов СМИ, но при этом знакомых с фольклором и усвоивших с детства традиции, этические, эстетические и речевые нормы диалектного сообщества. Рассматривается творческая деятельность изучаемой ЯЛ по созданию текстов на говоре, соответствующих фольклорному жанру бывальщины; анализируются собирательская работа по созданию сборника пословиц и фразеологизмов, составляющих личный пословично-фразеологический фонд ЯЛ, и лексикографическая – по подготовке словарных материалов для профессиональных диалектологов; делается вывод о развитом метаязыковом сознании ЯЛ, проявляющемся в способности дифференцировать диалектные слова, понимании важности фиксации места слова в лексической системе говора, а также в умении спонтанно приводить информативные контексты. В заключение высказывается идея о необходимости разработки типов крестьянской речевой культуры в среде современных сельских жителей и описания соответствующих им типов ЯЛ.

O.G. Borisova, L.Y. Kostina. Literary and Dialectal Linguistic Identity as an Embodiment of Folklife and Linguistic Culture. The article studies the case of a particular literary and dialectal creative linguistic identity (LI), the inhabitant of stanitsa Starotitorovskaya of Krasnodar region, to establish the validity of reviewing the rural literate representatives, who are influenced by general fiction, mass media texts. At the same time, they are familiar with folklore; since the childhood they have adopted traditions, ethical, esthetical and linguistic standards of dialect community, as representatives of traditional folklife and linguistic culture. The author reviews creative activity of a LI to generate texts in subdialects, consistent with the folklore genre of urban legend. Compilation work on creating the collection of proverbialisms and phraseological units, constituting the personal proverbial and phraseological pool of the LI, as well as lexicographical work on preparation of dictionary materials for professional dialectologists is analysed. The conclusion is made on a developed metalinguistic consciousness of the LI, manifested in the ability to differentiate dialect words and understand the importance to fix the word's place in the lexical system of the subdialect. The ability to spontaneously provide necessary informational contexts is studied,

as well. In conclusion, the author stresses the idea to develop types particular of peasant speech etiquette among contemporary rural population and then to describe these types of LIs.

Н.В. Кожанова. Архаизмы и неологизмы в сфере наименований лиц по профессии (на материале немецкого языка). В статье рассматриваются немецкие наименования лиц по профессии с точки зрения динамики их развития. Изменения, происходящие с течением времени, приводят к появлению архаизмов и неологизмов, имеющих свои особенности в анализируемой группе лексики. Устаревшие наименования лиц по профессии представлены, прежде всего, историзмами и семантическими архаизмами. Появление неологизмов является отражением естественного процесса эволюции лексической системы языка. Для данной лексики характерна высокая степень морфологической интегрированности. По способу образования выделяют заимствования, новообразования и абсолютные неологизмы. Особое внимание уделяется характеристике английских заимствованных наименований, которые представляют собой большинство среди общего числа заимствований в группе лиц по профессии на современном этапе развития языка. В качестве выводов отмечается важность комплексного изучения неологизмов и архаизмов в области наименований лиц по профессии, что позволяет подробно рассмотреть сущность процессов постоянной эволюции лексических систем и подсистем, а также прогнозировать вероятные изменения в системе наименований лиц по профессии, связанными с изменениями на рынке труда Германии.

N.V. Kozhanova. Archaisms and Neologisms in the Sphere of Professional Nominations (Exemplified in the German Language). The article considers professional nominations from the point of view of their dynamic development. The changes taking place due to the time passing lead to the formation of archaisms and neologisms which have their peculiarities in the analyzed group of lexical units. Obsolete professional nominations are represented mostly by historicisms and semantic archaisms. Appearance of neologisms reflects a natural process of lexical system evolution. These lexical units can be characterised by a high degree of morphological integrity. Based on the way of formation, lexical units are classified into borrowings, lexical innovations and absolute neologisms. Special attention is paid to the analysis of English borrowings which constitute the majority of all borrowings in the lexical group of professional nominations now. In conclusion, the author underlines the importance of complex analysis of archaisms and neologisms in the sphere of professional nominations that allows to study the essence of constant evolution of lexical systems and subsystems, and to

predict possible changes in the system of professional nominations connected with the changes in the German labor market.

О.В. Томберг. *Homo heroicus* в древнеанглийской литературе: лингвоаксиологический подход. В статье раскрывается специфика основных героических образов древнеанглийской литературы как художественной проекции темы героизма, которая являлась мировоззренческой доминантой периода VI–XI вв. н.э. Особенности репрезентации образов рассматриваются в зависимости от их жанровой природы. В статье применяется лингвоаксиологический подход к анализу героической личности. На стилистическом уровне речь идет о сюжетных функциях и лингвостилистических маркерах образов, на коммуникативном – поведенческих паттернах, на концептуальном – связи образов с аксиологемами древнеанглийской культуры. Образы героя и воина имеют истоки в архаичной мифопоэтической культуре, что репрезентировано на уровне их ономастикона. Различия в ценностном содержании этих образов обусловлены большим жанровым охватом образа воина, что приводит к раскрытию внутреннего мира героической личности. Доминантным чувством героической личности древнеанглийской литературы является чувство горя. Король героической эпохи интерпретируется как мудрый немолодой правитель, его образ проникнут христианским мирозерцанием.

O.V. Tomberg. *Homo heroicus* in Old English Literature: Linguistic and Axiological Approach. The article presents an insight into specific features of heroic images of Old English literature as a literary projection of the phenomenon of heroism that can be described as a key cultural feature of VI – XI AD. The peculiarities of the image representation are dependent on their genre nature. The article uses a linguistic & cultural approach to characterize the heroic personality. At the stylistic level the plot functions and linguostylistic markers of the heroic personality are studied, at the communicative level – patterns of behavior, at the conceptual level – key axiological concepts associated with these images. The images of warrior and hero are rooted in archaic mythopoetic culture, that is reflected in their names. Differences in axiological content of these images result from a bigger genre scope of the warrior image that leads to a certain degree of penetrating into the inner world. The most recurrent feeling of the Old English heroic personality is a feeling of grief. A heroic king is interpreted as a wise elderly ruler, his image is closely tied to Christian world picture.

К.В. Дементьева, М.А. Кузьмина Карикатура на обложке издания: требования, анализ (The New Yorker, The Week (UK), Der Spiegel, The Spectator). В статье рассматривается функционирование

феномена карикатуры и сатирической иллюстрации как традиционного и обновленного метода социальной критики в журналистике и формата обложки печатного периодического издания. Целью работы является выявление особенностей феномена карикатуры и сатирической иллюстрации как традиционного и обновленного метода социальной критики в журналистике и формата обложки печатного периодического издания.

В западной периодической печати иллюстрированная обложка чаще всего посвящена политическим темам, выполнена в жанре карикатуры и нацелена на мощную общественную реакцию. Карикатуры и иллюстрации могут выступать как самостоятельный материал, но в основном они являются способом сказать «недосказанное». Выявлена очевидная тенденция применения компьютерной графики даже в форме копирования традиционных техник в создании рассмотренных иллюстраций. Наиболее популярными у аудитории являются издания, публикующие резонансные обложки в смешанном стиле, политической тематики.

K.V. Dementieva, M.A. Kuzmina. Caricature on the Cover of a Print Medium: Requirements, Analysis (The New Yorker, The Week (Great Britain), Der Spiegel, The Spectator). The article discusses the functioning of the phenomenon of caricature and satirical illustration both as a traditional and updated method of social criticism in journalism and as the cover format of a printed periodical. The aim of the work is to identify the features of the phenomenon of caricature and satirical illustration as a traditional and updated method of social criticism in journalism and the cover format of a printed periodical.

In the western periodical press, the illustrated cover is most often devoted to political topics, made in the genre of caricature and aimed at a powerful social feedback. Caricatures and illustrations can act as independent material, but basically they are a way of saying “unsaid”. An obvious tendency has been revealed for the use of computer graphics, even in the form of copying traditional techniques in development of the illustrations under discussion. The most popular with the audience are media that devise resonant covers in a mixed style and on political subjects.

Н.Н. Шпильная. Особенности измененного языкового сознания при психических расстройствах. Исследуется измененное языковое сознание, наблюдаемое при психических расстройствах. Измененное языковое сознание рассматривается как такое состояние сознания, которое возникает вследствие нервно-психологической патологии. В статье представлен анализ форм проявления полифонии измененного

языкового сознания при психических расстройствах и ключевых идей, формирующих его. Материалом для анализа послужили дневниковые записи больных (50 единиц записей «голосов») и результаты опроса (беседы) с носителями языка, имеющими психические расстройства. В опросе приняли участие 15 человек. Для описания измененного языкового сознания вводятся такие термины, как невербализуемая личность и невербализуемые высказывания. Анализ материала исследования позволил выделить две формы проявления полифонии измененного языкового сознания – диалог и полилог. Диалог представлен в форме разговора невербализуемой языковой личности и реальной языковой личности. Полилог представлен в форме разговора реальной языковой личности одновременно с несколькими невербализуемыми языковыми личностями. На основе анализа дневниковых записей выделены следующие ключевые идеи, формирующие языковое сознание носителя языка, имеющего психические расстройства: актуализация символической функции объекта действительности, идея организованной слежки, идея эгоцентризма, вера в свои сверхъестественные (экстрасенсорные) способности.

N.N. Shpilnaya. Peculiarities of Altered Linguistic Consciousness in Mental Disorders. Altered linguistic consciousness observed in mental disorders has been investigated. Altered linguistic consciousness is considered as a state of consciousness that occurs as a result of neuropsychological pathology. The article presents the analysis of the forms of manifestation of polyphony of altered linguistic consciousness in mental disorders and the key ideas that generate it. The material for the analysis was the patients' diary records (50 «voice» record entries) and the results of a survey (interview) with native speakers with mental disorders. The survey involved 15 people. The terms non-verbalizable personality and unverbalizable utterances have been introduced to describe the altered linguistic consciousness. Analysis of the research material has allowed us to distinguish two forms of the manifestation of polyphony of the altered linguistic consciousness – a dialogue and a polylogue. The dialogue is presented in the form of a conversation between a non-verbalizable linguistic personality and a real linguistic personality. The polylogue is presented in the form of a conversation of a real linguistic personality with several non-verbalizable linguistic personalities simultaneously. The analysis of diary entries made it possible to single out the following key ideas that generate the linguistic consciousness of a native speaker with mental disorders: the actualization of the symbolic function of the object of reality, the idea of arranged surveillance, the idea of egocentrism, belief in one's supernatural (extrasensory) abilities.

В.В. Сазанов. Художественно-интенциональные признаки исповеди и проповеди в рассказе В.П. Астафьева «Капля» из книги «Царь-рыба». Статья посвящена исследованию особенностей авторской интенции в рассказе В.П. Астафьева «Капля» из книги «Царь-рыба». Содержание произведения рассматривалось исследователями в аспекте социально-нравственных проблем современности, важнейшей из которых в 1970-е годы становится экологическая. В традиционное реалистическое повествование Астафьев включает лирико-философский компонент, имеющий черты религиозных жанров – проповеди, исповеди. При всей неоднозначности научных суждений о религиозном поиске писателя очевидна возможность выявления в рассказе «Капля» жанрово-художественных признаков, свидетельствующих о вполне определенных психологических, религиозно-философских установках автора, что составляет актуальность и новизну предлагаемого исследования. Мотив благодарности и радостного приятия жизни является одним из доминирующих в христианском мироощущении, а в данном тексте является доказательством философско-религиозной авторской идеи. Элементы исповедально-проповеднического нарратива проявляются как «память жанра», как направленность творческого сознания Астафьева на постижение законов существования жизни.

V.V. Sazanov. Artistic and Intentional Signs of Confessions and Sermons in V.P. Astafyev's Story *Drop* from the book *Queen Fish*. The article is devoted to the study of the features of the author's intention in the story *Drop* by V.P. Astafyev from the book *Queen Fish*. The content of the story has been considered by researchers in the aspect of social and moral problems of our time. One of them is environmental. It became very important in the 1970s. Astafyev includes into the traditional realistic narrative a lyrical and philosophical component that has features of religious genres-sermons, confessions. Despite all the ambiguity of academic judgments about the writer's religious search, it is obvious that the story *Drop* can reveal genre and artistic features that indicate well-defined psychological, religious and philosophical attitudes of the author, which makes up the relevance and novelty of the proposed research. The motive of gratitude and joyous acceptance of life is one of the dominant ones in the Christian worldview, and there is a proof of the same philosophical and religious idea of the author in this text. Elements of the confessional-preachy narrative appear as the «memory of the genre», as a slant of Astafyev's creative consciousness to get insight into the laws of life existence.

С.А. Ан, Я.П. Редько. Образы любви, войны и моды в идейно-смысловом поле творчества Т.И. Плотниковой. В статье рассматривается эстетически-нравственная основа творчества барнаульской поэтессы и художницы Т.И. Плотниковой. Акценты ставятся на образах войны, любви и моды. Дается представление об особенностях графики Т.И. Плотниковой. Мягкость и размытость точечной техники органично воплощает сюжеты и образы рисунков, которые носят обобщенный и символический характер. Детали метафоричны и служат наиболее полному воплощению идеи, заключенной в образе. Сочетание подлинного реализма с волшебством романтических ощущений придает творчеству Т. Плотниковой особую выразительность, а некоторая наивность в поэтических, графических образах делают ее художественную стилистику своеобразной и поистине неповторимой. В творчестве Тамары Плотниковой транслируются всепоглощающие образы любви в стремлении друг к другу, чем передается авторское уважение к человеку, выявляется его достоинство, благоговение перед природой. В ее стихах, графике и живописи образы любви высвечивают ценность личности любящего, направленную на ценность личности объекта любви. Ибо любящий дает любимому новое измерение своей сущности – быть «для него». Любовь для личности является дополнением к ее ценности, приданием смысла ее бытию.

S.A. An, Ya.P. Redko. Images of Love, War and Fashion in the Ideological and Semantic Field of T.I. Plotnikova's Works. The article deals with the aesthetic and moral basis of the work of Barnaul poet and artist T.I. Plotnikova. Emphasis is placed on images of war, love and fashion. Peculiar features of T.I. Plotnikova's graphics are described. The softness and blurriness of a dot technique organically embodies the plots and images of the drawings, which are generalized and symbolic. The details are metaphorical and serve as the most complete embodiment of the idea contained in the image. The combination of genuine realism and the magic of romantic sensations gives T. Plotnikova's works special expressiveness. And some naivety in poetic, graphic images makes her artistic style outstanding and truly unique. In the works of Tamara Plotnikova, all-consuming images of love are transmitted through craving for each other, which conveys the author's respect for humans, reveals their dignity, reverence for the nature. In her poems, graphics and paintings, images of love highlight the value of the personality of the lover, aimed at the value of the personality of the object of love. For the lover gives the beloved a new dimension of the personal self- to be «for them». Love for a person is an addition to a personality value as it gives meaning to its being.

Е.А. Вдовиченко, Г.И. Лушникова. Религиозные аллюзии в романе Эрика-Эмманюэля Шмитта «Попугаи с площади Ареццо». В данной статье освещены такие постмодернистские черты современного романа «Попугаи с площади Ареццо» (2013) бельгийского писателя и философа Эрика-Эмманюэля Шмитта, как фрагментарность, жанровый синкретизм, разные типы повествования, интертекстуальность. Интертекстуальность является неотъемлемой чертой постмодернистской художественной литературы, так как позволяет по-иному осмыслить идею текста. Особое внимание авторы статьи уделили изучению значений религиозных аллюзий в заглавиях частей романа, так как они дают толчок для соположения и сопоставления библейского и авторского сюжетов. Было выявлено, что в множестве сюжетных линий, развивающихся в произведении Эрика-Эмманюэля Шмитта, имеется та, которая имеет особенно явное соответствие в развитии событий представленным в названиях религиозным аллюзиям. Также авторы данной статьи отметили, что основной функцией изученных аллюзий в современном романе «Попугаи с площади Ареццо» является напоминание читателю о благой вести, знаках судьбы, праведной жизни.

E.A. Vdovichenko, G.I. Lushnikova. Religious Allusions in the Novel *Les Perroquets de la place d'Arezzo* by Eric-Emmanuel Schmitt. This article highlights such postmodern features of the modern novel *Les Perroquets de la place d'Arezzo* (2013) by the Belgian writer and philosopher Eric-Emmanuel Schmitt, as fragmentarity, genre syncretism, different types of narration, intertextuality. Intertextuality is an integral feature of postmodern fiction, as it allows us to understand the idea of the text in a different way. The authors of the article pay special attention to the study of the meanings of religious allusions in the titles of parts of the novel, since they give an impulse to the comparison of the biblical and author's stories. It has been revealed that of the many storylines presented in the work of Eric-Emmanuel Schmitt, there is one that corresponds to the development of events with religious allusions presented in the table of contents. The authors have also noted that the main function of these allusions in the modern novel *Les Perroquets de la place d'Arezzo* is to remind the reader of the gospel, signs of fate, and a righteous life.

Н.В. Мельник, К.А. Артемова. Проблема легитимизации в политическом дискурсе (на материале высказываний о пенсионной реформе). Данная статья посвящена лингвоперсонологическому осмыслению проблемы легитимизации, которая является актуальной для политической сферы коммуникации, и способам её решения в лингвистическом аспекте. В ней мы рассмотрели понятия

«легитимность», «легитимизация» в политическом дискурсе и стратегии и тактики легитимизирующей деятельности Президента РФ В.В. Путина и лидеров оппозиционных партий В.В. Жириновского (ЛДПР), С.М. Миронова (Справедливая Россия) и Г.А. Зюганова (КПРФ). Данные стратегии и тактики были выделены в результате анализа высказываний политиков о пенсионной реформе, которые получены методом сплошной выборки, а затем систематизированы в группы в соответствии с определенными стратегиями и тактиками. В статье также рассматривается то, с какой целью используются данные стратегии и тактики, так как основная, государственная цель – это проведение пенсионной реформы, но политики оппозиционных партий могут преследовать свои: самоутверждение среди граждан или обвинение правящей партии.

N.V. Melnik, K.A. Artemova. The Problem of Legitimization in Political Discourse (Case Study of Utterances on Pension Reform). This article is devoted to the linguistic and personological understanding of the issue of legitimization, which is relevant for the political sphere of communication, and to the ways of answering this issue from the linguistic point of view. We have examined the concepts of «legitimacy», «legitimization» in political discourse and the strategies and tactics of the legitimizing activities of the President of the Russian Federation V.V. Putin and the leaders of the opposition parties V.V. Zhirinovskiy (LDPR), S.M. Mironov (Fair Russia) and G.A. Zyuganov (CPRF). These strategies and tactics have been singled out as a result of the analysis of the statements of politicians about the pension reform. Statements have been selected by the method of continuous sampling, and then systematized into groups in accordance with certain strategies and tactics. The article also discusses the purpose of using these strategies and tactics, since the main national agenda is the implementation of the pension reform, but politicians of opposition parties can pursue their own: self-affirmation among citizens or blaming the ruling party.

С.Б. Цолоева. Метафорические модели, вербализуемые в англоязычном профессиональном рекламном дискурсе: антропоморфная метафорическая модель. Статья посвящена изучению англоязычного профессионального рекламного дискурса с акцентом на употребление в нем антропоморфной метафорической модели Designer Product is Living Being, основанной на ассоциативной связи двух элементов и распадающейся далее на более частные метафорические трансформации. Материалом исследования служат англоязычные рекламные тексты, опубликованные в журнале The Art of

Design, тематически относящиеся к области дизайна и архитектуры. По мнению автора, в структуре метафоры наличествуют метафорическое ядро и метафорическая периферия, актуализирующие основную и дополнительную смысловую метафорическую нагрузку соответственно. Опираясь на результаты эмпирического анализа языкового материала, автор выделяет антропоморфную метафорическую модель Designer Product is Living Being, реализующую на семантическом уровне перенос, сводящийся к тому, что тот или иной дизайнерский продукт наделяется характеристиками, качествами, присущими, как правило, человеку. В работе представлены статистические данные, определяющие частотность применения антропоморфной метафоры в пределах анализируемой выборки англоязычных рекламных текстов.

S.B. Tsoloeva. Metaphorical Models Verbalized in the English Professional Advertising Discourse: Anthropomorphic Metaphorical Model. The article is devoted to the study of the English-language professional advertising discourse for the use of the anthropomorphic metaphorical model Designer Product is Living Being, based on the associative connection of two elements and further breaking down into more specific metaphorical transformations. The research material is English-language advertising texts published in the magazine the Art of Design, thematically related to the field of design and architecture. According to the author, the metaphor structure contains a metaphorical core and a metaphorical periphery, which actualize the main and additional semantic metaphorical meaning. Based on the results of the empirical analysis of linguistic material, the author identifies anthropomorphic metaphorical model Designer Product is Living Being, which implements at the semantic level the transfer that a particular designer product is endowed with characteristics and qualities that are inherent in a human being. The paper presents statistical data that determine the frequency of use of the anthropomorphic metaphor within the analyzed sample of English-language advertising texts.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2020 ГОД

Статьи

- Е.Н. Арефьева.** Динамический аспект картины мира тверского купца Михаила Тюльпина (на материале «Летописи о событиях в Твери 1762–1823 гг.») 1
- С.В. Беликов, И.Ю. Качесова.** Формирование коммуникативно-речевой компетентности в преподавании русского языка как иностранного (из опыта обучения русскому языку китайских студентов) 4
- М.В. Боброва.** Репродуктивные средства образования современных пермских прозвищ..... 1
- О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина.** Литературно-диалектная языковая личность как выразитель народно-речевой культуры..... 4
- И.А. Воробьева.** Анализ речевого употребления лексем «справедливость/justice» в языковых корпусах..... 2
- А.В. Глаголева, Ю.Н. Земская, И.Ю. Качесова, Е.А. Кузнецова.** Копирайтинг как форма репрезентации механизма управления речевыми коммуникациями 2
- К.В. Дементьева, М.А. Кузьмина.** Карикатура на обложке издания: требования, анализ (The New Yorker, The Week (UK), Der Spiegel, The Spectator)..... 4
- В.В. Дробан, Л.А. Исаева.** Лексема «мир» в современном эргонимическом пространстве (на материале наименований коммерческих организаций Краснодарского края) 4
- С.И. Дружинина.** Предложения с грамматическими показателями значения сравнения в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» 3
- С.С. Жданов.** Образы немецкой военной элиты в русской словесности конца XVIII – начала XX века 3
- А.В. Загуменнов, Г.М. Маматов.** «Я не участвую, не существую в мире...»: диалог с символизмом и экзистенциализмом в стихотворении Бориса Поплавского «Снова в венке из воска»..... 2
- А.В. Загуменнов.** Риторические топы в смысловой организации полемиического текста XVII века (на материале «Письма...» Федора Иванова)..... 4
- В.Я. Иванова.** Владимир Чивилихин в творческой судьбе Валентина Распутина 4
- Н.В. Кожанова.** Архаизмы и неологизмы в сфере наименований лиц по профессии (на материале немецкого языка) 4
- О.А. Колмакова.** Н.В. Гоголь

в художественном сознании М.М. Зощенко	4
Г.В. Кукуева. Роль смешанных форм чужой речи в романе Е. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах».....	1
Г.И. Лушникова, Т.Ю. Осадчая. Контаминация жанровых форм в романе Дж. Франзена «Безгрешность»	3
Г.И. Лушникова, Т.Ю. Осадчая. Реализация проблематики «реальное/иллюзорное» в постмодернистском романе Али Смит «Зима»	2
А.А. Мансков. Сказка и реальность в новелле С.Д. Кржижановского «Украденный колокол»	3
Н.В. Мельник, Д.М. Герасимчук. Стратегии формирования имиджа региона (контент-анализ официальной страницы С. Е. Цивилева в социальной сети «ВКонтакте»)	3
Л.И. Миляева, Ю.А. Черноусова. Некоторые языковые особенности современного англоязычного делового дискурса (на материале заголовков подкастов Уортонской школы бизнеса).....	1
О.Г. Никулкина. «Триединство» звука, слова, смысла: лингвистический анализ лирического цикла М.И. Цветаевой «Сивилла»	3
Н.Н. Поддубная. Языковая игра как способ актуализации признака комизма в коротком юмористическом рассказе (на примере шванка российских немцев)	3
И.В. Савельева. Мистер «Что вы делаете?»: языковая личность как детерминанта текстопорождения.....	2
Е.В. Соколова. Л. Горалик. Текст будущего (структурные и жанроречевые особенности).....	2
М.Г. Соколова. Типы семантических преобразований дендронимов в поэтических текстах А. В. Ширяевца	2
Г.А. Солопина, Е.М. Абрамова. История возникновения и развития литРПГ	3
Сюе Чэнь. Энтропия как экзистенциальная проблема в «Солнце мертвых» И.С. Шмелева	1
М.М. Тагиева. Перевод романа Достоевского «Бесы» на азербайджанский язык в XXI веке: передача названия, эпитафий и характера Ставрогина.....	2
О.В. Томберг. Homo heroicus в древнеанглийской литературе: лингвоаксиологический подход	4
Е.В. Тырышкина, Г.М. Маматов. Функционирование мифологического сюжета «Орфей в аду» в творчестве Бориса Поплавского 1930-х годов	3
С.С. Фолимонов. Амебейная композиция в поэзии И.В. Северянина	2
Н.Н. Шпильная. Особенности измененного языкового сознания при психических расстройствах	4

Научные сообщения

Л.Х. Абдуллина. Земельный вопрос в поэзии С. Якшигулова и Ш. Бабича	2
С.А. Ан, Я.П. Редько. Образы любви, войны и моды в идейно-смысловом поле творчества Т.И. Плотниковой.....	4
Е.А. Андреева. Критика Д. Быкова: опыт прочтения современной традиционалистской прозы.....	3
С.Н. Барашкова, Ф.Ф. Желобцов, С.Ф. Желобцова. Функционирование исторического кода в поэтике романов писателей-лауреатов Нобелевской премии	1
Е.А. Вдовиченко, Г.И. Лушникова. Религиозные аллюзии в романе Эрика-Эмманюэля Шмитта «Попугай с площади Ареццо».....	4
М.П. Гребнева. Тема жизни и смерти в рассказах А.Е. Новоселова.....	1
Е.А. Кузнецова. Специфика репрезентации пространственной ориентации событий в семантике английских глаголов <i>sit</i> , <i>stand</i> и <i>lie</i>	3
Лю Мяовэнь. Феномен метапрозы в Китае: теоретический и исторический аспекты	2
Т.Н. Малиновская, Г.А. Менщикова. Особенности англоязычного юридического дискурса в когнитивно-прагматическом аспекте (на материале фильмов “Déjà vu”, “The Judge”)	2
Н.В. Мельник, К.В. Артемова. Проблема легитимизации в политическом дискурсе (на материале высказываний о пенсионной реформе).....	4
А.С. Новикова. Восклицательные предложения в ранненововерхненемецком языке	1
Т.Л. Рыбальченко. Осмысление современности и истории человечества в романах конца советского времени («Плаха» Ч. Айтматова и «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя» А. и Б. Стругацких)	3
В.В. Сазанов. Художественно-интенциональные признаки исповеди и проповеди в рассказе В.П. Астафьева «Капля» из книги «Царь-рыба»	4
Н.А. Хубитдинова. Образ «яблоко» в фольклорном сознании (на материале башкирского народного творчества)	1
Цзян Нань. Слова <i>город</i> и <i>городской</i> в русской фразеологии	1
С.Б. Цолоева. Метафорические модели, вербализуемые в англоязычном профессиональном рекламном дискурсе: антропоморфная метафорическая модель	4
А.В. Швец. «Сплёты букв»: графико-визуальные аспекты слова как экспрессивно значимые в контексте кубо-футуризма	3
И.А. Широких. Предвыборное обращение к нации: риторические каноны или их отсутствие?.....	2

Проблемы филологического образования

- А.М. Абрамова.** Обучение латинскому языку в юридическом вузе через призму профессиональной компетенции (из опыта работы над составлением рабочей программы)..... 1
- Т.В. Иванова, О.В. Никитина.** Проблемы профилизации преподавания языковых дисциплин в юридическом вузе..... 1
- Ю.В. Трубникова.** «Назад к Срезневскому!»: методические идеи И. И. Срезневского и современная лингводидактика (к 160-летию публикации работы «Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте») 3

Филология: люди, факты, события

- Т.В. Чернышова.** 90-летию со дня рождения Иды Александровны Воробьевой, доктора филологических наук, профессора, первого заведующего кафедрой русского языка и литературы филологического факультета Алтайского государственного университета посвящается 1

Рецензии

- Т.А. Семилет.** Императивы и идеалы редактора журналистского текста (рецензия на книгу С. Соколовой «Как стать лучшим редактором глянца и медиа: самоучитель от экс-редактора Vogue». М.: Эксмо, 2020) 4

НАШИ АВТОРЫ

**АН,
Светлана
Андреевна**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: fil-fik@altspu.ru

**АРТЕМОВА,
Ксения
Александровна**

– магистрант Кемеровского государственного
университета.
E-mail: ksenyaartemova@yandex.ru

**БЕЛИКОВ,
Сергей
Владимирович**

– магистрант Алтайского государственного
университета (Барнаул).
E-mail: serafimb@mail.ru

**БОРИСОВА,
Ольга
Геннадиевна**

– доктор филологических наук, доцент
Кубанского государственного университета
(Краснодар).
E-mail: leliastom@mail.ru

**ВДОВИЧЕНКО,
Елизавета
Анатольевна**

– кандидат филологических наук, учитель
английского языка МБОУ «СОШ» № 28
(Кемерово).
E-mail: elizaveta90@mail.ru

**ДЕМЕНТЬЕВА,
Ксения
Владимировна**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: n.d.evgeniya@mail.ru

**ДРОБАН,
Виктория
Владиславовна**

– преподаватель Краснодарского высшего
военного авиационного училища летчиков им.
Героя Советского Союза А.К. Серова.
E-mail: v.droban@mail.ru

**ЗАГУМЕННОВ,
Александр
Владимирович**

– кандидат филологических наук, преподаватель
Вологодского строительного колледжа.
E-mail: zaw1991@mail.ru

**ИВАНОВА,
Валентина
Яковлевна**

– кандидат филологических наук, кандидат
культурологии, доцент Иркутского
государственного университета.
E-mail: i_valya@mail.ru

**ИСАЕВА,
Лидия
Алексеевна**

– доктор филологических наук, профессор
Кубанского государственного университета
(Краснодар).
E-mail: vlisaev@rambler.ru

**КАЧЕСОВА,
Ирина
Юрьевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: ikachesova@mail.ru

**КОЖАНОВА,
Наталья
Викторовна**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: dsf46k@yandex.ru

**КОЛМАКОВА,
Оксана
Анатольевна**

– доктор филологических наук, доцент
Бурятского государственного университета
им. Доржи Банзарова (Улан-Удэ).
E-mail: post-oxygen@mail.ru

**КОСТИНА,
Людмила
Юрьевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Кубанского государственного университета
(Краснодар).
E-mail: patriot30@mail.ru

**КУЗЬМИНА,
Марина
Анатольевна**

– библиотекарь Национальной библиотеки
им А.С. Пушкина Республики Мордовии
(Саранск).
E-mail: the.marina.kuzmina@gmail.com

**ЛУШНИКОВА,
Галина
Игоревна**

– доктор филологических наук, профессор
Гуманитарно-педагогической академии (филиала
Крымского федерального университета имени
В.И. Вернадского в г. Ялте).
E-mail: lushgal@mail.ru

**МЕЛЬНИК,
Наталья
Владимировна**

– доктор филологических наук, профессор
Кемеровского государственного университета.
E-mail: saikova@mail.ru

- РЕДЬКО,
Яна
Петровна** – кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: yana-izotova@mail.ru
- САЗАНОВ,
Владимир
Владимирович** – аспирант Красноярского государственного
педагогического университета
им. В.П. Астафьева.
E-mail: sazan-rubin@mail.ru
- СЕМИЛЕТ,
Тамара
Алексеевна** – доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: 7let@mail.ru
- ТОМБЕРГ,
Ольга
Витальевна** – доктор филологических наук, доцент
Уральского федерального университета
(Екатеринбург).
E-mail: olgatombereg@yandex.ru
- ЦОЛОЕВА,
Седа
Батыровна** – аспирант Пятигорского государственного
университета.
E-mail: sedatsoloeva@yandex.ru
- ШПИЛЬНАЯ,
Надежда
Николаевна** – доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: venata85@mail.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс П5843
в каталоге Почты России
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77–30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 26.11.2020. Подписано в печать 01.12.2020. Дата выхода издания в свет 09.12.2020. Формат 60×84/16. Гарнитура TimesNewRoman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 353.

Издательство и типография Алтайского государственного университета.
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 204.

© Издательство Алтайского государственного университета, 2020

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 35 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 20 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 10 тыс. знаков с пробелами). Для аспирантов – объем не более 20 тыс. знаков с пробелами.
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распечатанные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание научных изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Издания на иностранных языках располагаются после изданий на русском языке. Ненаучные издания (нормативные документы, архивные и др. материалы) указываются в отдельной рубрике «Список источников» в конце списка литературы.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка. При цитировании изданий на иностранных языках цитата дается на языке оригинала (при необходимости – с переводом автора статьи). Если цитата дана на русском языке в неавторском переводе, то в библиографическом списке указывается не иноязычный оригинал, а источник, в котором был опубликован перевод. Интернет-источники с изменчивым контентом без указания конкретного материала (кроме электронных изданий, поддающихся библиографическому описанию), блоги, форумы и т.п., а также авторские комментарии помещаются в подстрочных примечаниях (сносках). Ссылка на источник приводимого в качестве иллюстративного материала фрагмента чужого текста дается после примера в круглых скобках: *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Независимая газета. 01.02.2016).
7. Статьи следует отправлять в редакцию через электронный портал «Научные журналы АлтГУ» по адресу: <http://journal.asu.ru/pm/information/authors>. К статье прилагаются справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы и References.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола

заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте. 2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).** 3. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.